

902.6 (Д2Г)

Д 73

**ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
КАВКАЗА**

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

9026(1.27)
573

ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Махачкала 1977

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ДАГЕСТАНА, т. VI

Ответственный редактор
М. Г. ГАДЖИЕВ

Махачкала
научная библиотека
ДагФАН СССР

86388

instituteofhistory.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник посвящен памяти видных советских археологов Александра Александровича Иессена и Андрея Павловича Круглова, с именами которых связано начало становления дагестанской археологии.

А. А. Иессеном в 1933 г. были проведены фактически первые широкие целенаправленные археологические разведки на территории Дагестана в зоне будущего водохранилища Чиркейской ГЭС. Им составлена первая археологическая карта Дагестана, изучены на месте все, выявленные в зоне строительства ГЭС археологические памятники и предложена их хронология. Это нашло отражение в статье «Работы на Сулаке»¹, являющейся одной из лучших сводок по археологии Дагестана. А. А. Иессен не только должным образом оценил научную значимость археологических памятников края, но и определил практические задачи по организации предстоящих больших археологических исследований в Дагестане.

А. П. Круглов свою короткую, рано оборвавшуюся научную деятельность посвятил главным образом изучению археологических памятников Северо-Восточного Кавказа. В 1936—1939 гг. он принимал активное участие в работе Северокавказской экспедиции ИИМК АН СССР, положившей начало систематическому археологическому изучению Дагестана. Под его руководством были проведены археологические раскопки ряда памятников первобытной археологии на территории Дагестана и Чечено-Ингушетии. Результаты этих работ нашли свое освещение в ряде специальных статей А. П. Круглова, а также в его монографическом исследовании «Северо-Восточный Кавказ во II—I ты-

¹ А. А. Иессен. Работы на Сулаке. «Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг.», вып. II, Изв. ГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 29—38.

² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, 1958.

сячелетиях до н. э.»², вышедшем в свет уже после его смерти при героической обороне Ленинграда. В нем была дана первая историко-культурная характеристика памятников медно-бронзовой эпохи Дагестана и Чечни.

Предложенный сборник затрагивает многие вопросы и проблемы, входившие в круг научных интересов А. А. Иессена и А. П. Круглова. Он включает статьи, характеризующие культурно-историческое развитие населения Северо-Восточного Кавказа на протяжении весьма длительного периода, начиная с каменного века до появления на исторической арене древнейшего на Восточном Кавказе государства — Кавказской Албании включительно.

Сборник открывается статьей Х. А. Амирханова, посвященной одному из значительных памятников древнейшей археологии Кавказа — Чохской стоянке эпохи верхнего палеолита и мезолита. В ней прослеживаются типологические параллели поздним комплексам Чохской стоянки в мезолите восточного Прикаспия.

В публикациях М. Г. Магомедова и Г. С. Федорова вводятся в научный оборот материалы двух погребальных памятников эпохи бронзы, выявленных случайно в процессе земляных работ в плоскостной и предгорной части Дагестана, в окрестностях г. Буйнакска и ст. Манас. Несмотря на значительную территориальную удаленность друг от друга, различия в погребальных сооружениях, оба памятника характеризуются удивительной общностью погребального инвентаря и представляют собой единый в хронологическом и культурно-историческом плане комплекс.

Статья Р. Н. Мирзоева посвящена вопросам типологии и классификации разнообразных предметов вооружения, происходящих из памятников Дагестана эпохи ранней бронзы.

Статья М. Г. Гаджиева и М. М. Маммаева посвящена антропоморфным каменным изваяниям с территории Дагестана, свидетельствующим о существовании реальных связей между населением Северо-Восточного Кавказа и степными племенами юга нашей страны.

Статья В. И. Кашипова и В. И. Марковина вводит в научный оборот наскальные изображения в долине реки Сулак и рисунки на камнях из стен домов находящегося здесь поселения эпохи поздней бронзы. Особая ценность последних заключается в том, что они являются надежным ориентиром для хронологических и стилистических сопоставлений древних резных наскальных изображений предгорного Дагестана и Азербайджана.

Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры рассматриваются в статье В. И. Козенковой. В ней обстоятельно анализируются материалы нескольких разновременных богатых захоронений Сержень-юртовского могильника, на основе чего автор устанавливает

два этапа представленной в нем культуры — ранний (X—перв. пол. VIII вв. до н. э.) и поздний (сер. VIII—VII вв. до н. э.).

В статье М. М. Маммаева рассматриваются некоторые материалы древнего декоративно-прикладного искусства Дагестана, несущие на себе яркие и очевидные следы скифо-сибирского «звериного» стиля.

О. М. Давудов вводит в научный оборот интересные материалы из высокогорного Сумбатлинского могильника албанского времени. Особенный интерес представляют богатые всаднические захоронения, свидетельствующие о далеко зашедшей социальной дифференциации местного общества.

Большой интерес представляют добытые раскопками последних лет материалы из древнейшего досасанидского поселения в районе Дербента, рассматриваемые в статье А. А. Кудрявцева. Автором охарактеризованы материалы раннежелезного века, албанского и раннесредневекового (досасанидского) периодов, свидетельствующие о длительном обживании данной территории местными племенами задолго до появления сасанидов.

Сборник включает небольшая статья М. М. Расуловой, где по нумизматическим данным освещается вопрос о торговых связях Кавказской Албании в I в. до н. э.

Таким образом, тематика данного сборника охватывает довольно обширный круг вопросов древней истории и археологии Северо-Восточного Кавказа, представляющих интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся далеким прошлым народов Кавказа.

Публикацией этого сборника авторы выражают глубокое уважение к памяти первых советских исследователей первобытной археологии Северо-Восточного Кавказа А. А. Иессена и А. П. Круглова.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ПОЗДНИМ КОМПЛЕКСАМ ЧОХСКОЙ СТОЯНКИ В МЕЗОЛИТЕ ВОСТОЧНОГО ПРИКАСПИЯ

Работы П. И. Борисковского¹, А. П. Окладникова², Г. Е. Маркова³ по изучению каменного века Туркменистана и работы В. Г. Котовича⁴ в Дагестане имели большое значение как для освещения древнейшей истории этих регионов, так и для решения вопросов, связанных с взаимоотношением культур больших и зачастую весьма обширных территорий. Благодаря этим работам были исследованы комплексы раннего палеолита и интересующие нас позднепалеолитические и мезолитические памятники юго-восточного Прикаспия: Дам-дам-чешме 1, Дам-дам-чешме 2, Джебел, Кайлю, Каскыр-Булак и др. и Дагестана — многослойная Чохская стоянка.

Уже первые работы по изучению указанных восточнокаспийских комплексов привели исследователей к двум весьма важным выводам: о культурном единообразии памятников этого района и о вхождении этого круга памятников к каспийскому варианту верхнепалеолитической и мезолитической культуры⁵. Последовавшими за этим научными изыс-

¹ П. И. Борисковский. Палеолитические месторождения в Туркмении. КСИИМК, XVIII, 1947.

² А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. ТЮТАКЭ, 2. Ашхабад, 1951; его же. Изучение памятников каменного века в Туркмении. Изв. АН Туркм. ССР, 1953; его же. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. ТЮТАКЭ, VII. Ашхабад, 1956; его же. Древнейшее прошлое Туркменистана. ТИИАЭ, I, Ашхабад, 1956.

³ Г. Е. Марков. Грот Дам-дам-чешме 2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, 2.

⁴ В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане УЗ. ИИЯЛ, 3. Махачкала, 1957; его же. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, III. Махачкала, 1961; его же. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.

⁵ П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 8; А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники..., стр. 104.

каниями и открытием новых памятников к востоку от Туркмении (Узбекистан, Таджикистан) эти выводы были еще более обоснованы и подтверждены⁶. На примере Дам-дам-чешме 2 был также далее развит вывод о наличии приемственности местных верхнепалеолитических традиций в мезолитических комплексах этих памятников⁷.

Наряду с этим, недавно была сделана попытка разделения материалов Восточного Прикаспия на два «локальных варианта», один из которых («прибалаханский») представляет местную культуру (слой 4 «низ» — 7 Дам-дам-чешме 2, мезолитические комплексы Джебела и Кахыр-Булака), а другой — специфический вариант зарзийской культуры (слой 4 «верх» Дам-дам-чешме 2, Ходжа-Су, Дам-дам-чешме 1 и др.)⁸. Для памятников первой группы, связанных с южнокаспийскими памятниками типа Гари-Камарбанд, характерным было признано наличие в их комплексах крупных высоких «симметричных или слегка асимметричных трапеций с прямыми или выпукло-вогнутыми боковыми краями и нередко ретушированным верхним краем», треугольников, приближающихся к равнобедренной форме, сочетание нуклеусов призматических и конических с нуклеусами дисковидной формы, высокие пропорции изделий и пластинчатая техника раскалывания кремня при незначительном компоненте микролитоидности⁹.

В качестве специфических форм, сближающих вторую группу памятников с зарзийской культурой, были отмечены острия типа перочинного ножа, скребки нуклеидной и концевой форм и скребки округлых очертаний, проколки с выделенным жальцем, микропластинки с притупленной спинкой, геометрические «микролиты в виде низких приземистых удлиненных очертаний сегментов и асимметричных вытянутых треугольников крутой затупливающей ретушью»¹⁰.

Однако, ряд причин заставляют быть крайне осторожным в разделении восточнокаспийских памятников на две культурно обособленные группы. Это подразделение должно основываться прежде всего на строгом типологическом анализе. Очевидно, что при сопоставлении инвентаря двух разных памятников не могут быть поставлены на один уровень

⁶ См. А. П. Окладников. Верхнепалеолитическое и мезолитическое время. — В сб.: «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966; Г. Е. Марков. Указ соч., В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965.

⁷ Г. Ф. Коробкова. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии. КСИА, вып. 122, М., 1970, стр. 22.

⁸ Г. Ф. Коробкова. Культуры Средней Азии эпохи мезолита и неолита. Проблемы археологии Средней Азии. (Тезисы докладов и сообщений). Л., 1968, стр. 15—16; е е же. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии, стр. 21—24.

⁹ Г. Ф. Коробкова. Проблема культур..., стр. 21.

¹⁰ Там же.

столь распространенные орудия, как нуклевидные скребки, концевые скребки, скребки свальной формы, острия типа перочинного ножа и т. п., с одной стороны, и асимметричные трапеции с прямыми или выпукло-вогнутыми краями, равнобедренные треугольники и т. п. с другой стороны. Объединение нескольких памятников в единый узкий культурный массив (археологическую культуру) может производиться только на основе совпадения всех или большинства культуроопределяющих типов, понимая под типом устойчивое сочетание существенных признаков¹¹. В противном случае мы приходим к нивелировке цены различных групп орудий внутри инвентаря и лишаем себя твердых оснований выделения более широких чем тип категорий анализа археологического материала. А это заставляет прибегать к таким не определенным еще для верхнего палеолита и мезолита понятиям, как «вариант культуры», «локальная культура», «техническая традиция»¹² (в данном случае «зарзыйская техническая традиция»). В этом смысле не может не настораживать то, что в группе памятников типа Дам-дам-чешме 1, выделенной Г. Ф. Коробковой как «зарзыйская», отсутствуют острия зарзыйского типа, считающиеся наиболее симптоматичными для зарзыйской культуры. Между тем, в наиболее богатом комплексе (слой 4 «верх» Дам-дам-чешме 2) этой группы налицо типы, определяющие культурное лицо памятников «балаханского» типа¹³.

Далее, сопоставляемые друг с другом комплексы должны быть статистически сопоставимыми и равноценными. Упомянутые же комплексы Восточного Прикаспия зачастую не являются таковыми. Это также делает возможным многозначное объяснение культурной сущности указанных памятников и увеличивает риск ошибиться в их культурно-исторической интерпретации. Так, в 1968 году Г. Ф. Коробковой мезолитические комплексы слоя 4 «верх» Дам-дам-чешме 2, Ходжа-Су и Кайлю были объединены в одном с нижними слоями Гари-Камарбанда¹⁴, а в 1970 году, как указывалось выше, эти же памятники были отнесены к зарзыйскому варианту, а с Гари-Камарбандом и Хоту объединены слои 4 «низ» — 7 Дам-дам-чешме 2, мезолитические слои Джебела и Каскыр-Булака¹⁵.

Таким образом, следует констатировать, что прежнее положение о культурном единообразии известных в настоящее время мезолитиче-

¹¹ Определение типа в такой формулировке впервые предложено Г. П. Григорьевым и М. Д. Гвоздовер.

¹² Н. О. Бадер. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита. СА, 1965, 4, Тр. 9.

¹³ См. Г. Е. Марков. Указ. соч. рис. на стр. 113, №№ 1, 4, 8, 10.

¹⁴ Г. Ф. Коробкова. Культуры Средней Азии..., стр. 15—16.

¹⁵ Г. Ф. Коробкова. Проблема культур..., стр. 22.

ских памятников Юго-Восточного Прикаспия, точно также, как и взгляд о вхождении их в кавказско-переднеазиатскую верхнепалеолитическую и мезолитическую зону не может считаться пересмотренным окончательно.

Что касается многослойной Чохской стоянки, то вопрос о ее месте среди одновозрастных памятников соседних территорий также обсуждался уже в научной литературе. На первом этапе исследования богатые материалы этого интересного памятника были закономерно объединены в одну культурную общность с другими кавказскими индустриями¹⁶. Затем в общем русле пересмотра принципов культурно исторической интерпретации объектов древнекаменного века, эти материалы были справедливо представлены как выражение особой археологической культуры¹⁷. Естественно поэтому, что должен был встать по новому вопрос и о взаимоотношении этой культуры с соседними и более отдаленными культурами.

Современный уровень исследования каменных индустрий позволяет подойти к вопросу о соотношении памятников таких, казалось бы, отдаленных территорий, как Юг прикаспийской Туркмении и Дагестан, разделенных друг от друга Каспийским морем. К необходимости такого сопоставления вела логика предшествовавших исследований в этом направлении. Как выше уже говорилось, памятники прикаспийской полосы Туркменистана, как и кавказские памятники, были отнесены к «каспийскому» варианту. Отмечались также и близость памятников в этих разобщенных территориях друг к другу¹⁸. Мы же здесь кратко коснемся лишь вопроса о конкретных проявлениях и характере этой близости.

Следует прежде всего отметить, что и сами кавказские культуры обнаруживают между собой большие типологические различия. Сравним для примера чохскую и имеретинскую культуры. Специфика инвентаря закавказской (по Н. О. Бадеру) или имеретинской (по Г. П. Григорьеву) культуры достаточно полно описана в ряде частных и общих¹⁹ работ. Так, типами, определяющими своеобразие этой культуры считаются: «острие типа Гварджилас-кльде», острия типа вытянутых суженных сегментов, острия с притупленным краем и закругленным ретушью основанием, пластины обработанные полукрутой или крутой ретушью

¹⁶ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана, стр. 161.

¹⁷ Н. О. Бадер. Указ. соч., стр. 13—14.

¹⁸ П. И. Борисковский. Палеолитические местонахождения в Туркмении, стр. 8; А. П. Окладников. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, стр. 59, А. А. Формозов. Микролитические памятники Азиатской части СССР. СА, 1959, № 2, стр. 55.

¹⁹ С. Н. Замятин. Палеолит Западного Закавказья. Сб. МАЭ, 17, Л., 1957; Н. О. Бадер. Указ. соч.; Г. П. Григорьев. Верхний палеолит. МИА, 166. М., 1970.

по периметру, а также категории многочисленных нуклеидных орудий, зубчатых форм, выполненных как на массивных отщепах, так и на нуклеидной основе и др.

Чохская культура в основном определяется совершенно специфичным «наконечником стрелы чохского типа», значительными и варибельными сериями также специфичных для палеолита и раннего мезолита этой территории трапециевидными формами (в том числе «поперечнолезвийный наконечник стрелы»), долгим бытованием нуклеусов, часто модифицированной, дисковидной формы, а также некоторыми особенностями вторичной обработки (подработка ретушью с брющка острий и асимметричных трапеций) и др.

Конечно, в инвентарях чохской и имеретинской культур есть и много общего, наблюдаемого: в технике раскалывания и вторичной обработке орудий (призматический нуклеус, в основном единый ансамбль типов ретуши, приемы усечения и переоформления орудий и т. д.); в наборе категорий орудий²⁰ (нуклеидные формы, удлиненные асимметричные треугольники, отсутствие сколько-нибудь специфичных форм резцов, крайняя бедность категорий костяных орудий, совпадение основных типов скребков и т. д.); в тенденциях развития в эпоху позднего палеолита и мезолита (ранняя микролитизация орудий, раннее возникновение геометрических микролитов, долгое бытование, наряду с этим, архаичных форм инвентаря, бедность остатков, характеризующих первобытное искусство, адаптация к условиям жизни в горном ландшафте, выразившаяся в частности в принципе избирательного заселения естественных убежищ с благоустройством последних и некоторых др.). По всем этим показателям могли быть объединены в одно целое все верхнепалеолитические памятники Кавказа. Дальнейшие поиски аналогий, основанных на этих общих чертах приводят нас на юг — в Переднюю Азию. К этой кавказско-переднеазиатской верхнепалеолитической и мезолитической зоне на равных основаниях примыкают и упоминавшиеся памятники юго-восточного Прикаспия.

Более сложен вопрос о памятниках этой обширной территории; обнаруживающих более тесные типологические параллели. Мы уже указывали на выделение в мезолите Туркменистана «зарзийского варианта» культуры. Тесные типологические параллели с зарзийской культурой проводились недавно и по отношению к памятникам поздней группы имеретинской культуры²¹. В свете этого представляется еще более инте-

²⁰ Под категорией орудий мы понимаем такие понятия как «скребок», «резец», «пластинка с притупленным краем» и т. п.

²¹ Н. О. Бадер. Указ. соч., стр. 9, 16; его же. Различия между верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока.— В сб.: «Археология Старого и Нового Света». М., 1966, стр. 142—143.

ресным попытаться выяснить соотношение западнотуркменских памятников к кавказским.

Из приведенного выше краткого сравнения чохской и имеретинской культур уже в какой-то мере видно, что наиболее перспективной для сопоставления с туркменскими памятниками является чохская культура. Более же детальное изучение состава инвентаря этих комплексов приводит к тому положению, что между материалами верхних слоев Чоха и хронологически сравнимыми слоями указанных туркменских пещер больше общих черт, чем между последними и памятниками других культур Кавказа. Отметим здесь особо, что из западнотуркменских памятников для сопоставления с Чохом использовались данные по комплексам Дам-дам-чешме 2 и Джебела, исследованных обстоятельнее других и доставивших статистически значимые серии кремневого инвентаря.

Сопоставление комплексов Чоха, Дам-дам-чешме 2 и Джебела дает нам сходство двух уровней:

1) сходство уже отмеченных выше общих черт, присущих всем индустриям кавказско-переднеазиатской зоны;

2) более тесное сходство, наблюдаемое в специфических типах кремневого инвентаря. Так, тут наблюдается близость или совпадение таких форм, которые составляют культурное своеобразие групп сравниваемых комплексов. К ним относятся: крупные асимметричные трапеции, их мелкие подобию, выполненные в той же технике, симметричные или почти симметричные трапеции с более или менее вогнутыми боками, узкие высокие, близкие к прямоугольной форме, трапеции с прямыми или слегка вогнутыми боками («поперечнолезвийные наконечники» стрел), а также бытование нуклеусов дисковидной формы. Интересно, что типологическое сходство материалов сопоставляемых памятников основывается, главным образом, на трапециевидных формах. Для конца верхнего палеолита и мезолита Кавказа и Передней Азии формы эти довольно специфичны и характерны кроме чохских и восточнокаспийских комплексов для памятников Южного Прикаспия (Гари-Камарбанд²², Хоту²³).

Приводить какое-либо однозначное объяснение причин, обусловивших указанное сходство, представляется пока преждевременным. Можно лишь указать на два возможных объяснения этого явления: допущения происхождения типологического сходства сопоставляемых

²² С. S. Сооп. Cave explorations in Iran, 1929. Philadelphia, 1951, p. p. 68—76, 106—126.

²³ С. S. Сооп. Excavations in Hotu cave. PAPS, 1952, v. 96, N 3, p. p. 254—256.

комплексов конвергентным путем или признание существования единой культурной подосновы этих памятников. Соображения о конвергентном характере указанного сходства сводятся в основном к тому, что трапециевидные формы, на которых основывается наше сопоставление не являются исключительными для других, хотя и весьма отдаленных культур. Подобные приведенным нами трапециевидные формы в разных вариациях встречаются от Японии²⁴ (Хонсю) и до Западной Европы (тарденуазские стоянки Франции). Еще большую распространенность и единообразие получают эти формы в неолитическое время. Что касается конкретных аналогий из более близких территорий, то трапециевидные формы каспийских памятников Магриба²⁵ почти в точности повторяют таковые из Гари-Камарбанд. На юге территории СССР такие или очень близкие к ним формы можно найти на Южном Урале и частично в Крыму²⁶. Широкий ареал, относительная определенность нижнего хронологического рубежа возникновения (конец верхнего палеолита) и приуроченность стоянок с микролитами отмеченных форм в основном, к морским и озерным побережьям служат, таким образом, основанием для объяснения сходства между чохской культурой и восточнокаспийскими памятниками, конвергентным характером развития кремневого инвентаря. Окончательное же решение вопроса о характере этого сходства можно ожидать после новых археологических открытий в восточном и особенно в западном Прикаспии.

Что касается последующей судьбы сопоставляемых нами комплексов, то по известным в настоящее время данным, чохская культура развивается на месте до позднего мезолита. Более интересной кажется история западнотуркменских индустрий. А. П. Окладников уже давно поставил вопрос о возможности распространения традиций западнотуркменских индустрий далее на север. Так, в частности, Урал он считает той гранью «где окончательно затухают последние отзвуки каспийского мезолита, столь отчетливо выраженные в культуре обитателей Джебелльской пещеры»²⁷. Сравнительно недавние плодотворные исследования на Южном Урале полностью подтвердили это предположение. После этих работ в литературе прочно установился взгляд на наличие тесных культурных параллелей восточнокаспийскому мезолиту в сравни-

²⁴ F. I k a w a. Some aspects of paleolithic, cultures in Japan. — В кн.: «Ja pré histoire. Problèmes et tendances». Paris, 1968, fig. 2, p. 243.

²⁵ См. G. C a m p s. Le Capsien supérieur. Etat de la question. — В кн.: «Ja pré histoire Problèmes et tendances». Paris, 1968, fig. 1, p. 94; Ältere und Mittlere Steinzeit. Jäger und Sammlerkulturen. Handbuch der Urgeschichte. B. 1. Bern und München, 1966. Ср. табл. 83 (Гари—Камарбанд) на стр. 353 с табл. 85 (Капси) на стр. 357.

²⁶ Сравнение некоторых трапециевидных форм североиранских и Крымских памятников см. The Cambridge ancient history. W. 1, part 1, Probegomena and history. Cambridge, 1970, fig. 15, p. 119.

²⁷ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., стр. 218.

тельно разновозрастных комплексах янгельской культуры Южного Урала²⁸. Исследователь янгельской культуры Г. Н. Матюшин по этому поводу отмечал: «...сходство настолько поразительно, что некоторые изделия Южного Урала и Юго-Восточного Прикаспия кажутся идентичными»²⁹; характер инвентаря этих памятников (Джебел, Дам-дам-чешме 2 — Х. А.) аналогичен южноуральскому»³⁰. Естественно было бы в этом случае ожидать сходство и в инвентарях янгельской и чохской культур. Сходство это действительно наблюдается. И проявляется ярче всего в тех же трапециевидных формах некоторых вариантов острий.

²⁸ Г. Н. Матюшин. Мезолит и неолит Башкирии. Автореф. кан. дисс., М., 1964; его же. Стоянка Мурат на озере Узун-куль. СА, 1961, 1; его же. Новые данные по мезолиту, неолиту и энеолиту Южного Урала. АО, 1965, М., 1966; его же. Исследование памятников каменного века на Южном Урале. АО, 1965, М., 1966. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. СА, 1969, 4; его же. Мезолит Урала. — В сб.: «Доклады и сообщения археологов СССР на 7 международном конгрессе доисториков и протонисториков». М., 1966.

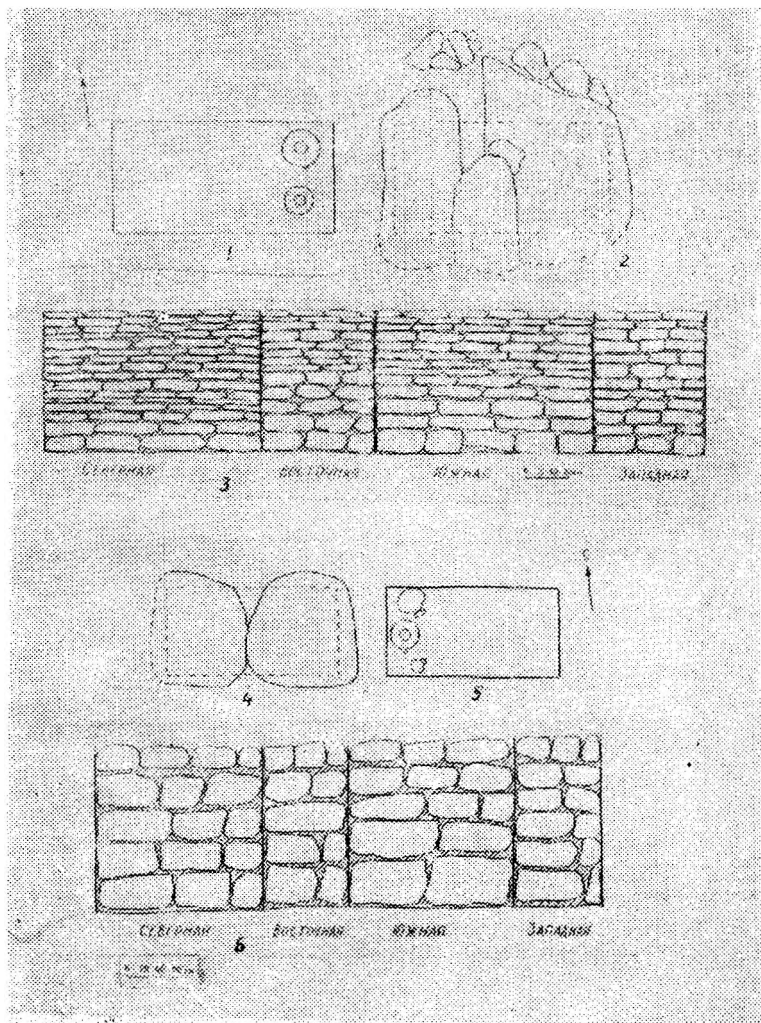
²⁹ Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры..., стр. 35.

ГРОБНИЦЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В УРОЧИЩЕ «ГЕНТАЛ»

В 1971 г. строители, прокладывающие новую асфальтированную дорогу к горным районам Дагестана в объезд города Буйнакскa, под холмообразным возвышением натолкнулись на две подземные гробницы, возведенные из массивных блоков песчаника. Местность эта известна как урочище «Гентал» недалеко от речки Шура-озень на северной окраине гор. Буйнакскa и в 1 км к югу от сел. Кафыр-Кумух. Северная сторона холма, состоявшая из наносных слоев речной гальки и достигавшая более 30 м в диаметре, к нашему приезду уже была выбрана строителями с помощью экскаватора на глубину до 6 метров. Гробницы же были обнаружены под оставшейся толщей южной стороны холма, когда ее срезали для уменьшения крутизны склонов за пределами трассы.

Гробница № 1 находилась в центральной части возвышенности под толщей насыпи из речной гальки и ила. Стратиграфия ее слоев свидетельствовала об их отложении наносами реки, в то время как над гробницей смешанная структура указывала на искусственный-насыпной характер образовавшихся здесь напластований. Над гробницей, сооруженной на этом участке, возвышался, судя по структуре слоев, курган, сохранившийся на высоту более трех метров и диаметром, судя по конфигурации оставшейся его части, около 30 метров. Перекрыта гробница была столь массивными блоками, что даже бульдозеры не смогли сдвинуть их с места. Рабочие проникли в гробницу, пробив для этого специальный лаз в боковой — западной ее стенке. (Табл. I, 3). Они извлекли из нее часть погребального инвентаря, оказавшегося в поле зрения, основательно растоптав при этом остальное содержание гробницы.

Для исследования гробницы мы также вынуждены были воспользоваться пробитым рабочими в нее входом, поскольку отодвинуть массивные и частично ушедшие под несрезанный склон холма плиты значило бы завалить камеру полностью. Блоки, перекрывавшие гробницу,

Т а б л. 1. Планы и профили стенок склепов № 1. Рис. 1—3, № 2, рис. 4—6.

достигали 30 см толщины. Часть расчищенной поверхности самой крупной плиты составляла $2,5 \times 1,9$ м. Не менее $\frac{1}{3}$ длины ее уходило под непотревоженную толщу кургана. Размеры второй плиты составляли $2,6 \times 1,5$. (Табл. I, 2). Небольшая, достигающая 30 см. щель, оставшаяся между основными плитами, уложенными по краям гробницы, перекрыта была сверху двумя блоками меньших размеров. Один из них отодвинут рабочими также с помощью бульдозера. Щели, оставшиеся вокруг и между блоками перекрытия, были заложены мелкими камнями и забиты глиняным раствором.

Гробница представляла собой врытое в материк, вытянуто-четыреугольное в плане сооружение, ориентированное по длине с запада на восток. Внутренние размеры ее были таковы: длина 3,4 м., ширина 1,6 м., высота — 2,15 м. Стены гробницы возведены из рваных и слегка обработанных крупных блоков песчаника на глиняном растворе (Табл. I, 3). Наиболее крупные экземпляры камней размерами около $0,8 \times 0,3$ м включены в основание и нижние ярусы кладки. Для придания устойчивости стене под некоторые камни подложены мелкие плиты, которые в сочетании с глиняным раствором увеличивали прочность всего сооружения. На отдельных участках стен между верхними ярусами кладки можно было проследить отпечатки пальцев древних строителей на глиняном растворе.

Заполнение гробницы состояло из гальки, обвалившейся в нее через лаз и щели, образовавшиеся между блоками перекрытия. Поэтому основная масса гальки была сосредоточена в центре и особенно на западной ее половине, где толщина слоя достигла местами 0,8 м. Под этими слоями на полу погребальной камеры и особенно вдоль ее стен прослеживались рыхлые, достигавшие 20—30 см прослойки перемешанного песка и суглинка, образовавшиеся в результате осыпи разрушавшейся структуры пропитанных влагой песчанниковых блоков, а также глиняного раствора между кладкой стен.

После расчистки гальки на полу гробницы стали прослеживаться полосы древесной трухи, а иногда и отдельные небольшие фрагменты прогнившего дерева, сосредоточенные главным образом в средней ее части. При тщательном осмотре обращало на себя внимание, что некоторые из этих фрагментов имели с внешней стороны отесанные параллельные грани. Фрагменты эти и обилие растоптанной строителями трухи свидетельствовали о том, что в гробнице находилась прогнившая и развалившаяся с течением времени своеобразная деревянная погребальная конструкция. Об устройстве ее можно предположить по нескольким фрагментам, выброшенным рабочими из гробницы. Отдельные куски эти с четкими наружными гранями имеют слегка вогнутую и тщательно отесанную внутреннюю поверхность. Характер обработки этих фрагментов, достигавших 5—6 см толщины, позволяет предположить

что в гробнице была установлена деревянная колода типа саркофага, выдолбленная, очевидно, из цельного ствола дерева крупных размеров. Наружная поверхность ее была обтесана на всю длину параллельными гранями, достигавшими 3—4 см ширины, а внутренняя тщательно выдолблена. В процессе расчистки гробницы можно было проследить, что костную труху погребенного, сохранившуюся отдельными пятнами на глинобитном полу, настилал и подстилал тлен. Из этого наблюдения следует, что колода с погребенным, лежавшим в ней, очевидно, вытянута на спине, была накрыта сверху крышкой, выдолбленной, по-видимому, из второй половины ствола. Более выразительные данные, позволяющие судить о деталях устройства погребальной колоды, в камере, не прослежены.

Галечный пол по всей площади был обмазан тонким слоем глинобита. Часть погребального инвентаря, выброшенного рабочими из гробницы, была собрана нами вокруг холма. А два крупных погребальных сосуда, якобы лежавших у западной сены камеры, возвратили нам местные жители. Сосуды эти примечательны крупными размерами, своеобразной формой и орнаментацией.

Первый сосуд сероглиняный, с заглаженной поверхностью орнаментирован по верху тулова очередно расположенными, острием вниз врезными параллельными клиньями, внутри и между которыми чередуются образованные пальцевыми вмятинами контуры таких же по форме треугольников. Своеобразна и единственная ручка сосуда, которая представляет собой два соединенных округло-горизонтальных выступа с двумя вертикальными отверстиями. Высота сосуда — 35,5 см., диаметры: горловины — 23,7 см., тулова — 37,5, дна — 13,5 см. (Табл. II, 8).

Второй сосуд также с заглаженной поверхностью и с резко расширяющимся туловом, орнаментирован по основанию закраины врезными семечковидной формы насечками, образующими треугольные зигзаги с пальцевыми вмятинами между ними. Ручки сосуда ленточной формы расширяются у оснований. Высота сосуда 30 см., диаметры: горловины 50 см., дна — 14 см. (Табл. II, 11).

Оба сосуда, как указали рабочие, были установлены у западной стены гробницы. Отыскать еще один сосуд небольших размеров, выброшенными рабочими из гробницы, нам не удалось.

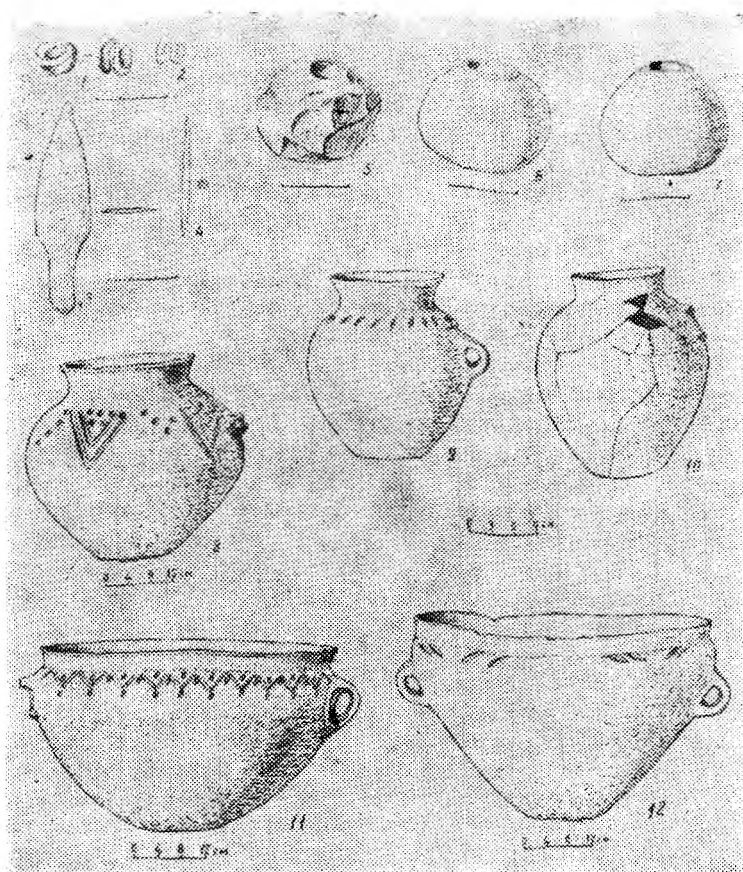
Помимо указанных сосудов в процессе расчистки гробницы в ней были обнаружены: мраморная булава с выступающим валикообразным основанием. (Табл. II, 6) плоский бронзовый наконечник копья листовидной формы. (Табл. II, 3), бронзовое четырехгранное шило. (Табл. II, 4) две золотые подвески в 1,5 оборота с раскованными пластинчатыми концами. (Табл. II, 1). Все эти находки были сосредоточены компактно на полу в средней части гробницы на месте сосредоточения костного тлена.

Гробница № 2 также была обнаружена бульдозеристами при земляных работах. Она расположена в 4,5 м строго к востоку от первой гробницы. Экскаватор, выбиравший грунт на 5—4 м ниже основания гробницы, задел ковшом и частично разрушил ее боковую северную стенку. (Табл. I, 6). Массивные блоки перекрытия, опиравшиеся на полуразвалившиеся стены гробницы, могли в любое время рухнуть, поэтому рабочие не рискнули проникнуть в нее.

Гробница также представляла собой врытое в материк вытянуто-четырёхугольное в плане сооружение, ориентированное по длине с запада на восток. Внутренние размеры его составляли: длина — 2,0 м, ширина — 1,1 м, высота — 1,3 м. Стены гробницы, возведенные из рваных, слегка обработанных блоков песчаника, в отличие от стен первой гробницы, сооружены без применения глиняного раствора. Более крупные блоки здесь также включены в основание и нижние ярусы стен. Вместо раствора при сооружении их в большом количестве использованы мелкие плиты и камни, которые подложены под блоки для придания им необходимой устойчивости.

Таким образом, гробница отличается от первой не только меньшими размерами, но и сухой кладкой стен. Перекрыта она была также двумя крупными плитами песчаника размером около 2,2×1,4 м. Толщина плит — 25 см. (Табл. I, 4). Помимо нескольких камней и незначительного количества гальки, просочившейся в результате разрушений, вызванных ударом экскаватора, гробница была свободной от заполнения и хорошо сохранилась. Свет, проникавший в гробницу через полуразвалившуюся боковую стену, давал возможность тщательно ее исследовать. В первую очередь бросались в глаза три сосуда, лежавшие у западной стены гробницы. (Табл. II, 9). После расчистки на полу гробницы прослежены лишь незначительные пятна костей и древесной трухи вперемешку с галькой. Находками из гробницы являются две булавы и одна подвеска. Хорошо сохранившаяся мраморная булава (Табл. II, 7) обнаружена у южной стены в 0,4 м от юго-восточного угла гробницы. Вторая каменная, частично раскрошившаяся и покрытая известью булава найдена в 16 см к северу от первой (Табл. II, 5). В 50 см от восточной стены в средней части гробницы найдена серебряная «прутиковая» подвеска в 1,5 оборота (Табл. II, 2).

Примечательны сосуды из гробницы. Первый сосуд со светло-серой заглаженной поверхностью, с резко расширяющимся туловом и двумя ленточными расширяющимися у основания ручками аналогичен сосуду из первой гробницы. Орнаментирован он также обращенными в противоположные стороны параллельными косыми насечками по основанию закраины. Высота его 28 см., диаметры: горловины — 50 см, дна — 12 см.

Т а б л. II. Погребальный инвентарь склепов.

Второй сосуд яйцевидной формы небольшого размера с чернолощенной поверхностью и розовой подкладкой. Ленточной формы ручка сосуда отбита. Высота его 28 см., диаметры: горловины — 12,5 см., тулова — 23 см., дна — 10 см.

И, наконец, третий сосуд шаровидной формы, также сероглиняный с заглаженной поверхностью и слегка отогнутым венчиком и ленточной ручкой. Орнаментирован линией параллельных косых насечек по основанию горловины и сосцевидными налепами по верхнему основанию

ручки. Высота сосуда 23 см., диаметры: горловины — 15,5 см., тулова — 21,5 см., дна — 9,3 см.

Несмотря на некоторые различия в размерах и в устройстве этих погребальных камер, они сооружены под одной курганной насыпью, что свидетельствует об их синхронности. Недвусмысленно на это указывает и аналогичный погребальный инвентарь из гробницы, свидетельствующий об их принадлежности древнему племени, обитавшему в долине реки Шура-озень в эпоху бронзы. Аналогии для определения более точных хронологических рамок бытования этого могильника, представленного в урочище «Гентал», по всей вероятности не только двумя этими гробницами, можно найти лишь в отдельных деталях. Погребальные сооружения эпохи бронзы с подобными подкурганными гробницами на территории Дагестана известны у сел. Миатлы¹, Кизилюртовского района и у сел. Манас Ленинского (быв. Карабудахкентский) района². В отдельных случаях встречаются они и в горных районах³.

Наиболее близкие аналогии сосудам, представленным в «Гентале», а особенно с резко расширяющимися туловами типа котлов, имеются среди керамического материала Манасских катакомб. Идентичные сосуды известны и из новой случайно выявленной катакомбы, исследованной также недалеко от сел. Карабудахкент*. Пока единственная аналогия самой погребальной колоде «Гентала» представлена в приморском Дагестане. Подобный деревянный саркофаг исследован у сел. Утамыш Каякентского района. Здесь под курганом расчищены остатки деревянного сруба, а внутри его фрагментированная повозка с четырьмя массивными колесами. На повозке находился саркофаг с крышкой, изготовленной из двух половинок дубового ствола толщиной около 1 м.⁴ Погребальный инвентарь из Утамыша: бронзовые подвески, наконечник копья, мраморная булава также находят себе близкие аналогии в материалах «Гентала», что свидетельствует об их хронологической и культурно-исторической общности. Объединяют эти памятники не только схожая культура, но и их тяготение к приморскому Дагестану, что может являться свидетельством пришлого характера носителей этой своеобразной культуры. Примечательно однако, что при некоторой общно

¹ В. И. Канизев. Миатлы — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 50.

² Р. М. Муничаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXIV, 1956, стр. 167.

³ М. Н. Погребова. Ирганайский склеп эпохи бронзы. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 109; «История Дагестана», т. I, М., 1967, стр. 59.

* С материалами склепа мы были любезно ознакомлены Г. С. Федоровым, за что приносим ему свою благодарность.

⁴ В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Работы в прикаспийском Дагестане. АО, М., 1971, стр. 154.

сти отдельных элементов инвентаря, памятники эти резко отличаются друг от друга типами самих погребальных сооружений. В одних случаях это каменные гробницы (Гентал, Миатлы), в других катакомбы (Манас), а в третьих срубы (Утамыш). Подобные различия между ними возможно порождены не столько этно-культурными причинами, сколько спецификой условий, при которых они сооружались. Не исключено, что с помощью различных материалов и в различных условиях во всех трех случаях сооружен общий тип погребальной камеры, имитирующей собой форму жилья.

В целом культура, представленная в «Гентале», как и другие аналогичные памятники, может быть датирована концом III и первой половины II тыс. до н. э.

ЕЩЕ ОДНА МАНАССКАЯ КАТАКОМБА

В 1950—1951 гг. экспедиция ИИМК под руководством К. Ф. Смирнова исследовала курганную группу в урочище Коркама-хола у станции Манас Карабудахкентского района ДАССР. Курганная группа состояла из 4 курганов, из них 3-й и 4-й содержали погребения в катакомбах. Авторы публикации Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов датируют памятник 2-й половиной второго тысячелетия до н. э. Рассматривают его как свидетельство проникновения в приморский Дагестан группы населения из степей Юго-Восточной Европы¹.

В 1970 году рабочие-экскаваторщики совхоза «Рассвет» Ленинского (быв. Карабудахкентского) в урочище Коркама-хола в 500—550 метрах ВСВ от исследованной К. Ф. Смирновым курганной группы, при выемке грунта, у дна образовавшейся ямы обнаружили каменную плиту из ракушечника, прикрывавшую вход в катакомбу. Вход овальной формы имел 62 см ширину и 83 см высоту. Камера была ими опустошена, сосуды были извлечены и костные остатки погребенных частично были выкинуты из катакомбы, частично разбросаны по всей погребальной камере. Сосуды были переданы местной школе, где и были нами осмотрены. Чтобы памятник не погиб окончательно, нами произведена расчистка погребальной камеры.

Катакомба представляла собою обширную камеру, вырытую в плотном глинистом (глина белого цвета) грунте. Дно погребальной камеры было почти круглой в плане формы: СЮ-2, 52 м, ВЗ-2, 47 м. Стены и потолок катакомбы имели сводчатую форму. Дно ее находилось на глубине 1,70 м от нижнего края входного отверстия. Общая высота камеры 2,27 м. От входного отверстия в камеру вели три ступени. На стенах и потолке сохранились следы орудия, которым рылась катакомба. Дно погребальной камеры было замощено каменными плитами тол-

¹ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, СА, XXVI, 1956, стр. 167—203.

щиной 0,8—0,11 см. Плиты были частично смещены и разбиты рабочими. На плитах кое-где уцелели фрагменты деревянной подстилки и подстилки из морской травы — камки. По рассказам рабочих в камере находились три скелета, лежащие ногами ко входу в камеру. Один из них — детский.

К счастью, рабочие, забрав сосуды и разбросав останки погребенных, не заметили предметов погребального инвентаря. При расчистке катакомбы нами были обнаружены следующие предметы:

Орудия труда: 1) бронзовое тесло, ширина лезвия 2,25 см, т. е. та же, что и ширина следов на стенках и потолке катакомбы; 2) бронзовое четырехгранное шило длиной 6,9 см; каменный оселок с отверстием на одном конце для подвешивания к поясу длиной 11,5 см. (Табл. I, 10).

Оружие: 1) бронзовый массивный топор с круглой проушиной; анализ металла, произведенный И. Р. Селимхановым, показал, что это мышьяковистая бронза; 2) медный плоский копьевидный нож с лезвием в 11 см, ширина его в самой широкой части 5 см, длина черешка 4,7 см.

Украшения: 1) бронзовые очевидные височные подвески — одна целая, две — в обломках; 2) бронзовые спиральные трубочки из круглой проволоки; внутри одной из трубчатых подвесок сохранился шнур, с помощью которого трубочка подвешивалась; 3) бронзовая головная булавка со спирально закрученной головкой; 4) бронзовый медальончик; височные кольца в полтора оборота; бронзовые бусы овальной формы с двумя шариками; обычные бронзовые бусы цилиндрической формы; лигнитовые бусы в форме трубочки. Кроме того, при расчистке камеры были обнаружены черепа с рогами; 1 — крупного и 7 — мелкого рогатого скота.

Керамика: Сосуды, извлеченные из катакомбы, можно разделить на три группы. К первой относятся большие миски; самая большая имеет в высоту 17, в диаметре 49 см., все миски вылеплены вручную, глина в изломе черная и содержит примесь шамота, древесины и битых ракушек. Обжиг сосудов неравномерный, поверхность почти у всех заглажена или залощена. Миски орнаментированы. Орнамент расположен строго симметрично под желобком, опоясывающим миску. Орнамент содержит два мотива; круглые вдавлины диаметром 1 см. и косые — длиной 4 см., 4 группы круглых вдавллин чередуются с 8-ью косыми. Всего мисок 4; две миски с двумя ручками, одна — с одной и одна без ручек. Ручки петлевидные. Орнамент расположен под желобком таким образом, что в месте прикрепления ручки (вверху) находятся 7 круглых вдавллин. (Табл. I, 17).

Вторая группа сосудов — горшки. Все горшки вытянутой формы, дно меньшего диаметра, чем венчик, соотношение примерно 1:2, венчик слегка отогнут наружу. Петлевидные ручки расположены на наиболее выпуклой части сосуда. Поверхность темно-серая с красноватыми пят-

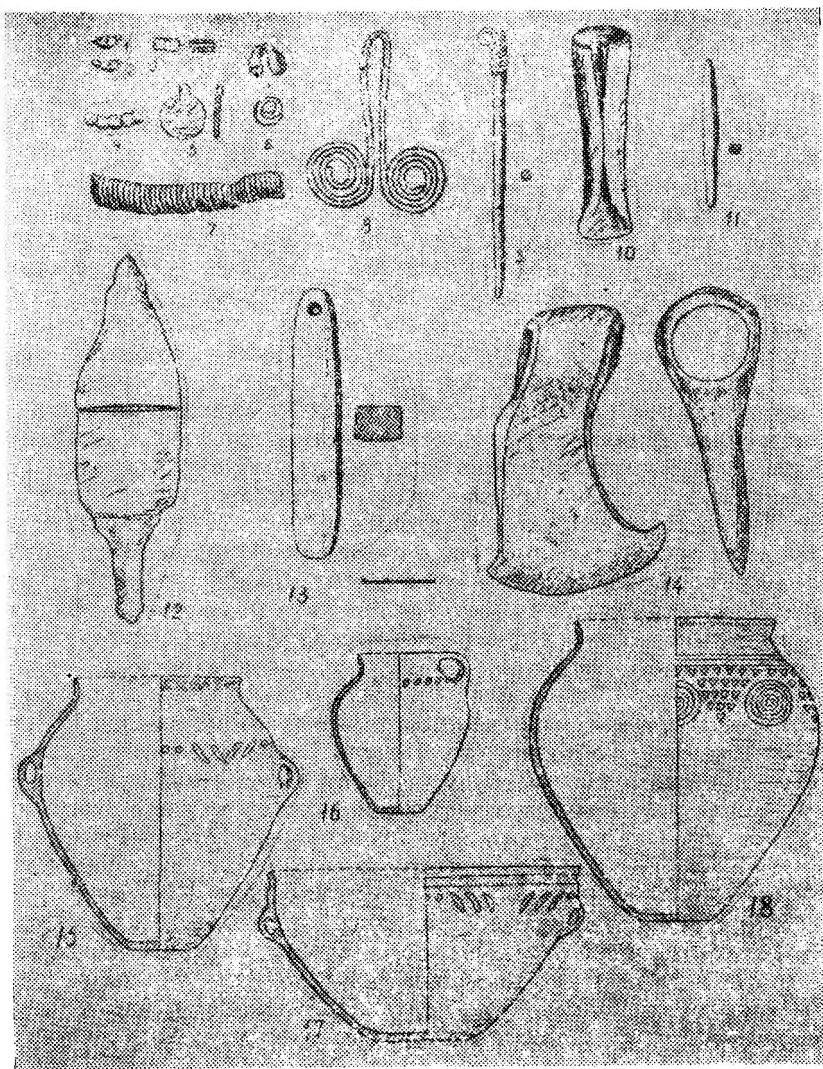

Табл. I. Погребальный инвентарь Манасской катакомбы.

нами. Орнамент содержит те же элементы, что и орнамент мисок. Один горшок в орнаменте имеет фигуру в виде ромба. Кроме того, косые впадины образуют равносторонние треугольники, обращенные вершиной вниз. Таких треугольников 7. Всего горшков 2. Один из них с одной, другой — с двумя ручками.

Третья группа сосудов состоит из небольших чашек темно-серого цвета с лощеной поверхностью. Венчик немного отогнут наружу и в одном месте плавно переходит в ленточную ручку.

Почти все сосуды, а также остальной погребальный инвентарь, за исключением топора, тесла и шила, сопоставимы с погребальным инвентарем из катакомб, исследованных К. Ф. Смирновым в урочище Коркама-хола. Однако некоторые детали орнамента горшков отличаются от орнамента керамики, опубликованной Р. М. Мунчаевым и К. Ф. Смирновым. Это можно объяснить, по-видимому, семейной традицией, так как наша катакомба, так же как и катакомбы курганной группы, служила семейной усыпальницей.

Результаты спектрального анализа манасского топора

осн.	0,01	0,02	0	2,6	0,13	0,6007	0	0	0,005	0,002	0,08
------	------	------	---	-----	------	--------	---	---	-------	-------	------

К ТИПОЛОГИИ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ РАННЕБРОНЗОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ДАГЕСТАНА

Задача настоящей статьи — собрать воедино весь доступный, в том числе и внекомплексный, материал, более или менее надежно датированный III тысячелетием до н. э., и на его основе построить типологическую классификацию многообразных предметов вооружения из камня, кости и металла, характеризующих последовательные этапы развития этой важной категории материальной культуры Дагестана в эпоху ранней бронзы¹.

Анализ этих находок и сопоставление их с известными аналогами дают возможность выделить несколько типов, а в большинстве случаев и подтипов по каждому из рассматриваемых видов оружия. (См. приложение в конце статьи).

Археологический материал, происходящий из дагестанских памятников III тысячелетия до н. э., свидетельствует о широком применении местными племенами лука со стрелами.

ЛУКИ

Известное представление о форме и строении этого распространенного вида оружия дают его изображения, встреченные на ряде древних памятников Кавказа², в том числе и Дагестана. Так, по мнению Б. Б. Пиотровского³, в Закавказье в эпоху бронзы бытовали луки, изго-

¹ Некоторые находки публикуются с любезного разрешения В. М. Котович, В. Г. Котовича, М. Г. Гаджиева и О. М. Давудова, которым приношу свою глубокую благодарность.

² ОАК за 1899 г., стр. 87, рис. 179; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, 1941, Тбилиси, табл. XXV; Я. Гуммель. Памятники древности в окрестностях Киликдага. Изв. Аз. ФАН СССР, № 2, 1941, рис. 9; Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 239, рис. 77.

³ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 77. См. также С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1966, стр. 42.

товлявшиеся, вероятно, целиком из дерева: сравнительно небольшие по размерам — в Восточном Закавказье и большие, высотой почти в рост человека — в Центральном Закавказье.

На территории Дагестана изображения лука встречены, главным образом, среди наскальных рисунков. Судя по этим изображениям, здесь в эпоху бронзы были известны луки двух заметно отличавшихся друг от друга типов.

I тип. Дугообразные луки. Образцы этого типа представлены изображениями простых деревянных луков с равномерным дугообразным изгибом, которые по своим размерам выделяются в два подтипа.

К первому подтипу относятся изображения этого снаряда, отличающиеся довольно крупными размерами. Так, в одной из групп наскальных рисунков, встреченных в с. Ленинкент⁴, среди животных (олений, коз) изображен человек, который держит лук величиной в $\frac{1}{5}$ своего роста (рис. 1).

Второй подтип представлен образцами значительно меньших размеров. На это указывают их изображения, встреченные среди рисунков на скале в долине у села Капчугай⁵ (рис. 2, 3) и на скале Нарратюбе (рис. 4) в районе сел. Кумторкала⁶.

II тип. Трапециевидные луки. В последние годы в Дагестане открыты наскальные рисунки, на которых изображены луки более сложных форм. В отличие от рассмотренных выше изображений луков с равномерным изгибом, образцы этого типа имеют достаточно четко выраженные трапециевидные очертания. Изображения двух таких луков встречены в горном Дагестане, в ущелье Виттурзивалу близ сел. Кара (Лакский р-он)⁷. Причем, если у одного из них (Кара XVII, рис. 5) сравнительно прямая рукояточная часть корпуса имеет в плечах слегка закругленный переход к концам, то у второго (кара XIV, рис. 6), изображенного без тетивы, совершенно прямая рукоять корпуса переходит в концы под более резко очерченным углом, что еще больше подчеркивает трапециевидную конфигурацию последнего. Не представляется возможным достоверно установить: гнулись такие луки из одного целого куска дерева (скажем, путем его гидротермической обработки) или собирались из нескольких составных частей, наподобие «скифского» лука, который, впрочем, появился в Евразийских степях «весьма рано, очевидно, еще

⁴ В. И. Марковин. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА, 1958, № 1, стр. 156, рис. 8.

⁵ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА, XX, 1954, стр. 330—331, рис. 7.

⁶ В. И. Марковин. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана, стр. 160, рис. 11.

⁷ В. М. Котович. Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана.— В сб.: «Древности Дагестана» (МАД, т. 5). Махачкала, 1974, стр. 32.

в бронзовом веке»⁸. При этом следует отметить, что, если изображения равномерно гнутых простых луков представлены на памятниках равнинно-предгорной зоны, то трапециевидные луки отмечены на наскальных изображениях горного Дагестана.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Более определенные сведения о стрелах дают находки их наконечников, в большом количестве и многообразии обнаруженных на раннебронзовых памятниках Дагестана.

КАМЕННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ

Каменные наконечники, которые, по всей вероятности, были наиболее употребительными в рассматриваемое время, по своей конфигурации образуют два основных типа: 1) с выемчатым основанием и 2) с черешком в основании.

I тип. Выемчатые наконечники. Среди образцов этого типа может быть выделено пять подтипов.

К первому подтипу относится группа сравнительно больших наконечников с неглубокой, относительно симметричной выемкой в основании. Наиболее четко этот признак выражен в конфигурации наконечника из серого кремня, найденного на Великентском поселении⁹ (рис. 7).

Условно к рассматриваемому подтипу может быть отнесен еще один экземпляр с того же Великентского поселения¹⁰ (рис. 8). Это — подтреугольный обсидиановый отщеп, слегка подправленный по краям ретушью. Как известно, на территории Дагестана выходов обсидиана нет, поэтому очевидно, что данный наконечник попал сюда из других областей Кавказа¹¹. Довольно близкие параллели великентские образцы имеют в раннебронзовом Серженьюртовском поселении в Чечено-Ингушетии¹².

Кремневая заготовка наконечника из третьего Утамышского курга-

⁸ А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 29. См. также Т. Н. Савельева. Материальная культура древнего Египта. — В сб.: «Культура древнего Египта». М., 1976, стр. 135, 137—138, 144—145, рис. 211.

⁹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, М., 1961, стр. 65, рис. 16, 1.

¹⁰ В. Г. Котович. Новые археологические памятники в Южном Дагестане. МАД, т. I, Махачкала, 1959, стр. 132, табл. I, 2.

¹¹ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 65.

¹² Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, стр. 350, рис. 75, 1, 8, 10.

на ¹³ конца III тысячелетия до н. э., представляющая собой довольно крупный отщеп подтреугольной формы с несколько асимметричными очертаниями и неглубокой выемкой в основании, также обнаруживает близость к наконечникам первого подтипа (рис. 9).

Второй подтип наконечников, отличающихся миниатюрностью размеров, характеризуется наличием в их основании неглубокой асимметричной выемки. Наиболее ранний из них — наконечник удлинненно-треугольной формы из темно-серого кремня, обнаруженный на Великентском поселении ¹⁴ (рис. 10).

Два кремневых наконечника этого подтипа известны из Чиркейского поселения Тад Шоб ¹⁵ (рис. 11, 12), датируемого третьей четвертью III тысячелетия до н. э. Они имеют треугольную форму и, будучи такими же миниатюрными, как и наконечник из Великента, отличаются от него большей пропорциональностью очертаний и более четким оформлением асимметричной выемки в основании. Эта особенность — сильно сдвинутая в одну из сторон асимметричная выемка в основании — сблизает их с асимметричными наконечниками из раннебронзовых курганов Черема (КБАССР) и Бамута (ЧИАССР) ¹⁶ и так называемыми одношипными наконечниками из дольменов станицы Новосвободной ¹⁷.

Однако в отличие от бамутского и новосвободненских образцов, у которых шип, как и все основание, выработан с большой тщательностью, у тадшобских наконечников эти детали выделены довольно грубо. Подобная грубость оформления основания характерна более архаичным наконечникам из другого памятника майкопской культуры — кургана у ст. Костромской ¹⁸.

Рассматриваемые дагестанские наконечники с асимметричным основанием находят близкие параллели и на ряде других памятников Кавказа: на Луговом ¹⁹ и Долинском ²⁰ поселениях, в Цхинвали ²¹ и Згудрис-

¹³ В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Работы в Прикаспийском Дагестане. АО 1971 года. М., 1972, стр. 154.

¹⁴ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 65.

¹⁵ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1966 г. РФ ИИЯЛ, д. № 3736, л. 30, альбом к указ. отчету, рис. 22, 7.

¹⁶ Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века, стр. 278, 282, 307, рис. 64, 1—9; 73, 4.

¹⁷ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, стр. 39, табл. IV, 1—7.

¹⁸ Там же, стр. 39, табл. IV, 14—17.

¹⁹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 66.

²⁰ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 176, рис. 25, 2, 3.

²¹ В. П. Любич. Археологическая разведка в окрестностях города Сталинград. КСИИМК, 60, 1955, стр. 15, рис. 1, 6.

Гверда (Юго-Осетия)²², в Гори²³, Сачхере, Кулбакеби, Нацаргора, Гудабертке, Очамчире²⁴, в армянском Кюль-тапа²⁵. На вопрос о происхождении и путях распространения этих наконечников пока нет единого взгляда. «Б. А. Куфтин считает,— пишет С. А. Есаян,— что подобные стрелы появились благодаря влияниям с севера²⁶. Однако нам кажется правильным мнение О. М. Джапаридзе²⁷, что предположение Б. А. Куфтина ошибочно, г. к. хотя асимметричная форма рано появляется на Северном Кавказе, но наши стрелы указанной формы бытуют с эпохи энеолита (если не раньше)...»²⁸.

Возможно, имеющийся на сегодняшний день материал еще не позволяет делать окончательные выводы на этот счет, но одно ясно определенно: миниатюрные наконечники стрел с неглубокой асимметричной выемкой в основании бытовали в рассматриваемую эпоху почти на всем Кавказе, в том числе и на территории Дагестана. Причем, если тадиобские экземпляры больше напоминают северокавказские одношпичные наконечники, то великентский стоит ближе к наконечникам с плоским основанием из Сержень-Юрта²⁹ и Мингечаура³⁰.

Третий подтип представлен кремневыми наконечниками с широкой и сравнительно глубокой сводчатой выемкой, образованной двумя симметрично опущенными, остро оканчивающимися шипами. Один наконечник этого подтипа, изготовленный из темного кремня, обнаружен на I Сигитминском поселении конца III тысячелетия до н. э.³¹ (рис. 13). Он отретуширован по всей поверхности и имеет форму несколько вытянутого равнобедренного треугольника. Более архаично выглядит другой кремневый наконечник, случайно найденный на Великентском поселении³² (рис. 14). Он также обработан тонкой ретушью, имеет такие же широко расставленные шипы и сводчатую выемку в основании, но отличается от сигитминского экземпляра меньшей глубиной этой выемки

²² Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита во внутренней Картли и Юго-Осетии ВГМГ—143 — В. Тбилиси, 1947, стр. 77, табл. III, 3.

²³ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 65.

²⁴ О. М. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии меди в Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.), табл. XIII, рис. 5; его же. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 258, рис. 19, 5.

²⁵ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 177, рис. 2.

²⁶ Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита..., стр. 77—78. См. также Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре..., стр. 351.

²⁷ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 258.

²⁸ С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении, стр. 45.

²⁹ Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре..., стр. 350, рис. 75, 14, 15.

³⁰ Г. М. Асланов, Р. М. Валдов, Г. П. Ионс. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1959, стр. 31, табл. IX, 38, 39.

³¹ В. И. Канивец и Г. М. Бузов. Отчет о работах Чирюрговского отряда ДАЭ в 1956 г. РФ ИИЯЛ, д. № 2500, л. 81, альбом № 3 к отчету, табл. 80, 6.

³² В. Г. Котович. Новые археологические памятники..., стр. 132.

и равенством сторон. Различные варианты этого подтипа, близкие сикитминскому экземпляру, известны по многим памятникам катакомбной и северокавказской культур, в частности, из кургана у ст. Константиновской³³. Почти аналогичный сикитминскому экземпляр развитой формы встречен в первом Мекенском кургане³⁴. Небезынтересно также отметить, что такие же кремневые наконечники с углубленной сводчатой выемкой и двумя длинными, слегка загибающимися внутрь шипами известны из поздненеолитического Фаюма³⁵.

Четвертый подтип наконечников характеризуется наличием в их закругленных основаниях глубоких узких выемок с параллельными краями. Наиболее типичным из них является экземпляр из I Сикитминского поселения³⁶ (рис. 15). Этот плоский кремневый наконечник, у которого отломан один шип, имеет треугольную форму и он тщательно отретуширован со всех сторон.

Как уже отмечалось выше, изделия из обсидиана — крайняя редкость для территории Дагестана. В 1971 г. в третьем Утамышском кургане В. Г. Котовичем и С. М. Магомедовым был обнаружен обломок еще одного обсидианового наконечника³⁷ (рис. 16). Судя по сохранившемуся фрагменту, представляющему собой одну из половинок нижней части тщательно отретушированного наконечника с острыми краями, он также может быть отнесен к четвертому подтипу.

Наконечники стрел с глубокой узкой выемкой в закругленном основании не столь характерны для раннебронзовых памятников Северного Кавказа, тогда как на Переднем Востоке и в Закавказье в III тысячелетии до н. э. они бытовали довольно широко. Здесь они известны на Геюйтепе³⁸, из Мингечаура³⁹, Баба-Дервиша II⁴⁰ и Степанкерта⁴¹, из курганов XXVII и XL в Триалети⁴².

Пятый подтип представлен двумя кремневыми наконечниками,

33 В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа, стр. 52, рис. 17.

34 Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа (по материалам экспедиции 1956 г.). СА, 1958, № 3, стр. 100, рис. 3.

35 Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 73, рис. 11, в; С. К. Дикшит. Введение в археологию. М., 1960, стр. 235, табл. III.

36 В. Н. Капивец. Отчет о раскопках памятников бронзового века на Сулаке в 1957 г. РФ ИИЯЛ, д. № 2485, л. 59, альбом к отчету, табл. 55, 2.

37 Хранится в фондах ИИЯЛ.

38 T. Burton-Brown. Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1951, рис. 44, 16, 17.

39 Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Указ. соч., стр. 31, табл. IX, 3, 17.

40 К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970, стр. 81, рис. 81, II.

41 Я. Н. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, рис. 8, 4.

42 Л. Жоржикашвили, Э. Гогадзе. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Тбилиси, 1974, стр. 58, табл. 46, 348; стр. 59, табл. 47, 357.

происходящими из датированного концом III тысячелетия до н. э. третьего слоя Верхнегунибского поселения⁴³ (рис. 17, 18). Своими вытянутыми пропорциями, а также наличием в основании глубоких узких выемок с параллельными краями они обнаруживают заметное сходство с наконечниками четвертого подтипа, с которыми, как правило, и отождествлялись до сих пор. Однако их разъединяет одна существенная морфологическая деталь: у наконечников пятого подтипа шипы в основании не закруглены к концам, а как будто обрублены под почти прямым углом.

На Кавказе наиболее древние образцы этого подтипа известны из грузинских энеолит-раннебронзовых пещер Дзудзуана⁴⁴ и Самеле-Клде⁴⁵, а наиболее поздние — из среднебронзового могильника Верхняя Рутха у сел. Кумбулта (Северная Осетия)⁴⁶. Следовательно, верхнегунибские наконечники с обрубленными шипами, как и подобные им находки из раннебронзового слоя Серженьюртовского поселения⁴⁷, занимают между грузинскими и североосетинскими образцами хронологически промежуточное положение.

II тип. Черешковые наконечники. Различия между наконечниками этого типа позволяют подразделить их на два подтипа.

К первому подтипу относятся наконечники с ровным основанием, на котором четко выделен только черешок. Два таких экземпляра найдены в третьем слое Верхнегунибского поселения⁴⁸ (рис. 19, 20).

Второй подтип наконечников отличается тем, что в их основании выделен не только черешок, но и острые шипы. Так, четко оформлены и на всю или на половину длины черешка опущены шипы у группы наконечников из того же третьего слоя Верхнегунибского поселения⁴⁹ (рис. 21—26). Менее четко выделяются шипы у наконечников из могильника Гоно у сел. Тидиб⁵⁰ (рис. 27, 28) и из местности Чувал хвараб-нохо (рис. 29) около сел. Ругуджа⁵¹ — памятников последней четверти III тысячелетия до н. э.

⁴³ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы Горного Дагестана. Махачкала, 1965, стр. 125, рис. 49, 17, 18.

⁴⁴ Д. М. Тушабрамишвили, Л. Д. Неберидзе. Итоги Квирильской и Цуцхватской археологических экспедиций за 1970—1971 гг. Археологические экспедиции Госмузея Грузии, III. Тбилиси, 1974, стр. 15, рис. 1.1.

⁴⁵ К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры..., стр. 46, рис. 18, 17.

⁴⁶ В. И. Маркович. Культура племен Северного Кавказа, рис. 34, 3.

⁴⁷ Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века, стр. 338, рис. 75, 3, 7, 12.

⁴⁸ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 125, рис. 49, 21, 26.

⁴⁹ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 125, рис. 49, 19, 20, 22, 25, 27, 28.

⁵⁰ В. Г. Котович. Археологические работы в Горном Дагестане. МАД, т. II Махачкала, 1961, стр. 28, рис. 18, 1, 2.

⁵¹ Там же, стр. 37, рис. 21, 3.

На переднем Востоке⁵² и в Закавказье черешковые наконечники известны уже в памятниках энеолита: Тетрамица⁵³, Дзудзуана⁵⁴, Одиши⁵⁵. Однако наиболее широкое их бытование в Закавказье наблюдается в III тысячелетии до н. э., в памятниках куро-аракской культуры: Акстафачай⁵⁶, Степанакерт⁵⁷, Шенгавит⁵⁸, Эчмиадзинское Кюль-тапа⁵⁹, Бешташени⁶⁰, Квацхелеби-Хизанаант-гора⁶¹, Кулбакеби⁶².

Если в древнейших памятниках Закавказья черешковые наконечники в процентном отношении преобладают над выемчатыми⁶³, то на Северном Кавказе, где в рассматриваемую эпоху бытовали главным образом наконечники с асимметричной выемкой в основании⁶⁴, черешковые экземпляры встречены лишь в отдельных пунктах — Мешоко⁶⁵, окрестности гор. Орджоникидзе⁶⁶, сел. Ведено⁶⁷.

Однако такая полярность в распространении того или иного типа каменных наконечников не была характерна для Дагестана, где оба типа бытовали одинаково широко. Здесь наблюдается тенденция иного порядка: при некотором преобладании наконечников с выемкой в памятниках равнинно-предгорной зоны, черешковые преимущественно представлены в памятниках Горного Дагестана.

⁵² R. Neuvillle. Le paléolithique et le mésoolithique du désert de Judée. Paris, 1951, fig. 70, 23, 27—29; 71, 13, 16, 18; 72. 2, 5—7, 9—11, 14, 15, 17, 18.

⁵³ Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века, стр. 132, рис. 14, 1—6.

⁵⁴ Д. М. Тушабрамишвили, А. Д. Небиеридзе. Указ. соч., стр. 15, рис. 1, 2, 3.

⁵⁵ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, 102, 1962, стр. 147.

⁵⁶ И. Г. Нариманов, Г. С. Исмаилов. Акстафачайское поселение близ Рг. Казаха. СА, 1962, № 4, рис. 3, 9.

⁵⁷ Я. И. Гуммель. Археологические очерки, рис. 8, 3.

⁵⁸ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, табл. 2.

⁵⁹ Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 77, рис. 2.

⁶⁰ Л. Жоржикашвили, Э. Гогодзе. Указ. соч., стр. 43, табл. 33, 175.

⁶¹ А. И. Джавахишвили, Л. И. Глonti. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлепия-Кохи). Урбниси I. Тбилиси, 1962, табл. III, 55, 194, 196; табл. XXXIII, 10; табл. XXXIV; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Указ. соч., рис. 26, 3.

⁶² В. П. Любин. Археологическая разведка в окрестностях г. Сталинири. стр. 15, рис. 1, 5, 7.

⁶³ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 65.

⁶⁴ Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита..., стр. 77—78.

⁶⁵ А. А. Формозов, А. Д. Столяр. Неолитические поселения в Краснодарском крае. СА, 1960, № 2, стр. 109, рис. 5, 6.

⁶⁶ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 29, рис. 3, 4, 5.

⁶⁷ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958, рис. 16, 7.

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ

С древнейших времен наряду с камнем в качестве материала для изготовления наконечников стрел применялась кость. Костяные наконечники из раннебронзовых памятников Дагестана можно разделить на два типа.

I тип. Двум наконечникам этого типа, происходящим из I Сигитминского поселения, характерны сравнительно небольшие размеры, преобладание острия над черешком в длине примерно в 1,5—2 раза, плавный переход одной из этих частей в другую. Первый экземпляр⁶⁸ (рис. 30) имеет коническое острие и суживающийся к концу черешок круглого сечения. Второй наконечник⁶⁹ (рис. 31) отличается от первого лишь несколько меньшими размерами и почти четырехгранным сечением острия.

Говоря об аналогиях рассматриваемым наконечникам, можно упомянуть, в частности, сообщение Б. Б. Пиотровского о том, что «в восточном Закавказье... встречаются... костяные наконечники стрел конической формы»⁷⁰. В свою очередь, В. И. Канивец и Г. М. Буров в качестве параллелей сигитминским образцам указывали на наконечники из древнейшего Шенгавитского поселения⁷¹. Круглого сечения и конической формы костяные наконечники из Шенгавита⁷² действительно близки сигитминским, но при более строгом их сравнении нетрудно заметить, что у шенгавитских образцов переход от острия к черешку выражен более резко.

II тип. Единственный экземпляр костяного наконечника этого типа происходит из сел. Хив⁷³ (рис. 32). Он характеризуется крупными размерами, равной длиной острия и черешка, круглым сечением по всей длине и наличием четко выработанной упорной площадочки в основании острия. Хивская находка обнаруживает гораздо большую близость к упомянутым шенгавитским образцам.

Костяные наконечники, круглые в сечении по всей длине, происходят из Бамутского кургана 17⁷⁴. Древние трех- и четырехгранные костяные наконечники с четко выработанными шипами в основании известны из Нор-Баязета, Самтавро, Бешташени⁷⁵. Что касается более отдаленных

⁶⁸ В. И. Канивец и Г. М. Буров. Отчет о работах Чирюртовского отряда ДАЭ в 1956 г., л. 107, альбом к отчету, табл. 80, 4.

⁶⁹ Там же, табл. 80, 3.

⁷⁰ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, стр. 77.

⁷¹ В. И. Канивец и Г. М. Буров. Указ. отчет, л. 108.

⁷² Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., табл. 2; С. А. Есян. Оружие и военное дело..., стр. 44, табл. VIII, 1, 2.

⁷³ Случайная находка. Хранится в музее Хивской средней школы.

⁷⁴ Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре..., стр. 306, рис. 73, 2.

⁷⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, рис. 86, б, 1—4.

областей, то Г. Чайлд, например, высказывал предположение, что на Переднем Востоке «возможно... применялись... заостренные с обоих концов цилиндрические костяные наконечники, напоминающие капсийские и натуфийские образцы»⁷⁶.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ

В 1971 г. на Утамышском курганном поле в кургане 3 с мужским костяком в сопровождении плоскочерешкового наконечника копья, мраморного навершия булавы и двух каменных наконечников стрел был обнаружен четырехгранный бронзовый стержень с заостренными концами, причем один конец специально прокован в виде насада⁷⁷ (рис. 33). Он почти не отличается от шильев, каких немало встречено в различных памятниках даже с сохранившимися ручками⁷⁸. Однако по ряду причин раскопщики отнесли эту находку к типу металлических наконечников стрел, также находимых в раннебронзовых памятниках Кавказа.

Особенности погребального обряда и инвентаря утамышских курганов обнаруживают сходство с известными Беденскими курганами в Грузии, также относящимися к концу раннебронзовой эпохи. Именно в одном из беденских курганов был найден подобный наконечник стрелы с достаточно хорошо сохранившимся древком⁷⁹. Такой же четырехгранный медный наконечник известен из другого грузинского памятника — раннебронзового поселения Озни⁸⁰.

НАКОНЕЧНИКИ КОПИИ

При всей важности лука и стрел, как действенного оружия дальнего боя, они теряли свои полезные качества во время непосредственной схватки с неприятелем. В ближнем бою воин прибегал к более универсальному снаряду — копью, которое сочетало в себе свойства и метательного, и прицельно-колющего оружия.

В дагестанских материалах III тысячелетия до н. э. представлены наконечники копий, изготовленные из камня и металла.

⁷⁶ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 73.

⁷⁷ В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Работы в Прикаспийском Дагестане, стр. 154.

⁷⁸ Н. Я. Мерперт. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974, стр. 51, рис. 14, 1.

⁷⁹ Г. Ф. Гобеджишвили. Раскопки в Бедени. АО 1970 года. М., 1971, стр. 372—374. Наконечник стрелы не опубликован.

⁸⁰ Л. Жоржикашвили, Э. Гогадзе. Указ. соч., стр. 31, табл. 20, 16.

КАМЕННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ

Четыре кремневых наконечника округло-листовидной формы с округленным же основанием, слегка приостренным для удобства закрепления в древке, происходят из третьего слоя Верхнегунибского поселения⁸¹ (рис. 34). Отличаясь от наконечников стрел своими крупными размерами и массивностью, они явно служили для оснащения более тяжелого и мощного оружия — дротиков или копий. Подобные предметы вооружения встречены и на других раннебронзовых памятниках — на Гапшиминском⁸² и Мскегинском⁸³ поселениях. За пределами Дагестана они обнаружены на некоторых поселениях III тыс. до н. э. в Кабардино-Балкарии⁸⁴.

По мнению В. М. Котович, описываемый тип наконечников дротиков, как и округло-листовидные наконечники стрел аналогичной формы, встречающиеся в памятниках III тысячелетия до н. э. по обе стороны Кавказского хребта⁸⁵, может быть возведен к неолитическим образцам подобного рода вооружения, например, к крупному округло-листовидному наконечнику стрелы из Тарнаирской стоянки⁸⁶, а нахождение таких же кремневых наконечников копий и в более поздних слоях Верхнегунибского поселения⁸⁷, датируемых уже II тысячелетием, может служить свидетельством длительности переживания древних местных традиций в изготовлении данного вида оружия.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ

Вместе с тем, уже в начале III тысячелетия до н. э. в Закавказье, через которое нередко далеко на север распространялся технологический опыт Переднего Востока, вошли в употребление металлические наконечники копий с черенком. «Проникнув на Южный Кавказ из шумерийских центров, древние колья стали предметом подражания местных металлургов, о чем свидетельствует литейная форма для заготовки колья из «Амиранис-гора»⁸⁸. «Точно также шумерийские наконечники копий без

⁸¹ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение..., стр. 132, рис. 49, 30.

⁸² В. Г. Котович. Археологические работы в Горном Дагестане, рис. 12, 3, 4.

⁸³ В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. № 2643.

⁸⁴ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, 3, 1941, рис. 22, 23.

⁸⁵ Там же, рис. 22, 5; Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении, стр. 175, рис. 2.

⁸⁶ В. И. Маркович. Неолитическая стоянка близ г. Махачкала. МАД, т. 1. Махачкала, 1959, рис. 1, 3.

⁸⁷ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 132, рис. 49, 23, 24, 29.

⁸⁸ К. Х. Кушларева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа, стр. 125, рис. 40, 13.

крючкообразного черешка проникают за Кавказский хребет, и мы находим их в бассейне Кубани, в погребении вождя в станице Новосвободной»⁸⁹. В связи с этим вполне естественным представляется обнаружение металлических наконечников копий с черешком и на территории Дагестана.

Известные из дагестанских раннебронзовых памятников металлические наконечники дают два специализированных типа этого оружия.

I тип. Листовидные наконечники. Этот тип представлен двумя бронзовыми наконечниками с листовидными лезвиями, укрепленными срединным ребром, и длинными, тщательно обработанными черешками, состоящими из круглого в сечении стержня, небольшого утолщения и четырехгранной хвостовой части, остро прокованной к концу. Оба наконечника найдены на раннебронзовых поселениях: первый, сохранившийся полностью, — на поселении Тад Шоб⁹⁰ (рис. 35), а второй, у которого сохранились основание пера и стержень черенка с обломанным концом, — на Сигитминском поселении у Чирюрта⁹¹ (рис. 36).

Наконечники копий, типологически и хронологически близкие рассматриваемым образцам и широко известные как «переднеазиатские», встречены в различных районах Ближнего Востока (Ур⁹², Кархемьш⁹³), Закавказья (Сачхере, «Тифлис», Осприси, Ахалцихе, Астаринский р-он. Севан⁹⁴) и Северного Кавказа (ст. Новосвободная)⁹⁵. Наконечник копья из дольмена станицы Новосвободной следует, видимо, считать наиболее близкой аналогией сигитминскому и тадшобскому образцам. Однако наибольшую близость по конфигурации и характеру отделки эти два дагестанских наконечника обнаруживают прежде всего между собой. Это обстоятельство, как нам кажется, наводит на мысль о родстве происхождения и местном изготовлении наконечников из Сигитмы и Тад Шоба.

II тип. Штыковидные наконечники. Единственный на территории

⁸⁹ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 362.

⁹⁰ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Мамаев. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1966 г., л. 43, альбом к отчету, рис. 38, 2.

⁹¹ В. П. Каневец и Г. М. Буров. Указ. отчет за 1956 г.; л. 43, альбом к отчету, табл. 80, 1.

⁹² L. S. Woolley. Ur Excavations, v. II. The Royal Cemetery. New-York, 1931, pl. 149; Г. Чайлд. Указ. соч., стр. 243, рис. 87, 3.

⁹³ C. F. A. Schaeffer. Stratigraphie com parée et Chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, fig. 80, c.

⁹⁴ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция..., табл. IX, а; то же. Археологические раскопки в Триалети, стр. 11—12, рис. 9б; В. П. Любин. Археологическая разведка..., рис. 1, 9; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Указ. соч., стр. 124, рис. 42, 3—7; С. А. Есяян. Указ. соч., стр. 13, табл. I, 1.

⁹⁵ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной, стр. 31, табл. XI, 1.

Дагестана наконечник этого типа происходит из третьего слоя Верхнегунибского поселения⁹⁶ (рис. 37). Он представляет собой штыковидное оружие, изготовленное из цельного, первоначально округлого бронзового стержня. Последующей проковкой его острию придана форма сильно вытянутой пирамиды с почти квадратным основанием, плавно переходящим в насадочный стержень. Верхняя часть стержня сохранила округлые очертания первоначальной заготовки, а середина и нижняя часть, суживающаяся к концу, также прокованы и имеют четырехгранное сечение.

Варианты штыковидного наконечника, сближающиеся с верхнегунибским экземпляром по общему облику и сходным приемам отделки, известны из ряда памятников Закавказья: Сачхере⁹⁷, Квацхелеби⁹⁸, Нахичеванское Кюль-тепе II⁹⁹, Хачбулаг¹⁰⁰. Однако наличие у закавказских образцов, кроме хачбулагского, такой морфологической детали, как четко оформленная в основании острия упорная площадка для жесткой фиксации наконечника в древке копья, типологически несколько отличается их от верхнегунибской находки. У последней, лишенной упорной площадки, эту фиксирующую роль выполняли, очевидно, небольшое утолщение в верхней части насадочного стержня и заусеницы трех глубоких зарубок на его конце. Отличается верхнегунибский наконечник и от найденного в Бамуте штыковидного оружия, которое представляет собой гладкий четырехгранный стержень с заостренными концами, но без выделенного черенка и других морфологических деталей¹⁰¹.

Тип штыковидных наконечников, по мнению специалистов, по мнению специалистов, возник в Передней Азии одновременно с известными классическими типами наконечников копий и имеет одинаковый с ним ареал¹⁰². В древнем Уре, например, и те и другие изготовлялись не только из бронзы, но также из серебра и золота¹⁰³.

Рост числа находок листовидных и штыковидных наконечников копий за счет экземпляров, происходящих из раннебронзовых памятников

⁹⁶ В. М. Котович. Указ. соч., стр. 137—138, рис. 50, 2.

⁹⁷ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племел..., стр. 263, рис. 33, 1.

⁹⁸ А. И. Джавахишвили, Л. И. Глonti. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби, стр. 62, 64, табл. XXXVI.

⁹⁹ О. А. Абибуллаев. Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане. СА, 1963, № 3, стр. 161, рис. 4, 5.

¹⁰⁰ И. Нариманов и Г. Исмаилов. Археологические раскопки в Хачбулаге в 1959 г. Изв. АН Аз. ССР, 1961, № 3, стр. 25, табл. 1.

¹⁰¹ Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре..., стр. 306, 396, рис. 73, 3.

¹⁰² О штыковидных наконечниках см. также: L. C. Woolley. *pl.* 227; C. F. Schaeffer. *fig.* 80, A; Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция..., стр. 74; Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 243; К. Х. Кушнарера, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры..., стр. 125, рис. 42, 8—11.

¹⁰³ L. C. Woolley. P. 303—304, *pl.* 149, 227.

Дагестана, значительно расширяет ареал этих типов оружия. При этом необходимо отметить, что речь уже идет о первых специализированных типах данного вида металлического прицельно-колющего оружия, наиболее действенных для своего времени.

КИНЖАЛЫ

Одним из ранних видов колющего оружия является кинжал, «небольшой по размеру, удобно носимый, служащий действенным оружием рукопашного боя и имеющий одновременно и хозяйственное значение (вырезывание дерева, свежевание туш и т. д.)»¹⁰⁴. На Кавказе медные кинжальные клинки, изготовлявшиеся путем холоднойковки и подражавшие распространённым в энеолите каменным ножам, вошли в употребление уже в IV тысячелетии до н. э. (поселение Техут в Армении)¹⁰⁵.

На территории Дагестана два архаичных и однотипных образца этого вида оружия встречены на втором Карабудахкентском могильнике¹⁰⁶ (рис. 38, 39). Они представляют собой небольшие кованые клинки с обоюдоострыми листовидными лезвиями удлинённых пропорций и плоскими насадочными черенками прямоугольного сечения. По форме и даже по размерам эти клинки близко совпадают с кинжалами из дольменного кургана № 1 ст. Новосободной¹⁰⁷. Аналогичные им плоские ножи-кинжалы с округлым концом листовидного лезвия известны также из Махосhevского и Бамутских курганов¹⁰⁸, Триалети¹⁰⁹, Ленинанкана¹¹⁰, из Хаченагетских курганов, Мингечаура и ряда других ранне-бронзовых памятников по обе стороны Главного Кавказского хребта¹¹¹.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КЛИНКИ

Наряду со специализированными наконечниками копий и кинжалами в раннебронзовых памятниках Дагестана встречена группа медных плоскочерешковых клинков универсального назначения: «будучи закреп-

¹⁰⁴ С. А. Есаян. Оружие и военное дело..., стр. 58.

¹⁰⁵ К. Х. Кушкарёва, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры..., стр. 126.

¹⁰⁶ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ с. Карабудахкент, стр. 167, рис. 3, 5; 7, 13.

¹⁰⁷ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосободной, стр. 33, табл. X, 1—8.

¹⁰⁸ Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре..., стр. 253, 292, 305, рис. 56, 9; 67, 1, 2, 72, 9, 10.

¹⁰⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 102, табл. CVI.

¹¹⁰ С. А. Есаян. Указ. соч., стр. 59, табл. XI, 17.

¹¹¹ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 167—168; К. Х. Кушкарёва, Т. Н. Чубинишвили. Указ. соч., рис. 36, 21.

ленными в длинном древке, они служили наконечниками копий, а снабженные короткими рукоятками, могли использоваться в качестве кинжальных клинков»¹¹². На эту функциональную универсальность подобных клинков, «варьирующих от листовидной формы до удлинённых треугольников», указывал и Е. И. Крупнов¹¹³. Рассматриваемые нами плоскочерешковые клинки из дагестанских памятников III тысячелетия до н. э. дают два типа этого оружия.

I тип. Относящиеся к данному типу образцы отличаются архаичностью формы и представляют собой небольшие ромбовидные или удлиненно-листовидные клинки с весьма слабо моделированными плоскими черенками. Сравнительно четко указанные особенности типа выражены у двух экземпляров, происходящих из поселения Тад Шоб¹¹⁴ (рис. 40) и С. Чиркей¹¹⁵ (рис. 41). К этому типу можно отнести и кованный плоскочерешковый клинок той же простейшей формы, обнаруженный в двух обломках на втором Карабудахкентском могильнике¹¹⁶ (рис. 42).

По своей форме эти дагестанские образцы приближаются к типу несколько более вытянутых раннемайкопских клинков с едва намечающимся черенком или без такового, известных из ряда северокавказских памятников III тысячелетия до н. э.: Хаджох, Садки, хут. Рассвет, уч. Зиссерманов, ст. Усть-Джегутинская¹¹⁷. Происходящий из Лугового поселения в Чечено-Ингушетии «медный кинжальчик или наконечник копья — дротика»¹¹⁸ своими ромбовидными очертаниями особенно напоминает плоскочерешковый клинок из Тад Шоба. Плоский листовидный клинок с коротким узким черенком встречен в раннебронзовом кургане XIX в Триалети¹¹⁹; типологически близкие образцы известны также из других закавказских памятников куро-аракской культуры¹²⁰.

II тип. Признаки, характеризующие этот тип, — удлиненно-треугольная форма плоского клинка с несколько приподнятыми и закругленными плечиками и четкая выраженность черенка. Довольно хорошо

¹¹² «История Дагестана», т. I. М., 1967, стр. 64.

¹¹³ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 48.

¹¹⁴ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Указ. отчет за 1966 г., л. 7, альбом к отчету, рис. 5, 3.

¹¹⁵ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 92, рис. 42, 4.

¹¹⁶ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ с. Карабудахкент. МИА, 68, 1958, стр. 167, рис. 7, 12.

¹¹⁷ Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре..., стр. 332—333, рис. 41, 1—6.

¹¹⁸ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 67—68, рис. 17.

¹¹⁹ Э. М. Гогадзе. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, 1972, стр. 103, табл. 9, 2.

¹²⁰ А. И. Джавахишвили, Л. И. Глonti. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби, табл. XXXVI.

сохранился клинок из третьего Утамышского кургана¹²¹ (рис. 43), представляющий собой слегка вытянутый равнобедренный треугольник с острой вершиной и узким черенком под еле приподнятыми плечиками. Второй экземпляр, происходящий из третьего слоя Верхнегунибского поселения¹²² (рис. 44), сильно поврежден, и возможным указанием на его принадлежность к рассматриваемому типу может служить лишь нижняя часть пера с более широким, чем у утамышского образца, но достаточно четко оформленным плоским черешком.

По внешнему облику эти образцы II типа могут быть отнесены к кругу плоских клинков с подтреугольными лезвиями с острыми концами, распространенных, наряду с плоскими листовидными клинками с округлыми концами, в памятниках раннебронзовой эпохи на сравнительно широкой территории, в особенности на Кавказе¹²³. Оба типа существуют, встречаясь иногда совместно, например, в погребениях из Сачхерского р-она Грузии¹²⁴. Сходную с образцом из Утамыша конфигурацию имеет бронзовый наконечник копья из Бамутского кургана 17¹²⁵, отличающийся от первого лишь несколько более вытянутыми пропорциями кованного по всей длине подтреугольного лезвия. Близкие варианты рассматриваемых клинков встречены в среднебронзовых курганах Чиркея¹²⁶ и в некоторых памятниках Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы¹²⁷.

НАВЕРШИЯ БУЛАВ

В древнейших земледельческо-скотоводческих культурах Передней Азии, Кавказа, юга России и Центральной Европы довольно широко распространение имела булава¹²⁸. Известно, что в некоторых случаях булавы с навершиями, изготовленными из редких горных пород, служи-

¹²¹ В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Работы в Прикаспийском Дагестане, стр. 154.

¹²² Принишу благодарность В. М. Котович, ознакомившей нас с находкой.

¹²³ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 167—168; К. Х. Кушнарера, Т. Н. Чубиншвили. Указ. соч., стр. 89, рис. 35, 25.

¹²⁴ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, табл. XXX.

¹²⁵ Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре..., стр. 306, рис. 73, 1.

¹²⁶ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Мамаев, Г. С. Федоров. Археологические исследования в районе строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г., РФ ИИЯЛ, д. № 3730, лл. 75, 70, рис. 44, 3; 48, 3.

¹²⁷ С. М. Магомедов. К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы. МАД, т. 5. Махачкала, 1974, стр. 68—69, рис. 19, 51—61.

¹²⁸ Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 73, 75, 87, 114, 275, 318, 333; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 66—67.

ли одновременно и символами власти. Е. И. Крупнов разработал типологическую классификацию их северокавказских находок¹²⁹, однако они происходят из комплексов II тысячелетия до н. э. и, следовательно, представляют собой более поздние образцы. Вместе с тем, на основе находок из Закавказья, г. о. Армении, С. А. Есаяном выделено семь типов каменных и металлических наверший булав различной конфигурации, из которых каменные навершия двух типов — шаровидные и грушевидные — определенно датируются III тысячелетием до н. э.¹³⁰ Хронологически и типологически близки им каменные навершия булав из раннебронзовых памятников Дагестана.

I тип. Шаровидные навершия. Несколько поврежденное навершие булавы этого типа происходит из Каякентского поселения, датируемого концом I-й половины — серединой III тысячелетия до н. э.¹³¹ (рис. 45). Другие известные дагестанские находки шаровидных или близких к шаровидной форме наверший были обнаружены в памятниках эпохи средней бронзы¹³².

Шаровидное каменное навершие найдено в кургане 36 у ст. Усть-Джегутинской¹³³. Каменный шарообразный предмет из Майкопского кургана некоторые специалисты также считают навершием булав¹³⁴. Известные из других мест Северного Кавказа шаровидные навершия (Фаскау)¹³⁵ датируются II тысячелетием до н. э. В то же время сравнительно много шаровидных или близких к шаровидной форме каменных наверший булав встречено в раннебронзовых памятниках Закавказья: Эчмиадзин, Шенгавит¹³⁶, Нахичеванское Кюль-тепе¹³⁷, Степанакерт¹³⁸, Триалети¹³⁹.

¹²⁹ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 44, 46.

¹³⁰ С. А. Есаян. Оружие и военное дело..., стр. 51—54.

¹³¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, 68, стр. 29, рис. 54; Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 66, рис. 12, 4.

¹³² М. Г. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильни Гиччи). Махачкала, 1969, стр. 136—137, рис. 15, 2; М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Г. С. Фёдоров. Археологические исследования в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 году. РФ ИИЯЛ, д. № 3730.

¹³³ Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре..., стр. 324.

¹³⁴ ОАК за 1897 г., стр. 6, рис. 19; Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре..., стр. 324 (споска 364).

¹³⁵ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 44, рис. 9, 8.

¹³⁶ С. А. Есаян. Указ. соч., стр. 51, табл. X, 1—3.

¹³⁷ О. А. Абибуллаев. Раскопки холма Кюль-тепе в 1955 г. КСИИМК, 51, стр. 440, рис. 7, 4.

¹³⁸ Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, XX, стр. 18, рис. 8, 9—10; К. Х. Кушнарёва, Т. Н. Чубинишвили. Указ. соч., стр. 83, рис. 29, 13—14.

¹³⁹ Э. М. Гогадзе. Указ. соч., табл. 12, 2.

II тип. Грушевидные навершия. Из дагестанских находок этого типа наверший наиболее древним, видимо, следует считать экземпляр, найденный на Великентском поселении¹⁴⁰ (рис. 46), синхронном Каякентскому. Изготовленное из гематита — твердой породы красного железистого камня, навершие имеет отверстие в форме цилиндра с небольшим воронкообразным расширением у самого выхода одного из концов.

Другое грушевидное навершие из массивного куска арагонита золотисто-желтого оттенка с беловатыми разводами найдено в третьем слое Верхнегунибского поселения¹⁴¹ (рис. 47). Судя по материалу (арагонит сравнительно редко встречается в природе столь крупными кусками) и внешнему облику верхнегунибского навершия, оно, возможно, имело не только боевое назначение, но и служило символом власти в руках определенного привилегированного лица.

Подобным же целям служило, видимо, и мраморное навершие грушевидной формы, обнаруженное недавно в захоронении вождя на Утамышском курганном поле¹⁴² (рис. 48). Полированная поверхность навершия имеет коричневатый фон, хаотично усыпанный густозелеными пятнами. Цилиндрическо-коническое отверстие, проделанное односторонним сверлением, в основании несколько суживается и заканчивается небольшим кольцевидным валиком. Размеры навершия: высота — 5,7 см., диаметр отверстия у основания — 1,8 см, верхнего отверстия — 2 см.

Грушевидное навершие из белого плотного известняка с полированной поверхностью, найденное в Каякентском районе, хранится в Дагпединституте. Оно отличается сравнительно крупными размерами: высота — 5,5 см, ширина — 6,5 см, диаметр отверстия у основания — 2 см, верхнего отверстия — 1,8 см (рис. 49).

Находки рассматриваемого типа наверший булав широко известны из раннебронзовых памятников Закавказья: Шенгавит¹⁴³, Мингечаур¹⁴⁴, Триалети¹⁴⁵. В северокавказских комплексах интересующего нас времени грушевидные каменные навершия булав встречаются крайне редко¹⁴⁶.

¹⁴⁰ В. Г. Котович. Новые археологические памятники..., стр. 121, 132, табл. 1, 3; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 66, рис. 125.

¹⁴¹ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 33, рис. 49, 31.

¹⁴² В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Работы в Прикаспийском Дагестане, стр. 154.

¹⁴³ С. А. Есаян. Указ. соч., стр. 53.

¹⁴⁴ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур, стр. 31, табл. X, 10, 11, 14.

¹⁴⁵ Л. Жоржикашвили, Э. Гогодзе. Указ. соч., стр. 60, табл. 47, 369, 370.

¹⁴⁶ Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИИ, 88, 1962, стр. 38, рис. 2, 9; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 67; его же: Кавказ на заре..., стр. 324.

БОЕВЫЕ ТОПОРЫ

Как все более вырисовывается в последние годы, среди предметов вооружения, употреблявшихся в Дагестане в III тысячелетии до н. э., были боевые неметаллические, г. с. каменные, и бронзовые топоры.

НЕМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ СВЕРЛЕННЫЕ ТОПОРЫ

Каменные полированные топоры со сверлиной, по мнению В. И. Марковина, «в эпоху бронзы служат личным оружием и для работы не употребляются»¹⁴⁷. На то, что «назначение последних, как боевого оружия, почти не вызывает сомнений», указывает и Р. М. Мунчаев¹⁴⁸.

У дагестанских образцов рассматриваемой группы лезвийная часть имеет в профиль примерно одинаковое очертание: оттянутое назад лезвие топора придает его брюшной стороне изогнутую форму; однако по материалу, характеру моделировки обушной части и середины они несколько разнятся между собой, образуя три типа.

К I типу относится группа топоров, у которых цилиндрический обухок круглого сечения лишен каких-либо рельефных деталей; сверлина располагается посередине между обушной и лезвийной частями; центральная часть в месте сверления имеет боковые утолщения-выступы. Единственный хорошо сохранившийся экземпляр этого типа, найденный на поселении Тад Шоб¹⁴⁹ (рис. 50), изготовлен из змеевика, имеет округлые срединные утолщения на боках и до блеска отполирован по всей поверхности. Из Тад Шоба происходит обушная часть и второго образца¹⁵⁰ (рис. 51), изготовленного из твердой породы камня черного цвета. Отличаясь от первого экземпляра более удлиненными пропорциями и крупными размерами в целом, эта находка обнаруживает с ним большое сходство по другим признакам данного типа. Уместно предположить, что по характеру оформления лезвийной части он также мог быть близок первому экземпляру.

Однако наиболее ранним из образцов рассматриваемого типа следует, видимо, считать хранящуюся в Госмузее Грузии (кол. № 3602) обушную половину тщательно полированного топора из змеевика. Она найдена А. А. Русовым во время раскопок на одном из возвышений,

¹⁴⁷ В. И. Марковин. Каменные орудия с желобчатыми перехватами на территории Дагестана и Северного Кавказа. МАД, т. 3, Махачкала, 1973, стр. 17.

¹⁴⁸ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 60.

¹⁴⁹ М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Указ. отчет за 1966 г., л. 30; альбом к отчету, рис. 22, 7.

¹⁵⁰ Там же, л. 20, рис. 10, 4.

образующих Мамайкутанское поселение близ Дербента¹⁵¹, датируемое концом первой половины—серединой III тысячелетия до н. э. (рис. 52). От тадшобских образцов топор из Мамай-кутуна отличается лишь тем, что боковые утолщения в его центральной части с конической сверлиной имеют не округлые, а характерные четырехгранные очертания.

Небольшие по размеру каменные сверленные топоры, отшлифованные по всей поверхности, встречаются в закавказских раннебронзовых памятниках Шенгавит¹⁵², Урбниси¹⁵³, Нахичеванское Кюль-тепе¹⁵⁴. Аналогичные им каменные топоры известны также из Аладжа Гююка, причем здесь подобное оружие найдено и с недосверленным отверстием¹⁵⁵. На Северном Кавказе топоры этого типа известны из памятников, датированных II тысячелетием до н. э. Так, образцам из Тад Шоба совершенно идентичны гладкие (по классификации В. И. Марковина¹⁵⁶) топоры из коллекции Д. А. Анучина и из подкурганного погребения с. Михайловское¹⁵⁷. Повторение формы обушка в средней (возможно, и лезвийной) части мамайкутанского образца мы находим у каменного топора из с. Лалды (Черноречье)¹⁵⁸.

II тип характеризуется небольшими размерами изогнутого обушка со шляпкой, наличием на нем кольцевой выемки и расположенном рукояточной сверлины конического сечения в лезвийной части топора. Образец такого топора (рис. 53), происходит из нижнего культурного слоя I Сигитминского поселения¹⁵⁹. Топор изготовлен из черной кристаллической породы и подвергался продольной шлифовке, что привело к образованию на его в целом гладкой поверхности слабо выраженных продольных плоскостей.

Типологически наиболее близкие параллели данному сигитминский образец находит среди ранних топоров кабардино-пятигорского типа,

151 А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в Южном Дагестане. V археологический съезд. Протоколы Предварительного комитета. М., 1882, стр. 503—621.

152 Б. А. Купфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Апарата и Куроаракский энеолит, ВГМГ-ХIII-В, стр. 116, рис. 69.

153 Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 59.

154 О. А. Абибуллаев. Указ. соч., стр. 440, рис. 7, 8.

155 Н. Косау. Ausgrabungen von Alaca Hüyük. Ankara, 1944. 145. CVIII.

156 В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 100.

157 В. А. Сафронов. Датировка Бородинского клада. Сб. «Проблемы археологии». Выпуск I. Л., 1968, прил. 1, рис. 1, 15, 16.

158 В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 84, рис. 15, 40.

159 В. И. Каньец. Указ. отчет за 1957 г., лл. 42—43; альбом к отчету, табл. 60.

известных из курганных погребений ст. Константиновской, Кисловодска, Архаринского могильника¹⁶⁰.

III тип представлен образцом из того же I Сигитминского поселения¹⁶¹ (рис. 54), частично сочетающим в себе признаки и первого и второго типов: широкая кольцевая выемка между рельефными валиками, опоясывающими цилиндрический обушок у его пяточной площадки и основания, и расположение круглой сверлины конического сечения в лезвийной части топора. Уже сам исходный материал — слегка изогнутая трубчатая кость — определил форму топора. Прямой обушок имеет круглое сечение, а стесанная по бокам и оттянутая назад лезвийная часть несколько повреждена, поэтому трудно сказать, что служило лезвием топора — срезанный край кости или каменный вкладыш.

Несмотря на его относительно крупные размеры, маловероятно, чтобы изготовленный из столь непрочного материала топор мог служить эффективным орудием труда. по всей вероятности, он имел боевое назначение или служил символом власти. На эту сторону его функции некоторым образом указывает, в частности, найденный у с. Дударков Киевской области топорик из рога боевого оленя, «представляющий собой, безусловно, не рабочий топор, а знак власти или культовый предмет»¹⁶².

Как уже отмечалось выше, боевые каменные сверленные топоры известны из ряда раннебронзовых памятников Закавказья и Передней Азии, но они пока не встречены в памятниках майкопской культуры. На Северном Кавказе топоры этого типа широко известны под условным названием «кабардино-пятигорских». Согласно существующим классификационным схемам¹⁶³, период их бытования не выходит за пределы II тысячелетия до н. э., причем у В. А. Сафронова он ограничен еще более определенными и узкими рамками — XVII—XIII вв. Однако дагестанские находки сверленных топоров дали основание М. Г. Гаджиеву по-новому подойти к выяснению вопросов происхождения и хронологии кабардино-пятигорских топоров. Суть его концепции на этот счет заключается в следующем.

Из известных находок дагестанских сверленных топоров три экзем-

¹⁶⁰ В. А. Сафронов. Указ. соч., прил. I, рис. 4, 1—3, 16; И. В. Сипицын, У. Э. Эрдниева. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Элиста, 1966, стр. 80, рис. 24, 3.

¹⁶¹ В. И. Канивец и Г. М. Буров. Указ. отчет за 1956 г., лл. 105—106; альбом к отчету, табл. 81.

¹⁶² А. А. Формозов. Об изображении на костяном топорике из Дударкова. СА, 1974, № 2, стр. 249. Костяной сверленный топорик с гнездом для вкладыша встречен также на Элистинском курганном могильнике. См. И. В. Сипицын, У. Э. Эрдниева. Элистинский могильник (по раскопкам 1964 года). Элиста, 1971, стр. 88, рис. 26, 2.

¹⁶³ В. И. Маркович. Указ. соч., стр. 100; В. А. Сафронов. Указ. соч., стр. 103—115.

пьяра происходят из надежно стратифицированных культурных слоев Чиркейского (Тад Шоб) и Сигитминского поселений. Топор из Чиркейского поселения (рис. 50) относится к типу гладких и совершенно точно сопоставляется с топором из с. Михайловское, датируемым В. И. Марковым серединой II тысячелетия до н. э., В. А. Сафроновым — XIII вв. до н. э. Чиркейское поселение Тад Шоб относится к кругу памятников, характеризующих поздний этап развития куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе, и датируется временем не позднее конца III тысячелетия до н. э. Топор из Сигитминского поселения (рис. 52) найден в нижнем слое, датируемом не позднее рубежа III—II тысячелетий до н. э., и сопоставляется типологически с ранними топорами кабардино-пятигорского типа. Следовательно, дагестанские топоры выпадают из хронологической школы, принятой для топоров кабардино-пятигорского типа.

Таким образом, по мнению М. Г. Гаджиаева, «хронология дагестанских топоров среди топоров кабардино-пятигорского типа может быть объяснена двояко: или на Северном Кавказе развитые формы топоров кабардино-пятигорского типа, в том числе и типа михайловского, возникли в конце III тысячелетия до н. э. и через Северо-Восточный Кавказ проникли далеко на юг, или же переднеазиатские топоры послужили прототипом для топоров кабардино-пятигорского типа, проникнув сюда через Восточный Кавказ еще в конце III тысячелетия до н. э.»¹⁶⁴

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ТОПОРЫ

I тип. Прсушные клиновидные топоры. Этот тип представлен тремя внекомплексными находками бронзовых проушных (или втульчатых, по С. Н. Кореневскому¹⁶⁵) топоров, типологические параллели которых хорошо известны из памятников III тысячелетия до н. э.¹⁶⁶

К первому подтипу этих топоров относятся два экземпляра с неравномерно расширяющимися к слегка опущенным лезвиям массив-

¹⁶⁴ М. Г. Гаджиаев. К вопросу о происхождении и хронологии северокавказских топоров кабардино-пятигорского типа. Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975, стр. 24—26.

¹⁶⁵ С. Н. Кореневский. Металлические втульчатые топоры Уральской горнометаллургической области. СА, 1973, № 1, стр. 40; его же. О металлических топорах майкопской культуры. СА, 1974, № 3, стр. 14.

¹⁶⁶ См.: Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 10; его же. Археологическая маршрутная экспедиция..., стр. 36; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен..., стр. 91; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 25; С. А. Есян. Оружие и военное дело..., стр. 27—30, табл. V, 1; Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новособольной, стр. 28—29, табл. V, 1; IX, 4—6; XVII, 3; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры..., стр. 121—122; Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре..., рис. 53, 81.

ными туловищами, у которых нижняя линия, т. е. линия по брюшку, изгибается дугой. Первый топор обнаружен в окрестностях сел. Мекеги (Левашинский район), вблизи поселения эпохи ранней бронзы¹⁶⁷ (рис. 55). Он представляет собой отлитый в двустворчатой форме массивный клин, рабочая часть которого была обработана дополнительно двусторонней проковкой.

Из сел. Хутрах (Цунтинский р-он) происходит массивный топор с поврежденными обухом и лезвийной частью¹⁶⁸ (рис. 56). Как и мекегинский экземпляр, он имеет неравномерно расширяющееся к тщательно прокованному и оттянутому лезвию плавно изогнутое туловище, но, в отличие от того, у хутрахского топора непропорционально маленький обух с круглой проушиной резко суживается кверху.

Второй подтип представлен отлитым в двустворчатой форме топором (рис. 57), узкое, вытянутых пропорций туловище которого, почти равномерно расширяясь к лезвию, дает по нижнему краю ломаную линию, а лезвие имеет убывающий скос к брюшку. Происходит он из сел. Ново-Мака (С. Стальский р-он)¹⁶⁹. Верхняя линия туловища топора также дает небольшой вогнутый изгиб в месте, где обушная часть переходит в лезвийную. Обух, сравнительно узкий в плечах, имеет проушное отверстие уплощенно-овального сечения, расположенное перпендикулярно к клину топора, довольно толстому в плане. Судя по тому, что вся поверхность и проушное отверстие топора покрыты литейными бугорками, он, видимо, не был подвергнут дополнительной обработке.

С. Н. Корневским разработана типологическая и хронологическая классификация металлических клиновидных топоров майкопской культуры. Мекегинский и хутрахский топоры обнаруживают наибольшую близость ко 2-й группе майкопских топоров с коротким, неравномерно расширяющимся туловищем и дугообразным изгибом его нижней линии¹⁷⁰. В свою очередь, новомакинская находка больше тяготеет к 1-й группе сравнительно узких в профиль топоров с равномерно расширяющимся туловищем, лезвийная часть которого имеет трапециевидную форму¹⁷¹.

По мнению специалистов, прототипы клиновидных проушных топоров восходят к месопотамским образцам, появившимся в подражание

¹⁶⁷ В. Г. Котович, В. М. Котович. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане. — Сб.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, стр. 78. рис. 1, 5.

¹⁶⁸ Хранится в фондах ИИЯЛ.

¹⁶⁹ Хранится в фондах ИИЯЛ. Привожу благодарность О. М. Давузову, ознакомившему нас с хутрахской и новомакинскими находками.

¹⁷⁰ С. Н. Корневский. О металлических топорах майкопской культуры, стр. 18—21, рис. 6.

¹⁷¹ Там же, стр. 16—18, рис. 3.

каменным еще в IV тысячелетии до н. э. Об этом свидетельствуют их глиняные модели из раскопок в Уре, Охаире, Кише и Джемдет-Насре¹⁷². В III тысячелетии до н. э. их производство было довольно широко налажено и на Кавказе, о чем говорят каменные и глиняные литейные формы для отливки топоров из Шенгавита, Нахичеванского Кюльтепе, Гарни, Квацхелеби и др.¹⁷³. Большое значение имело нахождение глиняной разъемной формы для отливки архаичного проушного топора на раннебронзовом поселении Галгалатли I¹⁷⁴ (сел. Гагатль, Ботлихский р-он). Эта находка убедительно свидетельствует о том, что уже в III тысячелетии до н. э. на территории Дагестана было налажено местное производство металлических изделий, в том числе и проушных топоров рассмотренного типа.

II тип. Топор-клевец. Слегка изогнутый в профиль круглопроушной топор с клецевым обухом клювовидной формы (рис. 58) происходит из хутора Маакиб в окрестностях сел. Ругуджа (Гунибский р-он)¹⁷⁵. Отлитый в одностворчатой форме из почти чистой меди, он является пока единственным на территории Дагестана экземпляром этого типа топоров.

Бронзовые топоры-клевцы, несколько отличающиеся по деталям оформления, но в целом аналогичные описанному образцу, известны по находкам в Грузии и Армении, куда они проникли из Передней Азии не позднее второй половины III тысячелетия до н. э.¹⁷⁶ По-видимому, одновременно им и ругуджинская находка.

В вопросе о назначении этих архаичных металлических изделий исследователи в основном сходятся на придании им функций универсального оружия и орудия, «комбинировавшего в себе топор-мотыгу и топор-кирку, т. е. оружие, состоящее на вооружении и необходимое

¹⁷² Г. Чайлд. Древнейший Восток..., стр. 183, 209; Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМГ—XII — В, Тбилиси, 1944, стр. 295—296; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры..., 121—122

¹⁷³ С. А. Есаян. Оружие и военное дело..., стр. 28; Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре..., стр. 394, рис. 30, 5, 6.

¹⁷⁴ Раскопки М. Гаджиева. См.: М. Г. Гаджиев. Раскопки памятников бронзового века в Горном Дагестане. АО 1968 г., М., 1969, стр. 102; Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 175, рис. 30, 4.

¹⁷⁵ В. Г. Котович. Археологические раскопки в Горном Дагестане, стр. 37—38, рис. 21, 4; В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 77—78, рис. 1, 4.

¹⁷⁶ Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях..., стр. 300—303, табл. I, 1—2; Д. Л. Коридзе. Новые находки медных орудий в Квемо-Каргли. СА, 1958, № 1, стр. 134—137; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 32—33, рис. 5а, 5б; С. А. Есаян. Оружие и военное дело..., стр. 31—32, табл. V, 6; А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян. Приреванский клад древней бронзы. КСИА, 1973, № 134, стр. 123—125, рис. 47, 5—11.

как для строительства временных укреплений, дорог, так и для разрушения захваченных укреплений»¹⁷⁷ противника.

* * *

Рассмотренные в статье предметы вооружения, будучи в большинстве случаев продукцией местного производства, вместе с тем указывают на тесные связи дагестанских племен с их северокавказскими и особенно закавказскими соседями. Это и не удивительно, если учесть, что значительное число памятников составляет часть большой куро-аракской культурной общности или, другими словами, «представляет локальную группу памятников этой культуры»¹⁷⁸, тесно контактировавшей, в свою очередь, с культурными центрами Древнего Востока. Этот фактор, как и выгодно во многих отношениях буферное положение Дагестана, давал ему возможность активно участвовать в обмене между переднеазиатскими цивилизациями и племенами Восточной Европы и, следовательно, в сравнительно короткий срок знакомиться с важнейшими производственными и культурными достижениями своего времени. Хорошо известно, какую важную роль в поддержании и активизации этого обмена играл восточнокавказский равнинный путь, проходивший на значительном протяжении по территории Дагестана¹⁷⁹.

Наряду с такими элементами культуры дагестанских племен, как планировка и архитектура их поселений, отражавшие процесс сегментации большесемейных общин и усиление межплеменной борьбы («...все известные в Дагестане поселения эпохи ранней бронзы... носят ярко выраженный оборонительный характер»¹⁸⁰), а также сооружение крупных надмогильных холмов (Большой Миатлинский¹⁸¹ и третий Утамышский¹⁸² курганы), представлявших собой захоронения вождей, — рассмотренный набор Дагестанского оружия в известной мере позволяет представить и характер социальных процессов в структуре первобытной общины, в которой проглядываются уже наметившиеся признаки разложения родовых отношений. Появление таких видов парадного оружия, как булавы с навершиями из редких и ценных пород камня (Утамыш.

177 С. А. Есаян. Указ. соч., стр. 131—132.

178 Р. М. Мулчаев. Кавказ на заре..., стр. 190.

179 Е. И. Круннов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 356.

180 В. М. Котович. К истории дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века. УЗ ИИЯЛ, т. XII. Махачкала, 1964, стр. 187.

181 В. И. Канивец. Указ. отчет за 1957 г., лл. 41—45.

182 В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Работы в Прикаспийском Дагестане, стр. 154.

Верхний Гуниб), полированные каменные (Мамай-кутан, Тад Шоб) и костяные (Сигитма) топоры, которые, помимо своего практического, боевого, назначения, служили еще и символами власти¹⁸³, является, по всей видимости, указанием на существование у населения раннебронзового Дагестана сравнительно четко выделившейся родо-племенной знати.

Таким образом, анализ большого ассортимента предметов вооружения из памятников Дагестана эпохи ранней бронзы и сопоставление их с соответствующими находками из синхронных комплексов сопредельных областей позволяют утверждать, что в III тысячелетии до н. э., благодаря отмеченным и другим социально-экономическим и географическим факторам, дагестанскими племенами были освоены и широко применялись все известные в то время виды оружия — от архаичных снарядов из камня и кости до высокоэффективных боевых средств из металла. Особенно обращает на себя внимание факт чрезвычайно быстрого освоения населением раннебронзового Дагестана передовых военно-технических достижений стран Переднего Востока. Так, зародившиеся в шумерийских центрах специализированные наконечники копий «переднеазиатского» типа (как с листовидным, так и со штыковидным острием), которые применялись на Ближнем Востоке и в Закавказье на всем протяжении III тысячелетия до н. э., встречены в культурных слоях нескольких дагестанских памятников (Тад Шоб, Сигитма, Верхний Гуниб), датируемых третьей четвертью — концом III тысячелетия до н. э. Из всего этого явствует, что в эпоху ранней бронзы вооружение и, очевидно, военное дело населения древнего Дагестана находились на уровне, вполне отвечавшем требованиям своего времени.

¹⁸³ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 101.

КАМЕННОЕ АНТРОПОМОРФНОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ ЭКИБУЛАКА

В 4-х км к северо-востоку от с. Экибулака Буйнакского района ДАССР у подножья горы «Истису-тау» в местности, известной под названием «Гъача» в 1968 г. было обнаружено каменное антропоморфное изваяние, или, как принято называть такие памятники, каменная баба (рис. 1) *. Место нахождения изваяния представляет собой ровную поляну, усеянную небольшими курганами, некоторые из которых окружены каменными кольцами — кромлехами. Изваяние лежало на одном из курганов головой на юг, лицом вниз. Для определения времени могильника нами была предпринята расчистка одного из погребений. При этом в центре курганной насыпи был обнаружен каменный ящик квадратной в плане формы, сложенный из 4-х вертикально поставленных плит. Перекрывающая плита не сохранилась. В заполнении ящика было найдено только несколько фрагментов грубой розовой керамики с обмазанной внешней поверхностью. Подобная керамика и погребальные сооружения в виде каменных ящичков весьма характерны для эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа, особенно для могильников каякентско-хороцоевской культуры¹.

Изваяние высечено из массивного каменного монолита. Размеры его следующие: высота 1,30 м., наибольшая ширина 1,17 м., ширина внизу 1,05 м., толщина 0,30—0,33 м. Путем тщательной обработки (на поверхности изваяния хорошо заметны следы точечной техники) монолиту придана форма статуи с ясным изображением женщины.

Для изваяния характерны относительно реалистическая передача частей тела, тщательность проработки деталей, выполненных плоским

* Каменное изваяние было обнаружено учениками Экибулакской школы. О находке в Институт истории, языка и литературы сообщил учитель истории Нариман Устарханов. На месте нахождения изваяния побывала группа научных сотрудников ИИЯЛ в составе Д. М. Агаева, М. Г. Гаджиева, А. И. Абакарова и М. А. Агларова, которая произвела обследование могильника и доставила памятник в Институт.

¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, № 68, стр. 51—146.

Pl. I.

рельефом путем удаления фона. На довольно выразительном, слегка выпуклом лице, сильно заостренном книзу, обозначен прямой нос в виде слаборельефного вертикального выступа. Глаза отмечены двумя глубокими овальными выдолбленными ямками, а рот узкой горизонтальной врезной черточкой. Вокруг рта обозначены, по-видимому, морщинки. Над глазами показаны длинные брови — рельефные дужки, обращенные острыми концами вниз. Голова тщательно моделирована. На ней обозначены зачесанные назад волосы, обрамляющие ровным полукругом лицо и спускающиеся на затылок. Ушные раковины переданы ямками, окаймленными рельефными полукружиями. Широкие покатые плечи выражены четко. Руки, переданные очень тщательно и реалистично, резко согнуты в локтях под острым углом, так что кисти покоятся на груди. Столь же тщательно прорисованы рельефом все пальцы рук. По бокам изваяния, под острыми локтями обозначен переход к талии. Грудь, отмеченная двумя большими рельефными овалами, передана сильно преувеличенно. Рельефом же обозначены соски. Внизу между грудями помещено изображение миндалевидной формы. Ниже грудей кружочком с выемкой в центре показан пупок. Низ статуи, обрамленный неширокой лентой (пояс?), имеет относительно ровный горизонтальный и широкий срез. Судя по нему, описываемая статуя, в отличие от других известных древних памятников подобного рода, не вкапывалась в землю или курганную насыпь, а стоял на ней благодаря собственной тяжести. Лицевая и оборотная стороны изваяния выпуклые, благодаря чему оно издали воспринимается как объемное. На спине обозначены слаборельефные круги-диски, передающие, может быть, утрированные лопатки. По особенностям трактовки лица, рук, изображенных в характерном для изваяний эпохи бронзы положении — согнутыми в локтях под острым углом и с кистями на груди, а также по манере передачи всего облика человека экибулакская статуя обнаруживает определенное сходство с монументальными каменными антропоморфными изваяниями развитой группы из южных областей Западной и Восточной Европы (Северное Причерноморье, Крым, Болгария, Румыния, Франция)². Однако она более объемна, выразительнее, более тщательно обработана, чем западноевропейские и северопричерноморские стелы.

Видимо, экибулакская статуя несколько моложе этих изваяний.

² Т. Д. Златковская. К вопросу об этнокультурных связях племен южно-русских степей и Балканского полуострова в эпоху бронзы. СЭ, 1963, № 1, стр. 83, рис. 3, 1, рис. 4; А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья. СЭ, 1965, № 6, стр. 181; его же. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966, рис. 35; его же. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969, рис. 62, 6; Э. А. Рикман. Художественные сокровища древней Молдавии. Кишнев, 1969, стр. 25—27, рис. 20.

Но вряд ли ее можно датировать временем значительно поздним, чем начальные века II тыс. до н. э. Использование для перекрытия могилы каякентско-хорочоевской культуры, датируемой серединой — 3-ей четвертью II тыс. до н. э.³, не являлось её первоначальным назначением. Здесь она скорее всего была использована вторично, ибо до сих пор не зафиксирован случай воздвигания над могилами каякентско-хорочоевской культуры каменных изваяний.

Принято считать, что первоначально каменные изваяния изготовлялись из специально подобранных удлиненных камней, которые подтесывались до формы, близкой к человеческой фигуре⁴. Сами изваяния, по мнению исследователей, служили надмогильными памятниками и были связаны с культом мертвых⁵. Воздвигались они обычно над вершинами курганов или же над погребениями в грунтовых могилах в честь наиболее выдающихся членов рода⁶. Обычай воздвигать каменные скульптурные памятники над погребениями в Дагестане, очевидно, возник, как и в других районах Северного Кавказа⁷, в результате культурных связей местных племен с носителями древнейшей культуры Северного Причерноморья, существовавших в медно-бронзовом веке⁸. В этом плане большой интерес представляет каменное изваяние (высота 1,90 м, ширина в верхней части — 1,00 м., в нижней части — 0,75 м., толщина 0,25 м), обнаруженное в 1965 году В. Г. Котовичем в урочище Шахсенгер близ с. Башлыкент Каякентского района⁹. Оно представляет собой крайне примитивное изображение человеческой фигуры с туловищем в виде грубоотесанной массивной каменной плиты прямоугольных очертаний со слабо намеченными плечами и с головой в виде полукруглого

³ В. Г. Котович. Об историческом месте каякентско-хорочоевской культуры. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (дополнительный выпуск). Тбилиси, 1971, стр. 19—21.

⁴ Э. А. Рикман. Указ. соч., стр. 22.

⁵ См. Н. Г. Елагина. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея. СА, 1959, № 2, стр. 194—195.

⁶ А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства на территории СССР, стр. 98.

⁷ И. М. Чеченов. Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н. э.). Нальчик, 1973, стр. 60.

⁸ А. А. Нессен. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом. КСИИМК, XVI, 1952, стр. 48—53; А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте кагакомбийной культуры. СА, 1958, № 2, стр. 43—44; Е. И. Крупнов. Н. Я. Мерперт. Курганы у станции Микевской. — В сб.: «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 40—42; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 139—143; Н. Я. Мерперт. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.). Автореф. докторской диссертации, М., 1968, стр. 22—24.

⁹ В. Г. Котович. Отчет о работе III-его разведочного отряда ДАЭ в 1965 г. РФ ИИЯЛ, д. № 225, стр. 49 и д. № 225 б, рис. 101—102. Еще одно такое же изваяние найдено В. Г. Котовичем там же. См. В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 49, рис. 100.

выступа наверху. Черты лица не обозначены. По манере изображения, технике изготовления и по своей форме шахсенгерское изваяние находится в аналогии среди древнейших на Северном Кавказе вторично использованных антропоморфных стел, происходящих из пальчикской подкурганной каменной гробницы III тыс. до н. э.¹⁰ Оно близко к простейшим типам антропоморфных стел ямной и кеми-обинской культур Северного Причерноморья и Крыма¹¹. Это является еще одним свидетельством существования реальных связей древнего населения Дагестана с племенами степей Юго-Восточной Европы — носителями древнейшей культуры, на что исследователи уже обращали внимание¹². Именно у скотоводческих племен ямной культуры, обитавших в Северном Причерноморье в III—начале II тыс. до н. э. появляются первые памятники человеку, что было связано с выделением в скотоводческом обществе племенной верхушки, усилением вождей, в руках которых накапливались богатства в виде стад скота¹³. Видимо и первые монументальные каменные изваяния воздвигались на могилах этих вождей.

Каменная баба из Экибулака имеет развитую форму. Она характеризует особенности художественного творчества — развитие монументальной каменной скульптуры древних дагестанских племен конца эпохи бронзы. Традиции изготовления каменных монументальных скульптур, выработанные в Дагестане в предшествующее время, в период оживленных контактов древних дагестанских племен со степными скотоводческими племенами Юго-Восточной Европы были, надо полагать, прочными и сохранялись надолго. Но эти художественные традиции были развиты дальше на месте, а образ человека, воплощенный в антропоморфных изваяниях, нашел более реалистическую трактовку. Он заключал в себе, по-видимому, и иное смысловое содержание.

Если древнейшие антропоморфные стелы Западной и Юго-Восточной Европы в большинстве своем запечатлели черты умерших сородичей-вождей и старейшие, о которых судят по таким воспроизведенным на статуях атрибутам власти, как булава, пояс, скипетры в виде пастушьей палки, топорик и др., то экибулакское изваяние, изображающее женщину с сильно преувеличенными и подчеркнутыми грудями, было связано, по всей вероятности с культом плодородия¹⁴ и в этом извая-

¹⁰ И. М. Чеченов. Указ. соч., рис. 13, 17—22.

¹¹ Т. Д. Златковская. Указ. соч., стр. 79, рис. 2. А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья, стр. 177—181; его же. Памятники первобытного искусства на территории СССР, стр. 33 и сл.; его же. Очерки по первобытному искусству, стр. 172 и сл. рис. 62, 1, 3.

¹² В. М. Котович. Верхнегунисское поселение. Махачкала, 1965, стр. 193.

¹³ А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству, стр. 188.

¹⁴ О связи антропоморфного изваяния — каменной бабы из Верхоречья в Крыму с культом плодородия см. А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. стр. 189.

нии воплотился образ матери-прародительницы. Косвенным подтверждением этого может служить малая анималистическая и антропоморфная скульптура I тыс. до н. э., представленная бронзовыми статуэтками из высокогорного Дагестана¹⁵, в которых культ плодородия нашел яркое выражение.

Зародившись как и в разных частях Кавказа и Предкавказья, Крыма, Причерноморья и Западной Европы, относительно рано, в бронзовом веке искусство монументальной каменной скульптуры в Дагестане продолжало развиваться и в последующее время¹⁶. Достижения дагестанских племен в этой области не прошли бесследно. Они были восприняты и использованы впоследствии¹⁷, при изготовлении позднейших надмогильных памятников.

¹⁵ А. П. Круглов. Культурные места горного Дагестана. КСИИМК, XII, 1946, стр. 36—40; И. В. Мегрелидзе. Археологические находки в Дидо.— СА, XV, 1951, стр. 281—296; А. А. Закарагов. Materials for the archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes. — «Swiatowit», XV, Warszawa, 1933, pp. 65—115; О. М. Давудов. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, стр. 84 и сл.

¹⁶ М. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, табл. 21, 3; П. М. Дебиров. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966, стр. 36, рис. 102. Каменное антропоморфное изваяние середины I тыс. до н. э. из поселка Дагестанские Огни опубликовано в статье В. И. Марковина и Р. М. Мунчаева «Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии». — СА, 1964, № 1, стр. 159, рис. 1, 5.

¹⁷ В. И. Марковин. Дагестанские резные стелы. Сообщения Государственного музея искусств народов Востока, вып. V, М., 1972, стр. 23—24.

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ДОЛИНЕ РЕКИ СУЛАК

Изучение наскальных изображений в Дагестане началось десять лет тому назад. С 1948 г. М. И. Исаков и В. И. Марковин открыли большое число изображений у с. Капчугай¹, затем они были найдены в окрестностях сел. Ленинкент и Кумторкала, Ленинского района, а также в окрестностях г. Буйнакса². В 1952 г. Л. И. Лавровым обнаружена серия рисунков на скалах у с. Лучек³, Рутульского района. Совсем недавно в горах найдены наскальные изображения, выполненные краской. Такие же рисунки обнаружил М. И. Исаков в районе с. Чирката, Гумбетовского района⁴. Еще дальше в глубине горного Дагестана открыты красочные изображения на скалах у с. Согратль, Ругуджа и в других пунктах (работы П. М. Дибирова, В. Г. Котовича и В. М. Котович)⁵.

В 1956 г. ряд наскальных изображений стал известен в бассейне р. Сулак, в районе строительства Чир-Юртовской ГЭС, где разверну-

¹ В. И. Марковин. Наскальные изображения в Дагестане. Известия Всесоюзного географического общества, т. 85, вып. 2, 1953, стр. 209—212; его же. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА, XX, 1954; М. И. Исаков. Новые археологические находки в Дагестане. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 181—183.

² В. И. Марковин. Археологические памятники..., стр. 339; его же. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана, СА, № 1, 1958, стр. 147, и сл.; его же. Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакса. МАД II, Махачкала, 1961, стр. 124, и сл. (в надписях к рисункам данной статьи имеется некоторая путаница).

³ Л. И. Лавров. Археологические разведки в верховьях Самура. Материалы по археологии Дагестана, т. I. Махачкала; М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана, Махачкала, 1966.

⁴ М. И. Исаков. Следы древнего человека в Дагестане. Газ. «Дагестанская правда» от 17 декабря 1957 г.; его же. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 55 (№ 689), табл. 13.

⁵ П. М. Дибиров. О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев. «Ученые записки ИИЯЛ», т. VI, Махачкала, 1959, стр. 200 и сл.; его же. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966, стр. 17, 18, рис. 12, 13, 15.

лись тогда большие археологические работы. Эти изображения были открыты на скалистой гряде Сигитма, на правом берегу реки, в 3—4 км к югу от с. Верхний Чир-Юрт, Кизил-Юртовского района (ныне этот район находится в зоне затопления)⁶.

На отвесных скалах южной части Сигитмы, начиная от края второй террасы (почти от самой реки), на протяжении около 1,5 км встречаются изображения, высеченные в песчанике. Несомненно, значительная, если не большая часть местных рисунков погибла в результате выветривания, расслаивания песчаника, обвалов. Многие изображения попорчены человеком.

Однако, прежде чем перейти к описанию изображений, приведем краткие сведения об археологических памятниках, открытых в районе Сигитминского края. Двухлетние исследования показали, что эта ныне пустынная местность, в прошлом была заселена. Из животного мира в прошлом здесь обитали олень, дагестанский тур, дикий козел. До 49% найденных здесь костей животных принадлежат диким видам. Большую роль здесь играла охота, о чем свидетельствуют наскальные изображения. Древнейшим из обнаруженных здесь поселений является расположенное на самом краю поселения № 1, возникшее в начале бронзового века, приблизительно на рубеже III и II тысячелетий до н. э. На второй речной террасе, под горой обнаружены остатки погребения первой половины II тысячелетия до н. э. синхронного ранним миатлинским курганам. Там же, на второй террасе, у подошвы горы находилось большое поселение № 2, относящееся к позднебронзовому веку. Жилые постройки поселения с северо-восточной и восточной стороны достигали Сигитминских скал. К поздней бронзе относится и культурный слой, перекрывающий основные горизонты поселения I. Наконец, над рекой, у края второй террасы сохранились остатки мощных оборонительных сооружений и домов городища, построенного около V в. н. э.

Для нас в данном случае особый интерес представляет поселение № 2, исследованное К. А. Бредэ⁷. Точная датировка этого поселения в настоящее время затруднительна, но лепная керамика близкая каякентско-хорочоевскому типу, указывает на то, что оно существовало в пределах позднего бронзового века (XII—XI вв. до н. э.).

Основания стен домов сложены из глыб песчаника, отколотых от

⁶ В. И. Канивец. В обследовании Сигитминских наскальных изображений принимали участие сотрудники Дагестанской археологической экспедиции В. И. Канивец (начальник экспедиции), К. А. Бредэ (руководитель Сигитминской группы), Л. Г. Серостанова, И. Г. Соколов, Т. Е. Суханова.

⁷ К. А. Бредэ. Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме, Архив ИА АН СССР. Дело Р-1, № 1616; его же. Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на Нижнем Сигитминском поселении... Архив ИА АН СССР. Дело Р-1, № 1590.

скал. Исключительный интерес представляет тот факт, что на трех подобных глыбах в 1956—57 гг. обнаружены изображения, высеченные на плоской стороне камня.

Изображение № 1 (рис. 1, 1) находилось на камне, составлявшем часть основания стены южного многокамерного дома (квадрат 62). Камень наклонился внутрь дома, но остался на месте. Грань, на которую нанесен рисунок, обращена внутрь помещения. Камень желто-серого цвета, с загаром более темного оттенка; длина его — 1,5 м., толщина — 0,5. Рисунок изображает животное с продолговатым туловищем, переданным двумя почти параллельными линиями, и длинными плавно загнутыми книзу рогами. Ноги прямые, параллельные. Поверхность сильно выветрена, и линии рисунка нечеткие. Линия одного из рогов почти совершенно стерта. Несмотря на крайне схематическую трактовку туловища и ног, в этом изображении можно узнать тура с его характерной формой рогов. Длина рисунка 16 см. (работы 1956 г.)

Изображение № 2 (рис. 1, 2) обнаружено на камне, лежавшем у основания стены северного многокамерного дома. Камень находился внутри одного из помещений, в квадрате 22 (инвентарный номер находки 298). Камень сдвинут с места, однако, его принадлежность к рассматриваемым строительным остаткам не вызывает сомнений. Камень серого цвета, размер — $0,35 \times 0,35$ м. На его плоской стороне отчетливо видны изображения пяти дагестанских туров — двух сравнительно крупных и трех поменьше. Композиция сохранилась неполностью. Снизу излом пересекает одно изображение тура, но передняя часть этого рисунка срезана. Животные изображены реалистически, немногими линиями. Рога переданы в виде двух почти параллельных изогнутых линий, расположенных одна над другой (работы 1956 г.).

Изображение № 3 (рис. 1, 3) обнаружено на том же поселении, в строительном многокамерном комплексе № 4. К. А. Бредэ считал данное помещение культовым. В нем было найдено много обгоревших костей животных, золы и угля. Одна из стен декорирована кладкой в виде полковы. В этом помещении был найден камень песчаника ($0,70 \times 0,47$ м) с полустертыми изображениями оленя и каких-то неопознанных животных (работы 1957 г.).

Таковы изображения, найденные на строительных камнях поселения. Однако большое число изображений обнаружено непосредственно на скалах Сигитмы. В настоящей статье мы остановимся лишь на тех, которые находятся на западной оконечности гряды, близ поселения.

Изображение № 4 (рис. 2) находится на скале в 8 м к северу от края раскопа 1956 г. Высота скалы 3 м. На большей части скалы, древний поверхностный слой поврежден. Рисунки сохранились только с западной стороны, покрытой темно-желтым загаром. Они занимают площадь $0,70 \times 0,60$ м, но и здесь поверхность скалы повреждена совре-

менными надписями и царапинами. Рисунки начинаются на высоте 1 м. Врезы их, как правило, довольно широкие (до 8 мм) и глубокие, по краям стертые, закруглены.

Здесь мы видим большую сцену — группу животных в различных позах. Из-за плохой сохранности рисунков угадываются только отдельные животные. Слева внизу можно видеть двух туров с высоко поднятыми и закинутыми назад длинными изогнутыми рогами. Животные переданы в движении, причем одно из них (крайняя фигура, сохранившаяся частично), показано в момент прыжка. Рога нанесены в виде двух линий, расположенных одна над другой. Величина рогов явно преувеличена, хотя в целом туры изображены достаточно реалистически. У них подчеркнуто-характерны форма рогов, очертания туловища, короткий хвост (особенно верхнее животное). Сравнивая способы передачи формы тела животных на каждом из трех рассмотренных изображений (№ 1—3), нетрудно, при всем различии деталей, уловить их общность. Во всех случаях художник умело передал особенности формы рогов дагестанского тура.

В верхней части композиции выделяется изображение собаки в очень характерной позе с приподнятой передней частью тела, торчащими вверх ушами и открытой пастью. Показан также поднятый короткий (очевидно обрубленный) хвост.

В средней части композиции находятся плохо сохранившиеся фигуры каких-то четырехногих животных, исполненных прямыми или ломанными линиями. Центральная фигура, возможно, изображает козла с почти прямыми рогами.

Изображение № 5 (Табл. I, 4) расположено на расстоянии 15 м к востоку от раскопа 1956 г. на слегка выступающей скале, занимает ровный сильно нависающий участок, приподнятый на 0,45 м от земли. Скала желто-серого цвета, с темным загаром.

Здесь изображен олень-самец с двумя прямыми ветвистыми рогами, расходящимися из одной точки. Туловище трактовано в виде двух почти прямых и параллельных линий. Эта особенность, также, как и трактовка передних ног в виде параллельных линий сближает рисунок с изображением № 1. Задние ноги и голова животного переданы иначе — более изогнутыми линиями. В целом рисунок выполнен реалистично. Ширина линий довольно велика — до 4 мм. Длина рисунка 36 см.

Изображение № 6 (рис. 3) находится приблизительно в 80 м к юго-востоку от раскопа 1956 г. на слегка нависающей плоскости скалы (ее размеры $4,5 \times 3,5$ м). Рисунки занимают площадь $2 \times 1,5$ м и начинаются на высоте 0,55 м от земли. Скала покрыта темно-желтым загаром, закопчена. Рисунки сильно повреждены, особенно с левой стороны, где часть скалы обвалилась.

Это изображение представляло собой большую сцену с фигурами

олений, козлов, лошади и других животных. В левой части композиции хорошо выделяется олень с ветвистыми рогами. Рисунок исполнен в несколько иной манере, чем изображение № 5. Туловище оленя передано таким же способом, как контуры животных на изображении № 2, в виде комбинации прямых и изогнутых линий. Приподнятая голова животного показана в виде треугольника. Рога прямые и, в отличие от предыдущего изображения, прочерчены не расходящимися, а параллельными линиями. Левее фигуры оленя видны две прямые линии, которые возможно, передают копыта, поражающие животное сзади.

Среди сложного переплетения штрифов в центральной части композиции выделяется голова оленя с ветвистыми рогами; по способу воспроизведения, она совершенно аналогична рисунку оленя с левой стороны — с такой же треугольной мордой и параллельными рогами. Здесь же мы видим прямоугольную фигуру (без четвертой стороны), перекрещенную внутри прямыми линиями.

В нижней части композиции находится отдельная фигура горного козла. Туловище его передано почти прямыми линиями, рога изогнуты и несколько закинута назад. С правой стороны группы виден схематический рисунок лошади, выполненный несколькими прямыми линиями. Резчику удалось скупыми линиями передать особенности животного — длинную шею и продолговатую голову с короткими ушами. В верхней части композиции справа изображены фигуры каких-то животных (одно из них с поднятой головой, как будто ревущее, другое с небольшими изогнутыми рогами). В верхней же половине сцены помещены рядом два знака, каждый из которых образован парой ломанных линий. Значение этих знаков неясно. Не исключено, что здесь изображены птицы, но такое предположение трудно обосновать.

Изображение № 7 (рис. 4, 1) расположено в 50 м к западо-северо-западу от раскопа 1956 г. у западного края Сигитмиинской гряды. В этом месте из гряды выступает скала высотой 6—7 м с сильно выветренной неровной поверхностью, на которой местами сохранились ровные участки. С западной и восточной стороны скала образует небольшие навесы. Скала сложена из желто-серого песчаника с темным загаром. На восточной половине плоскости скалы на высоте 3—3,5 м от земли наметен ряд рисунков длиной 1 м. Сравнительно широкие линии (до 0,4—0,7 мм) местами полустерты и рисунки повреждены выбоинами.

Здесь очевидно, изображена сцена преследования оленей. В целом композиция вытянута в одном направлении, что отличает ее от всех описанных выше изображений на Сигитмиинских скалах. Рисунки исполнены не в виде контура, как на большинстве рассмотренных изображений, а линейными средствами.

Центральное место в композиции занимает вереница оленей, следующих один за другим. Передние олени изображены бегущими.

Рядом с передними оленями изображен всадник, стоящий на спине коня. Правая рука всадника согнута в локте, левая держит короткий натянутый повод. Туловище и голова всадника переданы двумя изогнутыми линиями. Лошадь показана схематично, с коротким хвостом и треугольной головой.

С левой стороны, за оленями помещен знак, возможно, изображающий человеческую фигуру. Можно также предположить, что прямая линия, идущая от этой фигуры к последнему оленю, обозначает копье или стрелу, поражающую животное.

Изображение № 8. (рис. 4, 2) находится на той же скале, в ее западной части, на расстоянии 3,5 м от изображения № 6. Здесь представлены рисунки различных животных — лошадей, оленя и других, трудно определимых. Длина всей группы 150 м. Лошадь изображена в двух случаях особым приемом в виде криволеяного контура. Это животное узнается благодаря характерной форме головы (в одном случае с торчащими ушами) и хвоста. На лошади с левой стороны помещен всадник, изображенный двумя линиями — вертикальной, представляющей всю фигуру, и горизонтальной, очевидно, передающей вытянутую руку. На правом крае группы находится еще один небольшой рисунок, в котором можно видеть крайне схематизированное линейное изображение лошади. Под ним немногими линиями набросано линейное изображение оленя, один из рогов которого снабжен отростками.

Наконец, в центральной части группы мы видим полустертые линии рисунков животных, определить которые затруднительно. Одно из этих изображений пересечено контуром бегущего животного с вытянутой шеей, определенно напоминающего медведя. Над этой группой помещен знак, сходный со знаками в верхней части изображения № 5.

Описанные рисунки по стилистическим особенностям можно разделить на две группы: 1) линейные, крайне схематические изображения и 2) контурные рисунки, передающие объем изображаемых объектов. К первой группе можно отнести изображения № 7, рисунок лошади в правой части изображения № 6 и некоторые рисунки изображения № 8. Вторую, более многочисленную, группу составляют все остальные рисунки. На камнях, использованных в кладке жилищ бронзового века, имеются изображения только второй группы.

Основной темой рисунков Сигитмы являются изображения диких животных (олень, дагестанский тур, горный козел), начертанные поодиночке или группами. В одном случае (изображение № 2) животные показаны спокойно пасущимися, в другом (изображение № 7) — дана сцена преследования животных охотниками. На двух изображениях (№ 7 и 8) мы видим всадников на лошадях. Отметим, что на изображении № 7 всадник, видимо, показан вооруженным рубящим оружием типа сабли. Совершенно очевидно, что по стилистическим особенностям и по

содержанию этот рисунок существенно отличается от большинства описанных нами изображений и должен быть отнесен к гораздо более позднему времени.

Сигитминские изображения имеют много общего с некоторыми из рисунков на скалах у сел. Капчугай Буйнакского района. Эти два памятника находятся друг от друга на расстоянии всего около 30 км. Сигитминские и Капчугайские скалы, покрытые рисунками, представляют собой выходы чокракского светлого песчаника. Они находятся в сходных природных условиях. Техника выполнения изображений и их тематика также достаточно близки. В качестве примера можно привести капчугайские изображения оленей, туров⁸, а также рисунки лошадей и всадников⁹.

Композиции, подобные группе туров (изображение № 2) можно видеть на скалах Кобыстана и Апшеронского полуострова в Азербайджане. На одной из таких скал (на горе Джигирдаг) открыто изображение вереницы диких коз или туров¹⁰, выполненных в той же манере, что и сигитминские рисунки. Таким образом, некоторые группы изображений предгорных районов Дагестана и Азербайджана стилистически близки. Хронологически они также могут быть сближены хотя вопрос о датировке наскальных изображений Азербайджана и Дагестана остается еще не вполне ясным, только непрерывное накопление новых данных приближает нас к его решению. Можно думать, что наскальные изображения Капчугая возникли, скорее всего, во II тысячелетии до н. э. Не исключено, что часть капчугайских изображений относится к рубежу II—I тысячелетий до н. э. Данное заключение обосновывается, во-первых, находками керамики каякентско-хорочоевского типа у капчугайских скал, и, во-вторых, аналогиями в рисунках на керамике ходжалы-кедабекской культуры позднего бронзового века и периода первого появления железа в Азербайджане¹¹.

И. М. Джефар-заде¹² полагает, что наскальные изображения Кобыстана имеют широкий хронологический диапазон — наиболее древние из них относятся к неолиту, наиболее поздние — к новому времени. Наблюдения А. А. Формозова подтвердили подобную датировку скаль-

⁸ В. И. Марковин. Археологические памятники..., рис. 3, 7, 10.

⁹ Там же, рис. 8.

¹⁰ И. М. Джефар-заде. Древнейший период истории Азербайджана. — В сб.: «Очерки по древней истории Азербайджана», Баку, 1956 г., рис. 24; его же. Наскальные изображения Кобыстана. «Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г.», М. 1956, стр. 21—23.

¹¹ В. И. Марковин. Археологические памятники..., стр. 328 и сл. рис. 4 а, б; Наскальные изображения в предгорьях..., стр. 153, 157.

¹² И. М. Джефар-заде. Наскальные изображения Кобыстана.

ных рисунков Кобыстана¹³. Классифицируя многочисленные кобыстанские изображения (всего их найдено уже более 2000), И. М. Джафарзаде пришел к заключению, что со временем размеры рисунков уменьшаются, но реалистическая манера передачи животных сохраняется до периода распространения ислама, когда рисунки становятся схематичными и исполняются, преимущественно, прямыми линиями.

Несомненно, наскальные изображения Сигитмы и Капчугая и других предгорных пунктов Дагестана подобно кобыстанским, принадлежат не одной эпохе, они наносились на скалы в течение длительного времени, видимо, от бронзового века до средневековья. При современном состоянии источников еще трудно классифицировать эти рисунки в археологической последовательности, но определенными данными мы все же располагаем. Бесспорно, что сигитминские изображения № 1, 2, 3 выполнены не позднее самого начала I тысячелетия до н. э., т. е. времени, которым датируется поселения № 2. Стилистически к ним близки изображения № 4, 5 и 6, вероятно, также относящиеся ко времени, предшествующему началу железного века. Изображение № 7 носит иной характер. Очевидно рисунок всадника, вооруженного «саблей» и рисунки животных (коня и головки коней) изображение № 8 выполнены не ранее начала средневековья. Подобные всадники с саблями и животные высечены на строительных камнях старинных зданий в горной Аварии¹⁴. Несомненно дальнейшие работы по изучению рисунков на скалах и строительных камнях позволят уточнить их датировку и создать специальную хронологическую шкалу для их членения по эпохам и отдельным векам.

Подводя некоторые итоги изучения наскальных изображений предгорного Дагестана, мы считаем необходимым обратить внимание на два интересных факта.

1. Все наскальные изображения предгорной части Дагестана (Сигитма, Буйнакск, Буглен, Капчугай, Кумторкала, Ленин-Кент, Уйташ)¹⁵ процарапаны на скалах песчаника. Наскальные изображения, открытые за последние годы в горном Дагестане (окрестности сел. Согратль, Ругуджа, Кара, Чирката)¹⁵, нанесены минеральной краской. Несомненно

¹³ А. А. Formosov. The petroglyphs of Kobystan and their chronology «Rivista di scienze preistoriche», т. XVIII, вып. 1—4 Firenze, 1963, стр. 91 и сл.; его же. Памятники первобытного искусства, М., 1966, стр. 51 и сл.

¹⁴ П. М. Дебилов. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966, стр. 31 и сл. табл. 21 и сл.; Д. М. Атаев, В. И. Марковин. Петроглифика горной Аварии. «Ученые записки ИИЯЛ», т. XIV, Махачкала, 1965, стр. 357, и сл.

¹⁵ Разведки В. И. Марковина и Н. Г. Полихрониди в 1965 г. (обнаружены знаки плодородия, отдельные фигуры туров, оленей и др.).

¹⁶ П. М. Дебилов. О художественных образах..., стр. 223—225, табл. 17, 18; «Археологические памятники Дагестана». Махачкала, 1966, стр. 55, № 689, табл. 13, «История Дагестана», т. I, М., 1967, стр. 80.

необходима строгая синхронизация обеих видов изображений (гравированных и красочных), сопоставление сюжетов изображений, стилистической манеры их исполнения. Однако уже сейчас заметна разница в стиле рисунков, в их сюжетах. Возможно подобная разница даже для одновременных рисунков может быть связана с различиями в идеологических представлениях жителей гор и предгорий.

2. Работы археологов Азербайджана И. М. Джафар-заде, Г. М. Асланова, Д. А. Халилова и др. позволили обнаружить в ряде районов республики (правобережье р. Самур, в районе г. Кубы, на Апшеронском полуострове) прочерченные изображения на скалах и каменных плитах, близкие дагестанским. Здесь же найдена и керамика, покрытая грубой обмазкой¹⁷. Это позволяет предположить определенное культурное единство древнего населения Дагестана и Азербайджана, возможно сложившееся в результате контактов древних племен¹⁸.

Таким образом, изучение наскальных рисунков на широкой территории имеет большое историческое значение. И несомненно не случайное переживание древних традиций древнего искусства в современном этнографическом быте дагестанцев¹⁹. Наскальные рисунки — это истоки изобразительного искусства народов Дагестана. И здесь, на скальных полотнищах, надо искать прообразы тех мотивов, которые так ярко воплощены в современном резном камне, в гравировке по металлу и в стилизованной пестроте ковровых узоров.

¹⁷ Дж. Александрович-Насыфи. Находка бронзового века около Хач-маса. Известия Азкомстариса, вып. 4, тетр. 2, Баку, 1929, стр. 262—265; Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Труды ГИМ, вып. XI, М., 1940, стр. 10—17; И. Нариманов. И. Шихвердиев. Археологические материалы из Кубинского краеведческого музея. В сб.: «Археологические исследования в Азербайджане», Баку, 1965, стр. 93; И. М. Джафар-заде. Археологические разведки на Апшероне. Изв. АН Аз. ССР, № 6, Баку, 1948, стр. 90, 91; Г. М. Асланов. Шимали Абшеронда археологин газинтылар. Тезисы докладов и сообщений, посв. итогам археологических работ 1963, Баку, 1964, стр. 30, 31; его же. Новый комплекс археологических памятников Апшерона. Материалы сессии, посв. итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965, стр. 85; его же. Археологические раскопки на Апшероне. «Материальная культура Азербайджана», т. VI, Баку, стр. 67—73, рис. 1, 2.

¹⁸ Подробнее об этом: В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в эпоху поздней бронзы, МИА, № 122, М., 1968.

¹⁹ А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. I, 1927.

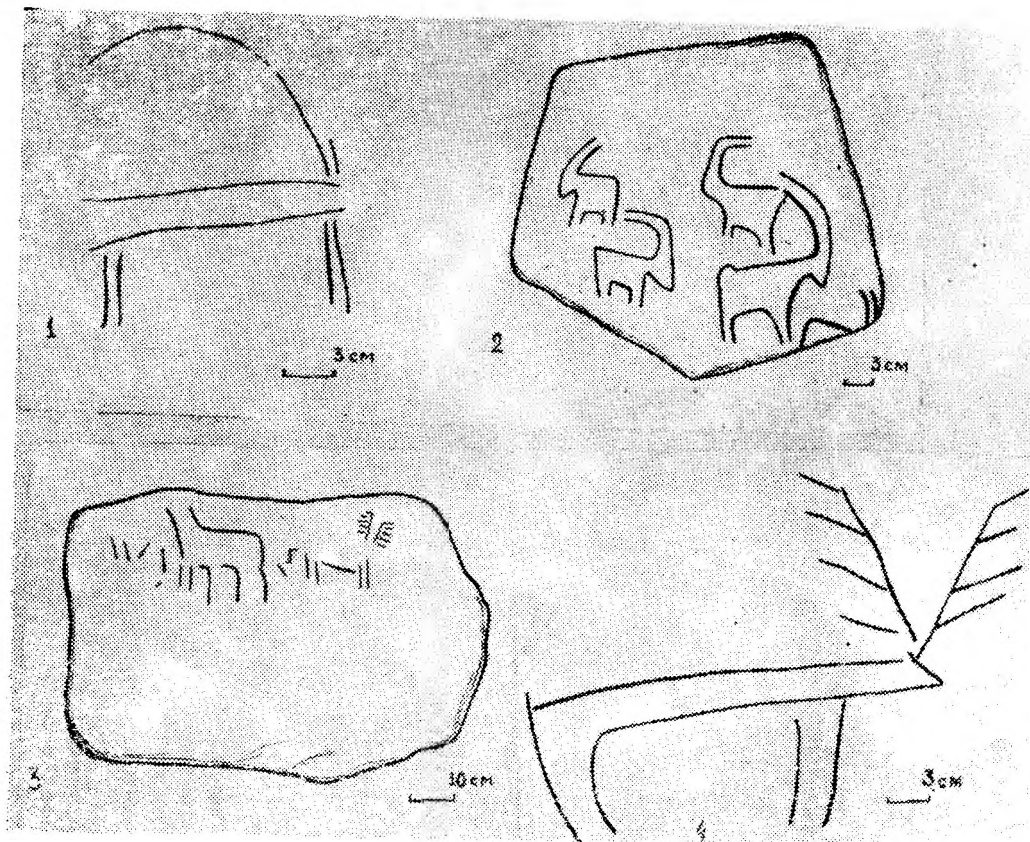

Рис. 1.

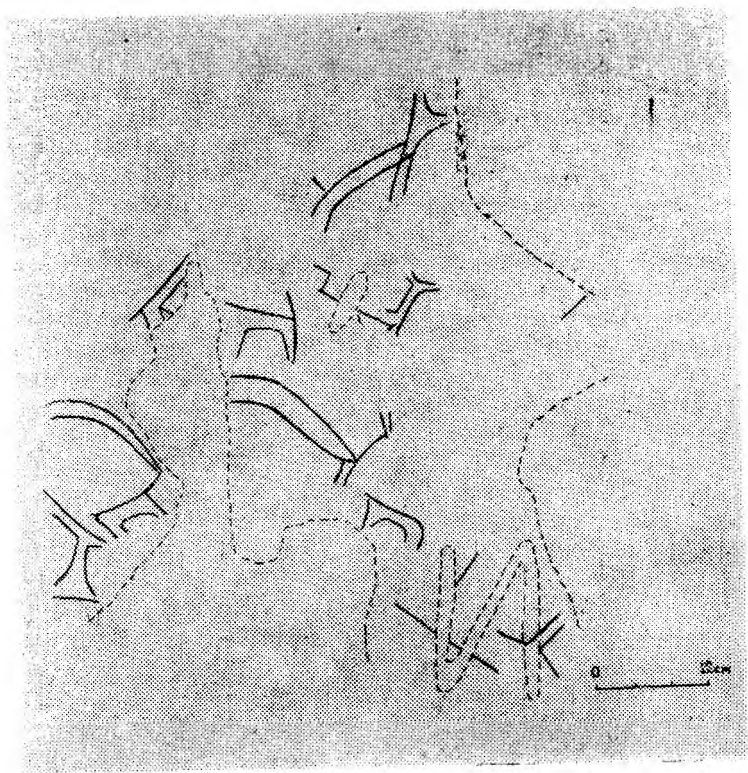

Рис. 2.

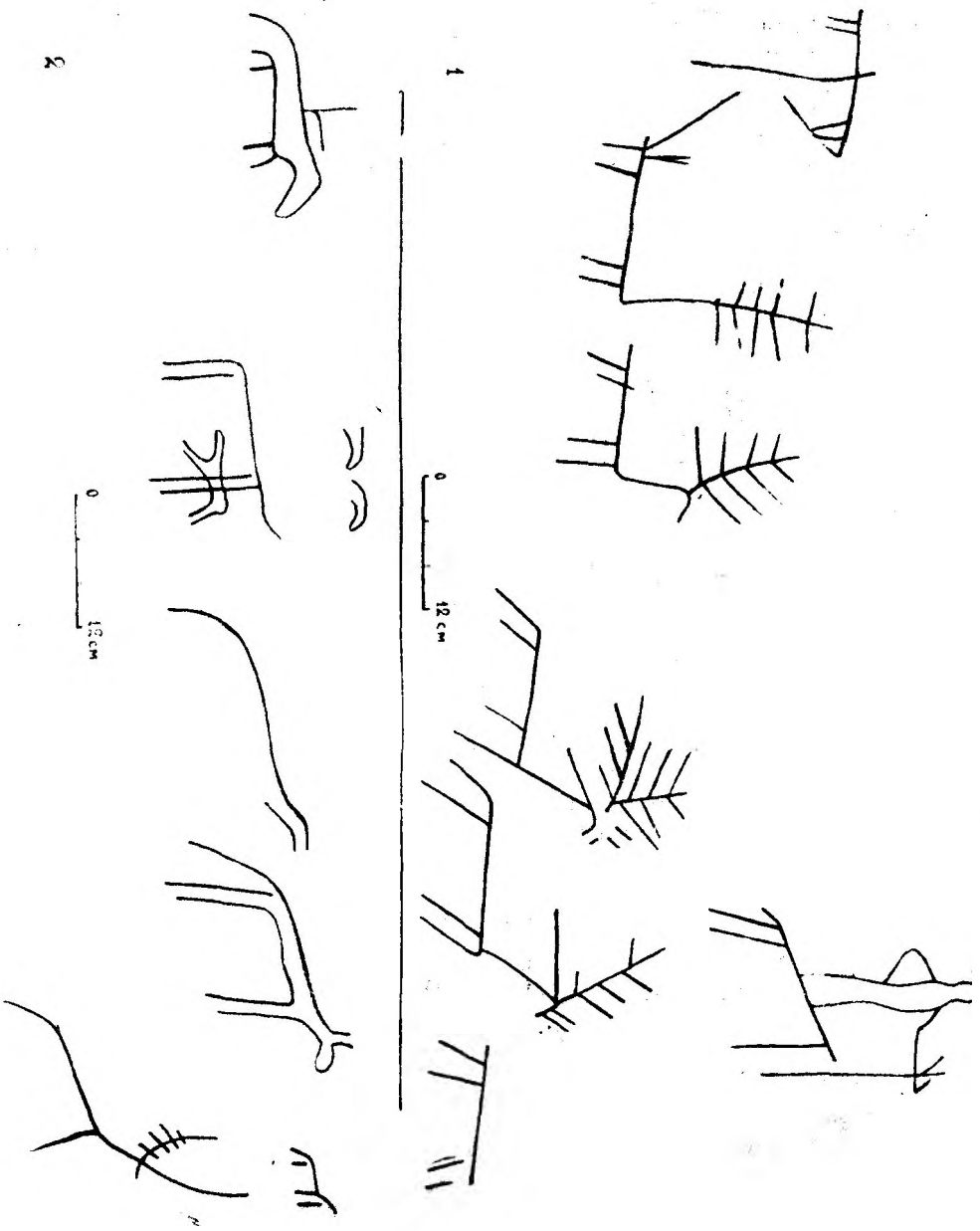

Рис. 4.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ НОВЫХ РАСКОПОК В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Прошло столетие со времени находок великолепных осетинских бронз, положивших начало изучению знаменитой кобанской культуры эпохи поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа. Несмотря на столь продолжительный срок, некоторые ее аспекты изучены еще недостаточно. В пределах каждого из выделенных трех локальных вариантов этой культуры (кабардино-пятигорском, северо-осетинском и чечено-ингушском) имеются лишь памятники-форпосты, позволяющие очертить единый культурный ареал. Наиболее слабым местом в изучении кобанской культуры, несмотря на имеющуюся хронологическую периодизацию, остается проблема узкой датировки комплексов, обоснование абсолютной хронологии самого раннего этапа, а также вопросы происхождения и механизма первоначального формирования культуры. По последним двум имеются лишь общие представления.

Положительное их решение зависит от материалов, которые бы связали северокавказские памятники второй половины II тыс. до н. э. с ранними комплексами кобанской культуры. Но такие материалы пока немногочисленны.

Причина споров вокруг даты появления ранних кобанских вещей кроется, на наш взгляд, в длительности бытования и неизменяемости основных категорий кобанской культуры, — боевых топоров, кинжалов, височных подвесок, фибул, браслетов. Среди них мало хорошо датированных импортных изделий.

При отнесении того или иного комплекса к определенному времени доказательства следуют обычно по трафаретной схеме: наличие или отсутствие железа, сопоставление анализируемых северокавказских предметов с похожими предметами из синхронных культур Закавказья и Луристана. В меньшей степени такие сопоставления делаются с европейскими культурами. В лучшем случае привлекаются материалы Юго-Восточной Европы. А если вспомнить, что европейская периодизация культур эпохи бронзы и раннего железного века далеко не всегда совпа-

ЛУКИ		НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ		НАКОНЕЦ. КОПИЙ	КИНЖА- ЛЫ	УНИВЕРСАЛЬ- НЫЕ КАМНИ	НАВЕРШИЯ БУЛАВ	ТОПОРЫ
НА РОЗ- САУ- ЩИХ КИ		КАМЕНЬ		КОСТЬ	КАМЕНЬ	МЕТАЛЛ	КАМЕНЬ	КАМЕНЬ, КОСТЬ
I ТИП	1 подтип	I ТИП		I ТИП	34	I ТИП	I ТИП	I ТИП
	2 подтип	II ТИП			МЕТАЛЛ			
1		7	8	9	30	38	40	50
2		10	11	12	31	39	41	51
3		13	14	15	32	42	44	52
4		16	17	18	33	43	46	53
		19	20	21	34	44	47	54
		22	23	24	35	45	48	55
		25	26	27	36	46	49	56
		28	29	30	37	47	49	57
		31	32	33	38	48	49	58
		34	35	36	39	49	49	59
		37	38	39	40	50	50	60
		40	41	42	43	53	53	63
		43	44	45	46	56	56	66
		46	47	48	49	59	59	69
		49	50	51	52	62	62	72
		52	53	54	55	65	65	75
		55	56	57	58	68	68	78
		58	59	60	61	71	71	81
		61	62	63	64	74	74	84
		64	65	66	67	77	77	87
		67	68	69	70	80	80	90
		70	71	72	73	83	83	93
		73	74	75	76	86	86	96
		76	77	78	79	89	89	99
		79	80	81	82	92	92	102
		82	83	84	85	95	95	105
		85	86	87	88	98	98	108
		88	89	90	91	101	101	111
		91	92	93	94	104	104	114
		94	95	96	97	107	107	117
		97	98	99	100	110	110	120
		100	101	102	103	113	113	123
		103	104	105	106	116	116	126
		106	107	108	109	119	119	129
		109	110	111	112	122	122	132
		112	113	114	115	125	125	135
		115	116	117	118	128	128	138
		118	119	120	121	131	131	141
		121	122	123	124	134	134	144
		124	125	126	127	137	137	147
		127	128	129	130	140	140	150
		130	131	132	133	143	143	153
		133	134	135	136	146	146	156
		136	137	138	139	149	149	159
		139	140	141	142	152	152	162
		142	143	144	145	155	155	165
		145	146	147	148	158	158	168
		148	149	150	151	161	161	171
		151	152	153	154	164	164	174
		154	155	156	157	167	167	177
		157	158	159	160	170	170	180
		160	161	162	163	173	173	183
		163	164	165	166	176	176	186
		166	167	168	169	179	179	189
		169	170	171	172	182	182	192
		172	173	174	175	185	185	195
		175	176	177	178	188	188	198
		178	179	180	181	191	191	201
		181	182	183	184	194	194	204
		184	185	186	187	197	197	207
		187	188	189	190	200	200	210
		190	191	192	193	203	203	213
		193	194	195	196	206	206	216
		196	197	198	199	209	209	219
		199	200	201	202	212	212	222
		202	203	204	205	215	215	225
		205	206	207	208	218	218	228
		208	209	210	211	221	221	231
		211	212	213	214	224	224	234
		214	215	216	217	227	227	237
		217	218	219	220	230	230	240
		220	221	222	223	233	233	243
		223	224	225	226	236	236	246
		226	227	228	229	239	239	249
		229	230	231	232	242	242	252
		232	233	234	235	245	245	255
		235	236	237	238	248	248	258
		238	239	240	241	251	251	261
		241	242	243	244	254	254	264
		244	245	246	247	257	257	267
		247	248	249	250	260	260	270
		250	251	252	253	263	263	273
		253	254	255	256	266	266	276
		256	257	258	259	269	269	279
		259	260	261	262	272	272	282
		262	263	264	265	275	275	285
		265	266	267	268	278	278	288
		268	269	270	271	281	281	291
		271	272	273	274	284	284	294
		274	275	276	277	287	287	297
		277	278	279	280	290	290	300
		280	281	282	283	293	293	303
		283	284	285	286	296	296	306
		286	287	288	289	299	299	309
		289	290	291	292	302	302	312
		292	293	294	295	305	305	315
		295	296	297	298	308	308	318
		298	299	300	301	311	311	321
		301	302	303	304	314	314	324
		304	305	306	307	317	317	327
		307	308	309	310	320	320	330
		310	311	312	313	323	323	333
		313	314	315	316	326	326	336
		316	317	318	319	329	329	339
		319	320	321	322	332	332	342
		322	323	324	325	335	335	345
		325	326	327	328	338	338	348
		328	329	330	331	341	341	351
		331	332	333	334	344	344	354
		334	335	336	337	347	347	357
		337	338	339	340	350	350	360
		340	341	342	343	353	353	363
		343	344	345	346	356	356	366
		346	347	348	349	359	359	369
		349	350	351	352	362	362	372
		352	353	354	355	365	365	375
		355	356	357	358	368	368	378
		358	359	360	361	371	371	381
		361	362	363	364	374	374	384
		364	365	366	367	377	377	387
		367	368	369	370	380	380	390
		370	371	372	373	383	383	393
		373	374	375	376	386	386	396
		376	377	378	379	389	389	399
		379	380	381	382	392	392	402
		382	383	384	385	395	395	405
		385	386	387	388	398	398	408
		388	389	390	391	401	401	411
		391	392	393	394	404	404	414
		394	395	396	397	407	407	417
		397	398	399	400	410	410	420
		400	401	402	403	413	413	423
		403	404	405	406	416	416	426
		406	407	408	409	419	419	429
		409	410	411	412	422	422	432
		412	413	414	415	425	425	435
		415	416	417	418	428	428	438
		418	419	420	421	431	431	441
		421	422	423	424	434	434	444
		424	425	426	427	437	437	447
		427	428	429	430	440	440	450
		430	431	432	433	443	443	453
		433	434	435	436	446	446	456
		436	437	438	439	449	449	459
		439	440	441	442	452	452	462
		442	443	444	445	455	455	465
		445	446	447	448	458	458	468
		448	449	450	451	461	461	471
		451	452	453	454	464	464	474
		454	455	456	457	467	467	477
		457	458	459	460	470	470	480
		460	461	462	463	473	473	483
		463	464	465	466	476	476	486
		466	467	468	469	479	479	489
		469	470	471	472	482	482	492
		472	473	474	475	485	485	495

дает с закавказской периодизацией этих периодов, то все наши попытки синхронизировать кобанскую культуру с другими культурами Кавказа на современном уровне наших знаний терпят неудачу. Для восполнения этого пробела необходимо, на наш взгляд, углубленное изучение отдельных районов распространения кобанской культуры, накопление и поиски новых, в особенности ранних материалов, с привлечением для сопоставления самых разных источников. (погребальные комплексы, предметы из поселений, культовые памятники). Этот путь наиболее плодотворен, о чем свидетельствует опыт изучения восточного локального варианта кобанской культуры, и в частности, ведущего комплекса — Серженьюртовского поселения и могильника, который позволил более уверенно представить общие этапы кобанской культуры, особенно ее нижнюю границу. Новые материалы подтвердили правомерность выделения Е. И. Крупновым этого варианта и непрерывность традиции в ее материальной культуре. В связи с этим представляется особенно неудачной попытка В. Б. Виноградова изменить ареал восточного варианта, расчленив органическое единство его памятников и включив их в разные варианты кобанской культуры в VII—IV вв. до н. э.¹

В результате изучения Серженьюртовского поселения пополнились наши знания о планировке поселений, об особенностях домостроительства, о характере и уровне домашнего производства. Наконец, выявлен самостоятельный микрорайон металлообработки и гончарства, локальные особенности культуры и быта в целом. При определении хронологии этого памятника помимо типологии и классификации вещей, нами была использована серия радиоуглеродных дат. На их основе хронология поселения определяется в пределах X—VII вв. до н. э., с возможным углублением, раннего рубежа в XIII—XII вв. до н. э. (1190±95 г.)².

В этих рамках укладываются как самые ранние предметы поселения (бронзовый наконечник копья с раскрытой втулкой, булавки с зооморфными навершиями), так и самые поздние (наконечники стрел скифского типа).

Еще более перспективные материалы для разработки хронологии первого этапа кобанской культуры получены в результате новых раскопок Серженьюртовского грунтового могильника. Этнокультурная характеристика этого памятника неоднократно освещалась в печати³. Ма-

¹ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, стр. 184.

² Е. И. Крупнов. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры. СА, 1, 1969, стр. 17.

³ В. И. Козенкова. Раннекобанский могильник у с. Сержень-Юрт. СА, 4, 1969, стр. 171—183; В. И. Козенкова. Погребение военачальника из Серженьюртовского могильника. КСИА, 123, М., 1970, стр. 114—116; В. И. Козенкова. О раскопках Серженьюртовского могильника (Чечено-Ингушетия). Археологические открытия 1969. М., 1970, стр. 94—96.

териалы из могильника уникальны. Они являются первоклассным источником для характеристики погребального обряда носителей культуры раннего этапа восточного варианта кобанской культуры. В них прослежены так же элементы, из которых сформировались детали погребального обряда, могильников скифского времени (типа Исти-су, Лугового и Нестеровского).

Комплексы Серженьюртовского могильника, из раскопок 1969—1971 гг., позволяют по-новому рассмотреть вопросы типологической и хронологической классификации некоторых предметов, в равной степени важных для уточнения периодизации культур и Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы нами выделено две группы таких комплексов.

Первая группа включает большинство исследованных захоронений (погребения №№ 1—5, 6, 8, 15, 17—23, 25, 33—39, 41—42, 45—47, 49—75), (табл. I—VI). Это грунтовые прямоугольные ямы с древесной или травяной подстилкой на дне, но без внешних признаков на поверхности. Покойники лежали скорченно на левом боку, с руками, прижатыми к груди, головой на северо-восток. Заметное место в погребальном обряде занимал огонь (обычай сжигать стенки ямы, наличие около покойника угольков или плошек с углями, а также кусочков реального). Часты находки костей барана или костяков целых тушек (погреб. № 49). К первой группе относятся могилы воинов в сопровождении захоронений верхового коня (погребения №№ 6, 37, 38, 39, 53, 70, 75). Обычно покойного помещали в северо-западной половине таких могил (табл. I). В юго-восточной части ямы ставились многочисленные (от 18 до 30 экз.) глиняные сосуды баночной и биконической формы, украшенные налепным орнаментом. Поверх сосудов помещалась убитая лошадь в характерной позе — на животе, с подогнутыми ногами и вытянутой вперед мордой. Могильный инвентарь погребений первой группы богат и разнообразен. Кроме сосудов он включал бронзовые орудия труда и оружие (листовидные кинжалы подтреугольно-вытянутой формы, наконечники копий, узкие тесловидные топоры с уступами по бокам, долота с граненой втулкой, боевые топоры с изображениями животных на лопастях), а также бронзовые украшения (спирали, ножницевидные подвески для пояса, пластинчатые браслеты с ребристой поверхностью или с поверхностью украшенной тремя, а иногда четырьмя поясами выпуклых «перлов». Железо почти отсутствует, хотя в погребениях №№ 42 и 46, были обнаружены маленькие железные ножи. Керамика и украшения из могил первой группы характерны для восточного варианта кобанской культуры⁴.

⁴ В. И. Козенкова. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Автореферат канд. дис. М., 1969.

Однако в погребениях первой группы встречены и такие предметы, которые не находят себе аналогий на Северном Кавказе. В первую очередь это касается элементов конской узды. (бронзовые трубочки, бляшки-распределители для ремней, стремечковидные удила и псалии). Сюда же относятся два бронзовых втульчатых наконечника стрел из погребений №№ 35 и 38, а также два бронзовых втульчатых наконечника копий из погребений №№ 70 и 75.

Для второй группы погребений Серженьюртовского могильника (№№ 24, 26—27, 29—31, 36, 48) (табл. VII—VIII) также характерны прямоугольные грунтовые ямы без внешних признаков на поверхности. Покойников хоронили на подстилке, скорченно, на левом боку. Как и в первой группе, отмечен обычай оставлять около покойника угольки. Во многом одинаков и погребальный инвентарь: пластинчатые ребристые браслеты, спирали, бляхи, бронзовые кинжалы, топор кобанского типа, большое число горшков биконической и баночной формы в одной могиле. Чрезвычайно близки элементы наклепного орнамента на керамике (табл. IX). На наш взгляд, все эти общие для обеих групп погребений черты свидетельствуют об отсутствии существенной разницы в этносе захороненных Серженьюртовского могильника. Но все же в обряде имелись и заметные отличия. Для погребений второй группы была характерна не северо-восточная ориентация покойников, а юго-западная или юго-восточная.

Во второй группе нет захоронений коней. Совершенно не характерны для нее и такие бронзовые украшения, как «рогатые» браслеты. Заметно возросло число железных предметов особенно предметов вооружения (наконечники копий, кинжалы). Появились даже железные украшения, например, гривна из погребения № 31. Прослеживаются некоторые морфологические отличия в предметах одного и того же типа, встреченных в разных группах. Так, например, погребение № 37 (первая группа) (табл. II, 11—18) и погребение № 26 (вторая группа) (табл. VII) имели более или менее одинаковый набор вооружения: наконечник копья, тесловидный топор, боевой топор. Но в погребении № 37 наконечник копья был бронзовым, а в погребении № 26 близкий по форме наконечник был изготовлен из железа. В погребении № 37 найден бронзовый кинжал архаичного облика, а в погребении № 26 кинжал уже биметаллический. Боевой топор кобанского типа из погребения № 37 отличался изящно изогнутым контуром и гравировкой, такой же топор из погребения № 26 был груб и массивен. В погребении № 37 бронзовый тесловидный топор имел узкие удлиненные пропорции, а в погребении № 26 такой топор был коротким и широким. Но все они несомненно происходили из одного производственного центра, поскольку оба отлиты в односторчатых литейных формах. Преобладание односторчатых литейных форм —

особенность металлообработки литейных мастерских Серженьюртовского поселения⁵.

Таким образом, приведенные данные показывают, что в материалах обеих групп захоронений существовали определенные различия, вероятно, отражающие некоторую разницу в их возрасте. Исходя из конкретных сравнений, можно предполагать, что более поздней была вторая группа. Удастся выделить в группу погребений (№№ 16, 28, 44) с переходными чертами. (табл. VIII). С первой группой их связывает северо-восточная ориентация покойников и архаизмы в инвентаре (каменное навершие булавы, подтреугольные кинжалы). Со второй группой их роднит наличие железных предметов вооружения. В погребении № 28 обнаружен железный черешковый кинжал, а в погребении № 16 железный наконечник копья, еще очень близкие к бронзовым прототипам. В погребении № 44 с северо-восточной ориентацией находился биметаллический кинжал. Его ножны украшал бронзовый наконечник.

Более сложно обстоит дело с абсолютной датировкой выделенных групп. Для этого обратимся в первую очередь к предметам конской узды из погребений всадников в первой группе. В погребении № 38 обнаружены бронзовые псалии (табл. III, 4, 5) в форме слегка изогнутого стержня, с тремя трубчатыми отверстиями. Один из его концов венчался большой грибовидной «шляпкой», а каждое отверстие было украшено плоскими, рельефными шишечками. По внутренней дуге стержня имелись глубокие насечки. Уздечку украшали костяная шаровидная буса и бронзовая волутообразно закрученная проволока. Все эти предметы находились на черепе лошади.

В погребении № 39, по составу погребального инвентаря очень близком погребению № 38, при скелете лошади обнаружены бронзовые стремечковидные удила и бляшки-распределители для ремней. (табл. II, 8, 10). Концевые стремечки удила подтреугольной формы имели небольшое утолщение на основании. Стержни удила имитируют перекрученный шнур. В погребении № 56 трубчатые псалии и стремечковидные удила сочетались в одном комплексе (табл. X, 3—4).

Эти предметы конской узды имеют редкие и сравнительно отдаленные аналогии на Северном Кавказе. Трубчатые псалии с большими шляпками (III тип по А. А. Иессену) известны из трех пунктов. Две случайные находки — из района Кисловодска⁶ и из Кобанского могиль-

⁵ В. И. Козенкова. Металлообработка у племен раннего железа на территории Чечено-Ингушетии. АЭС, т. II, Грозный, 1968, стр. 18.

⁶ Фонды Гос. Эрмитажа. Первобытный отдел, № 1362/19. Собрание А. А. Бобринского.

ника⁷, третья происходит из погребения № 112 Николаевского могильника в Прикубанье⁸, где трубчатые псалии сочетаются со стремечковидными удилами, близкими серженьюртовским удилами. В целом, этот набор стоит особняком. Так же, как и в Сержень-Юрте, погребение принадлежало воину, захороненному в грунтовой могиле в сопровождении коня и вооруженному бронзовым наконечником копья. Датируется погребение № 112, сер. VIII в. до н. э. Однако, ближе всего трубчатые псалии из Серженьюртовского могильника сопоставимы с такими же предметами из Юго-Восточной и Центральной Европы. В первую очередь назовем комплекс из кургана № 256, раскопанного в 1892 году Н. Е. Бранденбургом около Камышевахи⁹. В этот комплекс кроме псалиев входили бронзовое звено стремечковидных удил, несколько отличающихся от серженьюртовских, бронзовый нож и бронзовая — образная бляшка. Находки из Камышевахи А. А. Иессен относил к так называемой «докелермесской» группе изделий начала I тыс. до н. э., включавшей также наиболее ранние экземпляры стремечковидных удил III типа. Хронологически докелермесская группа по А. А. Иессену определялась второй половиной — концом VII века до н. э.¹⁰ На основе новых материалов по чернолесской культуре А. И. Тереножкин датировал находки из Камышевахи более ранним временем, VIII — первой половиной VII до н. э.¹¹ Еще больше трубчатые псалии из Сержень-Юрта сопоставимы с центральноевропейскими псалиями II типа по классификации Т. Хорвата, Ш. Галлуса и И. Харматты. На территории центральной Европы в настоящее время известно около десятка пунктов таких находок. К сожалению, все это или случайные сборы или предметы из кладов (клады в Диньеше, Толне, Очко¹² и Кис-Кёсеге в Венгрии, отдельные находки из Чипэу в Румынии из Трояна близ Тырнова в Болгарии¹³, клады из восточноальпийской области и из Регельсбрунна в Нижней

⁷ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900, стр. 33, рис. 37.

⁸ Н. В. Анфимов. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. В сб.: «Проблемы скифской археологии». М., 1971, стр. 172, рис. 2, 1.

⁹ ОАК, 1892, стр. 38; А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье, Киев, 1971, стр. 103, рис. 71, 1—5.

¹⁰ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 100, 102.

¹¹ А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 189.

¹² S. Gallus, T. Horváth. Unpeuple cavalier pré-sythique en Hongrie. Dissertations nannonicae. ser. II, 9. Budapest, 1939, рис. 1, табл. IX, 10; табл. XL, 1; табл. I, 3; табл. XL, 4—5.

¹³ J. Nestor. Zu den Pferdegeschirrbronzen aus Stillfried a. March, N-O. Wiener prahistorische Zeitschrift, XXI, Jahrgang 1934, II halbjahrsheft, стр. 108, 122, рис. 2, 2; Gallus S. Horváth T. Указ. соч., табл. XXXIX, 5; таб. XLVI, 2.

Австрии)¹⁵. По Ш. Галлусу и Т. Хорвату центрально-европейские находки трубчатых псалиев со шляпкой датируются серединой VIII — началом VII века до н. э.¹⁵ Клады из Нижней Австрии и восточноальпийской области определяются Х. Мюллер-Карпе IX—VIII вв. до н. э. За отнесение конского убора с трубчатыми псалиями к периоду На А высказывался Р. Питтиони¹⁶. Нельзя не отметить особую близость серженьюртовских псалиев с псалиями из Диньеша, Толны и Кис-кёсцага, причем в комплексе с последними найдены бляшки, орнаментированные солярными знаками в виде 4-х лучевой розетки, характерной для круга предметов VIII—начала VII вв. до н. э.¹⁷

Таким образом хронологический диапазон трубчатых псалиев с большими шляпками на концах в целом может быть определен IX—началом VII века или даже IX — рубежом VIII—VII вв. до н. э.

Если мы обратимся к морфологическому сопоставлению северокавказских псалиев из Сержень-Юрта, псалиев из Камышевахи и средневропейских псалиев, то заметим между ними определенную разницу.

Типологически наиболее ранними представляются псалии из Сержень-Юрта. Все признаки формы здесь отчетливы и закончены. Грибовидное навершие и стержень отлиты целиком, рельефные шишечки украшают обе стороны стержня, отверстия трубок правильной круглой формы, причем крайние расположены под шляпками, орнаментация на внутренней дуге стержня имитирует простую насечку, в определенной мере напоминающую насечки на костяных псалиях конца II — рубежа II—I тыс. до н. э.¹⁸

Из центральноевропейских в одну группу с серженьюртовскими могут быть включены необыкновенно близкие к ним трубчатые псалии из Толны (Венгрия) и орнаментированные насечками псалии из клада IX—VIII вв. до н. э. из Регельсбрунна.

После серженьюртовских, как нам кажется, могут быть поставлены псалии из Камышевахи. Сохраняя общее сходство с первыми, они имели, однако, не цельнолитую вместе со стержнем шляпку, а приклепанную. Отверстия на стержне не круглые, а овальные. Орнаментальные шишечки вообще отсутствуют. Изменился рисунок насечки на внутренней дуге стержня. Вместо простых зарубок, стержень декорирован полоской из

¹⁴ H. Müller-Karpe. Beiträge zur Chronologie der Urnenfeldzeit, Nordlich und Südlich der Alpen. Berlin, 1959, t. I, abb. 10, 13; t. II, taf. 143, 15—16.

¹⁵ S. Gallus, T. Horváth. Указ. соч., стр. 59.

¹⁶ H. Müller-Karpe. Указ. соч., т. I, стр. 128, 223; R. Pittionu. Urgeschichte des Osterreichischen Raums. Wien, 1954, s. 826, сноска 926.

¹⁷ В. А. Ильинская. Культурные жезлы скифского и предскифского времени.— В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, стр. 207—208.

¹⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, I, 1961, стр. 48, рис. 1 (2—3, 5), стр. 49, рис. 2 (3).

двух рядов рельефных квадратиков. Характер орнамента особенно важен для определения последовательности развития предметов данного типа, поскольку он в точности повторяет орнамент на стержнях двукольчатых удил, так называемого кобанского типа из конских наборов VIII—начала VII века и даже скорее рубежом VIII—VII вв. до н. э.¹⁹ юго-восточной Европы и Северного Кавказа (сел. Бутенки на Полтавщине, Филипповская станица, хутор Обрывский близ Новочеркасска, хутор Кубанский, Каменноостровский могильник, Кобанский могильник)²⁰. Некоторые из этих наборов включают наконечники стрел с длинными втулками доскифского типа (погребение около Симферополя).

Следующей разновидностью трубчатых псалиев со шляпками, отражающей дальнейшее их развитие являются несколько экземпляров из Средней Европы, в основном из Венгрии. Для этой группы характерно общее упрощение формы. Стержень псалиев гладкий, часто без декоративных шишечек, отверстия иногда овальные. Не исключено, что именно такие изделия относятся к заключительному этапу их бытования, т. е. к рубежу VIII—VII вв. до н. э.

Следует особо подчеркнуть, что присутствие в Серженьюртовском могильнике законченной и развитой формы трубчатых псалиев со шляпками, отнюдь не является доказательством их местного северокавказского происхождения. Скорее можно предполагать, что они были занесены на Северный Кавказ уже на раннем этапе их развития. Позднее и в центральной и в юго-восточной Европе и на Северном Кавказе они развивались самостоятельно наряду с другими типами, вплоть до смены всего конского набора начала I тыс. до н. э. скифским.

Не менее важные данные по хронологии Серженьюртовского могильника были получены при всестороннем рассмотрении стремечковидных удил из погребения № 39. Типологическое сопоставление этих удил с удилами из других памятников определило место этих находок в кругу материалов начала I тыс. до н. э. и позволило сделать некоторые любопытные наблюдения. (табл. XI). Морфологически самой близкой аналогией серженьюртовским удилам оказались удила из впускного погребения № 3 кургана № 1 близ сел. Черногоровка, раскопанного В. А. Городцовым в 1905 году в бывшем Изюмском уезде²¹. Погребальный инвентарь этого захоронения (удила, псалии, бляшки, шило и игла) был отнесен А. А. Иессеном к VII веку до н. э., а позднее, как и Камышеваха, был

¹⁹ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге...

²⁰ Г. Т. Ковчаненко. Племена скифского часу на Ворскле, Київ, 1967, рис. 18, стр. 43; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге..., рис. 4 (2—3), стр. 59; рис. 5, стр. 60; рис. 6, 9(1), 10.

²¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. в 1901 году. Тр. XII АС, т. I, табл. XIII, стр. 242.

передатирован А. И. Тереножкиным. На основе сопоставления предметов Черногоровского комплекса с материалами позднерубного времени (кольцевидными пряжками), которые перекликались с материалами из клада Кармине III в Польше, в котором имелись датирующие предметы рубежа Гальштата В и С, А. И. Тереножкин счел возможным отнести первый к концу IX—VIII вв. до н. э.²² Черногоровские удила объединяет с серженьюртовскими общие размеры и пропорции. Д-образная форма стремечка с характерным выступом посредине основания и декор на стержне удил в виде имитации перекрученного шнура. Не исключено, что выступ посредине основания стремечка является морфологическим признаком для ранней группы стремечковидных удил вообще. Такой выступ наблюдается на стремечковидных удилах до рубежа VII—VI вв. до н. э. (Камышеваха, Кобанский и Тлийский могильник, Емчиха)²³. С рубежа VII—VI вв. до н. э. на стремечках удил кроме среднего выступа, появляются свисающие отростки по краям основания (Келермесские курганы, курган из Верхнего Чегема, Ставропольский курган; Куланурхвский могильник²⁴. Удила со свисающими по концам основания стремечка отростками, но без выступа или утолщения посредине, продолжали господствовать на протяжении всего VI века до н. э. В конце VI века до н. э. они уже сочетались с железными псалями (Старшая могила. Разменный курган близ станции Костромской и т. д.)²⁵ (табл. XI). Такая последовательность фаз развития стремечковидных удил целиком соответствует той хронологической последовательности, какую А. А. Иессен определил для комплексов ранней и поздней докелермесской и келермесской групп материалов, куда входили все эти изделия²⁶. Нельзя не вспомнить, что исследователь предполагал возможное изменение нижней даты ранней докелермесской группы в сторону удревнения, а именно на весь VIII век до н. э.²⁷

Итак, на основе детального анализа предметов конской узды из погребений первой группы Серженьюртовского могильника можно пред-

²² А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 188.

²³ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге..., рис. 19 (2—3); Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960. СА, I, 1963, стр. 170, рис. 6 (2); Фонды первобытного отдела Гос. Эрмитажа. ДН 1932, № 41/4 (Емчиха, курган 373).

²⁴ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге..., рис. 21; В. Ф. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии МАК I, М., 1888 г. Табл. XXII, 29; Т. М. Минаева. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском музее, МИСК, 8, Ставрополь, 1956.

²⁵ В. А. Ильинская. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, стр. 67 и табл. III, 11—13; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге..., стр. 20.

²⁶ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. ..., стр. 100.

²⁷ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 102.

полагать, что скорее всего изучаемые предметы относятся к ранним экземплярам подобного типа узды.

В известной мере это подкрепляется и находками среди инвентаря погребений первой группы редких бронзовых двулопастных втульчатых наконечников стрел, не имеющих точных параллелей даже среди раннескифских материалов. Один из наконечников был обнаружен в погребении № 35 среди украшений на груди женщины. Наконечник имел укороченные пропорции, конусовидно расширяющуюся книзу втулку и разные по размеру и форме лопасти. Одна более узкая и тупая, вторая — заканчивалась заостренным шипом. Очертания головки наконечника слегка ромбовидные. Наиболее близкие аналогии ему имеются лишь среди центральноевропейских материалов второй половины и конца II тыс. до н. э. конкретно, ступени С,²⁸. Второй наконечник, обнаруженный в погребении № 38 в комплексе с трубчатыми псалями, имел удлиненное лавролистное перо и короткую конусовидную втулку. (табл. III, 3). Ближе всего он сходен по форме и пропорциям с сибирскими образцами поздней бронзы конца II тыс. до н. э.²⁹ Вряд ли приведенные выше аналогии случайны. В свое время А. А. Иессен, исследуя самые ранние наконечники стрел доскифского времени (литейная форма Новочеркасского клада, Бештаугорский клад, комплексы Х. Кубанского), совершенно справедливо полагал, что для всех без исключения бронзовых втульчатых наконечников стрел прототипами служили наконечники копий эпохи бронзы³⁰. Именно их он считал исходной формой для длинновтульчатых двулопастных наконечников стрел из памятников рубежа VIII—VII вв. до н. э. юга нашей страны. Вслед за П. Рау, эти последние он относил к прототипам для скифских наконечников стрел³¹. Новые находки подтверждают высказанные положения прежних исследователей. Экземпляр из погребения № 38, занимая место отсутствовавшего наконечника копья, определенно являлся его миниатюрной копией. На наш взгляд, ранние параллели наконечникам стрел из Серженьюртовского могильника, позволяют типологически поставить их в ряд с теми после наконечников эпохи бронзы, но перед длинновтульчатыми наконечниками стрел новочеркасского типа.

В погребениях №№ 70 и 75 обнаружены два бронзовых наконечника копий, необычного для аборигенной культуры типа. (табл. X, 1—2). Они

²⁸ E. Cujánová-Jilková. Mittelbronzezeitliche Hügelgräberfelder in Westböhmen. Archeologické studijní materiály N 8. Praha, 1970. Табл. 57 (9), табл. 39 (18) С., табл. 124.

²⁹ К. А., Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 116, табл. (раздел XIII—X вв.).

³⁰ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. ..., стр. 108.

³¹ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. В сб. ВССА, М., 1955, стр. 120, 125.

небольшого размера (10—12 см), имеют листовидное маленькое перо. Втулка наконечников проходит через середину пера и к нижнему концу слегка расширяется, приобретая конусовидную форму. Нижняя часть втулки украшена тремя углубленными или наоборот рельефными поперечными полосками. Один из наконечников имел на верхней части втулки два рельефных ребрышка. Соответствия обонм предметам известны в культурах фрако-иллирийского мира в Карпато-Дунайском бассейне. Датировка их колеблется в диапазоне XIII—VIII вв. до н. э. (Земун, Гернадкак, Занджагедьск, Фёлор, Шамошсе, Керстет, Порва, Рафаила, Лесур, Саранца и т. д.)³².

Таким образом, только по предметам конской узды, наконечникам копий и наконечникам стрел верхняя дата погребений №№ 38, 39, 56, 70, 75 определяется временем не ранее середины VIII в. до н. э. Поскольку все остальные предметы из этих погребений идентичны предметам из других могил первой группы, то следовательно эта верхняя дата может быть принята для всей первой группы в целом. Не противоречат этому и предметы кавказского происхождения, составляющие основную часть погребальных комплексов. По разработанной многими исследователями кавказской хронологии бронзовые наконечники копий с гладкой цельно литой втулкой бытуют с XII по VII вв. до н. э.³³ Такие же наконечники, но с выступающими рельефными кольцами, а также орнаментом на втулке находят в памятниках XII—VIII вв. до н. э.³⁴ Топоры кобанского типа с изогнутым корпусом и изображениями на лопастях бытуют не позднее IX в. до н. э.³⁵ Такие же топоры, но с прямым корпусом и без декора еще находят в погребениях VIII—начала VII вв. до н. э.³⁶ Нижняя же дата тех и других уходит в рубеж II—I тыс. до н. э. Для первой группы характерны подтреугольные черешковые кинжалы раннекобанского типа. До раскопок Серженьюртовского могильника они определялись временем не позднее XI—X вв. до н. э.³⁷ и слу-

³² Н. Muller-Karacs. Указ. соч., Taf. 131, 21; A. Mozsolics. *Bronzefunde des Karpatenbeckens*. Budapest, 1967, Taf. 7, 3; A. Mozsolics. *Neuere Hallstattzeitliche Heimfunde aus Ungarn*. Acta archaeologica, t. V, f. 1—2. Budapest, 1954, s. 42, 54; М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало железного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. *Dacia*, IV, Bucarest, 1960, рис. 12, 3; Б. Николов. Коллективная находка от края на бронзовата эпохи от с. Лесур Врачански окръг. *Археология*, 3, 1966. София, рис. 4а, стр. 48.

³³ Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженные на Самтаврском могильнике. *Вестник Гос. музея Грузии XIX—A, XXI—B*. Тбилиси, 1957, табл. I, 80.

³⁴ К. Н. Пичхелаури. Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна. Тбилиси, 1965, стр. 135.

³⁵ Е. И. Крупинов. Древняя история Северного Кавказа..., стр. 83.

³⁶ Р. М. Абрамишвили. Указ. соч., стр. 139—140. Таблица.

³⁷ В. А. Сафронов. О датировке рутинского погребального комплекса северо-кавказской культуры. *КСИА*, 108, М., 1966, стр. 28—29.

жили эталонами для датировки. Ранние параллели для втульчатых долот, близких серженьюртовским имеются в закавказских памятниках XI—X вв. до н. э.³⁸ Тесловидные топоры датируются в пределах X—VII вв. до н. э.³⁹ Украшения из погребений первой группы, особенно ребристые браслеты, булавки с зооморфными навершиями, с навершиями в виде закрученных волют, наконеч, такие булавки, как булавки с изображением трех обнаженных женщин, а также миниатюрным изображением кобанского топорика — все они при сопоставлении с материалами Кобанского и Тлийского могильника не могут датироваться позднее X—IX вв. до н. э.⁴⁰

В целом, как мы видим, большинство предметов из погребений первой группы по времени тяготеет к первым двум векам I тыс. до н. э., которые скорее всего и являются нижней датой для первой группы. Учитывая ярко выраженную в Серженьюртовском могильнике тенденцию к длительному переживанию отдельных старых форм (каменные навершия булав, сурьмяные подвески, височные кольца с раскованными лопастями) мы не ошибемся, если определим отдельные могилы, такие как №№ 35, 41, 49 X—IX вв. до н. э., а все погребения всадников, в том числе и с конской уздой концом IX—серединой VIII вв. до н. э.

Абсолютная хронология второй и переходной группы погребений, которые в настоящее время более точно не могут быть разделены по времени, устанавливается по железному и биметаллическому оружию. Особенно важны два кинжала с бронзовой рукоятью и железным клинком разных типов. Один из них, обнаруженный в погребении № 44 переходного времени, имел гладкую массивную цельнолитую круглую в сечении рукоятку с овальным грибовидным навершием и прямым перекрестием. На конце острия железного клинка сохранился бронзовый наконечник от деревянных ножен. (табл. VIII, 2). Ближайшей аналогией кинжалу из погребения № 44 является кинжал из Ноиндорфа в Восточной Германии. Предмет датируется VIII в. до н. э.⁴¹ Второй кинжал (из комплекса погребения № 26) отличался от кинжала из погребения 44. Он имел уплощенную рукоятку с грибовидным навершием и перекрестием в форме растянутой двусторонней секиры. Поверхность рукояти украшали ряды сквозных кружков, разделенных железными полосками. (табл. VII, 5). Этот кинжал ближе всего сопоставим с кинжалами из

³⁸ Д. Л. Коридзе. К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965. Табл. XIV.

³⁹ Е. И. Крупнов. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, 68, М.—Л., 1958. стр. 183. 193—195.

⁴⁰ Е. И. Крупнов. Древняя история... Хронологическая таблица.

⁴¹ Z. Podkowińska. Miecze brązowe z Wojciechowie w pow. jedrzejowskim w woj. Kiebeckim, Sw. mto-wit.t. XV, Warszawa, 1933, стр. 120—124, рис. 2, стр. 161—162.

с. Благодатного на Кубани⁴², из погребения № 26 Старшего Ахмыловского могильника в Поволжье⁴³ и из погребения у с. Якабели близ г. Печь в Венгрии⁴⁴. В настоящее время, благодаря исследованиям Е. И. Крупнова, А. А. Иессена, Н. Л. Членовой, А. И. Тереножкина, Н. В. Анфимова, А. Х. Халикова, В. Подборского, доказано, что археологические комплексы с такими кинжалами от запада до востока, включая Прикубанье и Северный Кавказ, относятся к VIII—началу VII века до н. э.⁴⁵ К этому же времени, видимо, следует отнести и погребения второй группы Серженьюртовского могильника. Остальные находки из погребений (боевой топор кобанского типа, тесловидный топор, железный кинжал и наконечники копий) вполне соответствует этой дате. Так железные наконечники копий совершенно аналогичны наконечникам из памятников новочеркасской группы (Бештаугорский клад, могильники «Индустрия» и Эчкивашский, Султангорский и т. п.)⁴⁶. Железные длиннопотулчатые наконечники копий с маленьким пером находят параллели также в погребениях Зандакского могильника, расположенного на границе Чехии и Дагестана⁴⁷. Например, в погребении № 51 этого могильника железный наконечник копья чрезвычайно близкий по форме серженьюртовскому (погребение № 26) находился вместе с костяными длинночерешковыми шипастыми наконечниками стрел, железным ножом, каменным молотом, бронзовыми «площадками». В другом погребении аналогичный наконечник копья составлял комплекс с двукольчатыми бронзовыми удилами, бронзовой булавой и кинжалом кобанского типа. т. е. находками середины VIII—рубежа VIII—VII веков до н. э.

В Серженьюртовском могильнике мы встречаемся с двумя исключительно интересными фактами. Один из них состоит в том, что в погребениях отмечено редкое взаимное сочетание классических предметов кобанской культуры (топоры, украшения) и изделия импорта более северных (наконечники стрел, долота) и западных (отдельных наконеч-

⁴² Н. В. Анфимов. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья.— В сб.: Новое в советской археологии. М., 1965, стр. 197, рис. 1 (1).

⁴³ А. Х. Халиков. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья.— В сб.: Дрезности восточной Европы. М., 1969, стр. 277, рис. 1 (6).

⁴⁴ V. Podbořský. Stramberská dyka s krizovým jilem a otázka rozšíření pivodu a datování těchto dyk v Evropě Archeologické ročníky XIX—1967, 2 Praha, стр. 213, рис. 60(9).

⁴⁵ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском правобережье Киев, 1961, стр. 196. Таблица.

⁴⁶ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе..., стр. 125, рис. 14. В. Б. Виноградов, А. П. Рунич. Новые данные по археологии Северного Кавказа. Археолого-этнографический сборник, т. III, Грозный, 1969, стр. 105.

⁴⁷ В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. КСИА, 100, 1965, стр. 47, рис. 18; В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 84, рис. 35(1).

ников копий, псалии) районов, а также предметов, наиболее многочисленно представленных на Северном Кавказе (биметаллические кинжалы). Такое сочетание предметов в одном комплексе — прекрасное обоснование датировки памятника. Предметы раннекобанского типа определяют общую бесспорную принадлежность могил ко времени в основном в пределах X—VIII вв. до н. э. с отнесением отдельных погребений в нач. VII в. Биметаллическое оружие и конский набор способствует более конкретному выделению узких хронологических групп. С другой стороны такое сочетание основательно подкрепляет высказанное мнение А. И. Тереножкина, о необходимости пересмотра дат отдельных степных комплексов, относимых ранее к концу VIII и даже к VII—VI вв. до н. э. (типа Черногорского кургана и погребения у Камышевахи). Могилы первой группы с предметами конской узды, близкой по удилам предметам из Черногорского кургана и по псалиям кладу из Регельсбручна, по всему остальному инвентарю еще мало отличаются от погребений эпохи поздней бронзы. Это является также свидетельством их древности. Могилы второй группы, как мы могли наблюдать, по железному инвентарю и биметаллическим изделиям полностью соответствуют комплексам т. н. новочеркасской группы и погребению с трубчатыми псалиями из Камышевахи (середина VIII—рубеж VIII—VII вв. до н. э.).

В связи с передатированием Черногорского кургана А. И. Тереножкин справедливо обратил внимание на факт сосуществования двух кольчатых и стремечковидных удил и внес коррективы в порядок развития типов конской узды в классификации А. А. Иессена. Новые материалы из Серженюртовского могильника также подтверждают необходимость изменения отдельных пунктов прежней типологической и хронологической схемы. К стати такую необходимость, в связи с количественным и качественным накоплением новых материалов, предвидел и сам А. А. Иессен⁴⁸. По всей совокупности наших данных, есть веские основания предполагать, что трубчатые псалии сосуществовали со стремечковидными удилами не только во второй половине VIII—начале VII века до н. э., как это убедительно было подмечено А. И. Тереножкиным на примере Камышевахи, но и в более раннее время. Косвенным подтверждением этому служит такое же сочетание предметов в могиле сер. VIII в. до н. э. в Николаевском могильнике.

Второй примечательный факт исследуемого памятника — погребения вооруженных всадников вместе с верховой лошадью. Погребения отличались особым богатством инвентаря, что позволяет в них видеть захоронения не рядовых, а влиятельных представителей рода. Хотя погребения с конем составляют довольно большую группу, думается, что обычай этот не локальный, а скорее явление определенного времени.

⁴⁸ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках, VIII—VII вв. до н. э. ..., стр. 102.

Кроме Серженьюртовского могильника, такие захоронения имели место в соседнем Зандакском могильнике, а на северо-западном Кавказе в Николаевском могильнике. Именно в этот период засвидетельствованы интенсивные передвижения первых всадников евразийских степей — киммерийцев. При существовавших традиционных контактах северо-кавказских аборигенов со своими северными соседями, есть все основания думать, что они не ограничивались взаимным обменом элементами материальной культуры⁴⁹, особенно модой на наиболее совершенные виды вооружения. Северокавказские горцы могли принимать также непосредственное участие в походах степняков. Возможно, недалек был от истины Т. Хорват, полагавший, что военные походы представляли собой один из основных путей проникновения в центральную Европу, и в частности, в Венгрию, многочисленных и однородных групп кавказских предметов в конце IX в. до н. э.⁵⁰ Тем же временем, как показали материалы исследуемого могильника, определяется появление у кобанцев бронзовых псалий «венгерского» типа, а может быть и втульчатых наконечников копий и стрел доскифских форм.

Новые материалы из предгорий Чечено-Ингушетии один из важных хорошо документированных источников для синхронизации памятников не только разных локальных групп кобанской культуры, но и культуры в целом с европейскими и закавказскими источниками переходного времени от бронзы к раннему железному веку. В заключение подчеркнем, что мы не претендуем на окончательность наших выводов. Новые материалы вероятно внесут определенные поправки в предложенное хронологическое членение материалов Серженьюртовского могильника. Возможно, более убедительно удастся выделить наиболее раннюю группу погребений, а также более четко обосновать разграничение между двумя вышеотмеченными группами.

49 Е. И. Крупнов. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, 68, М.—Л., 1958, стр. 194—195.

50 S. Gallus. Horváth T. Указ. соч., стр. 64—65.

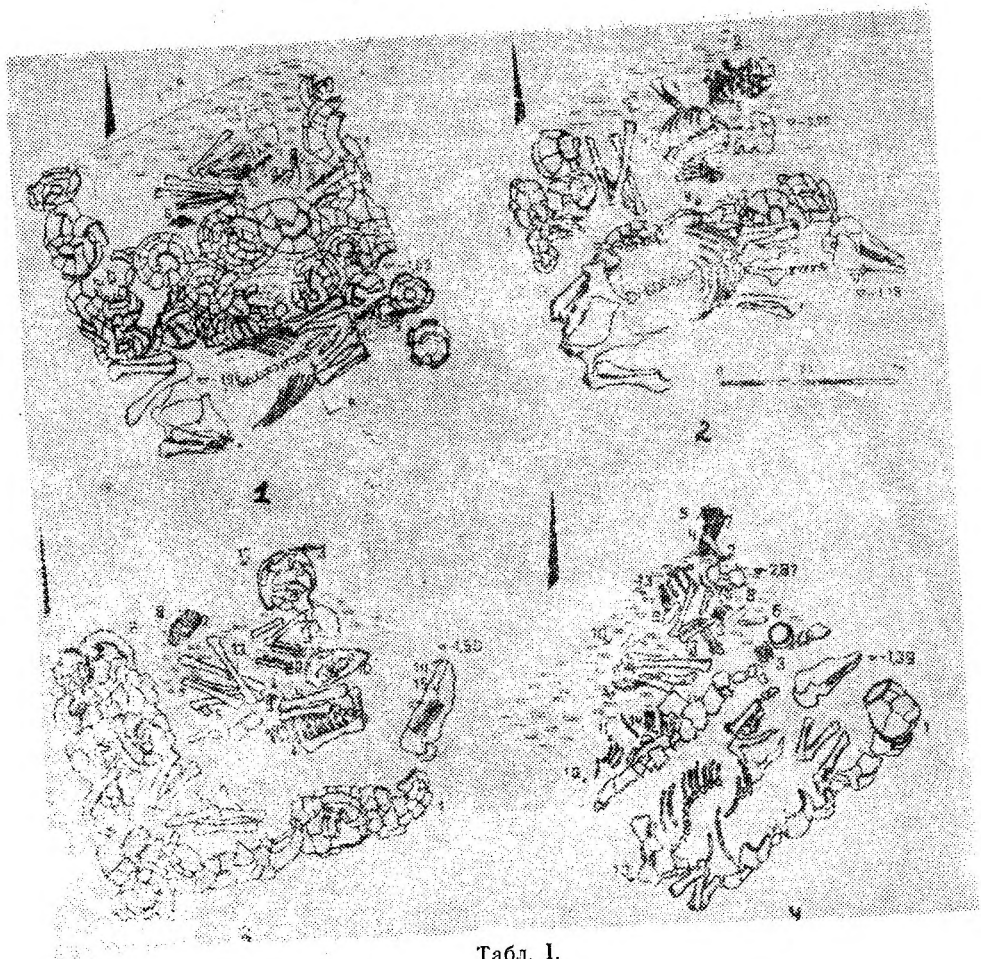

Табл. I.

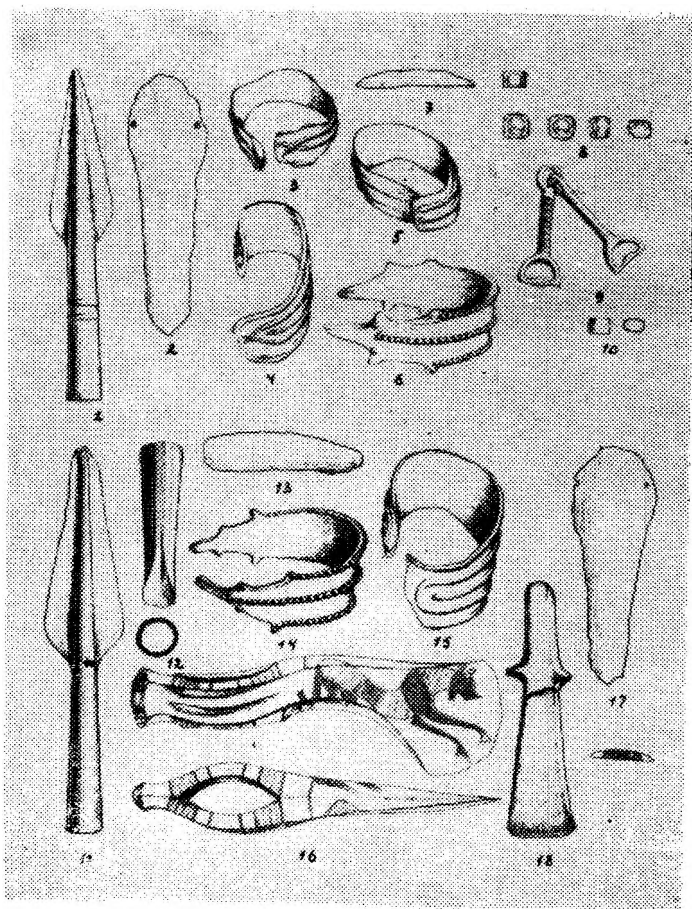
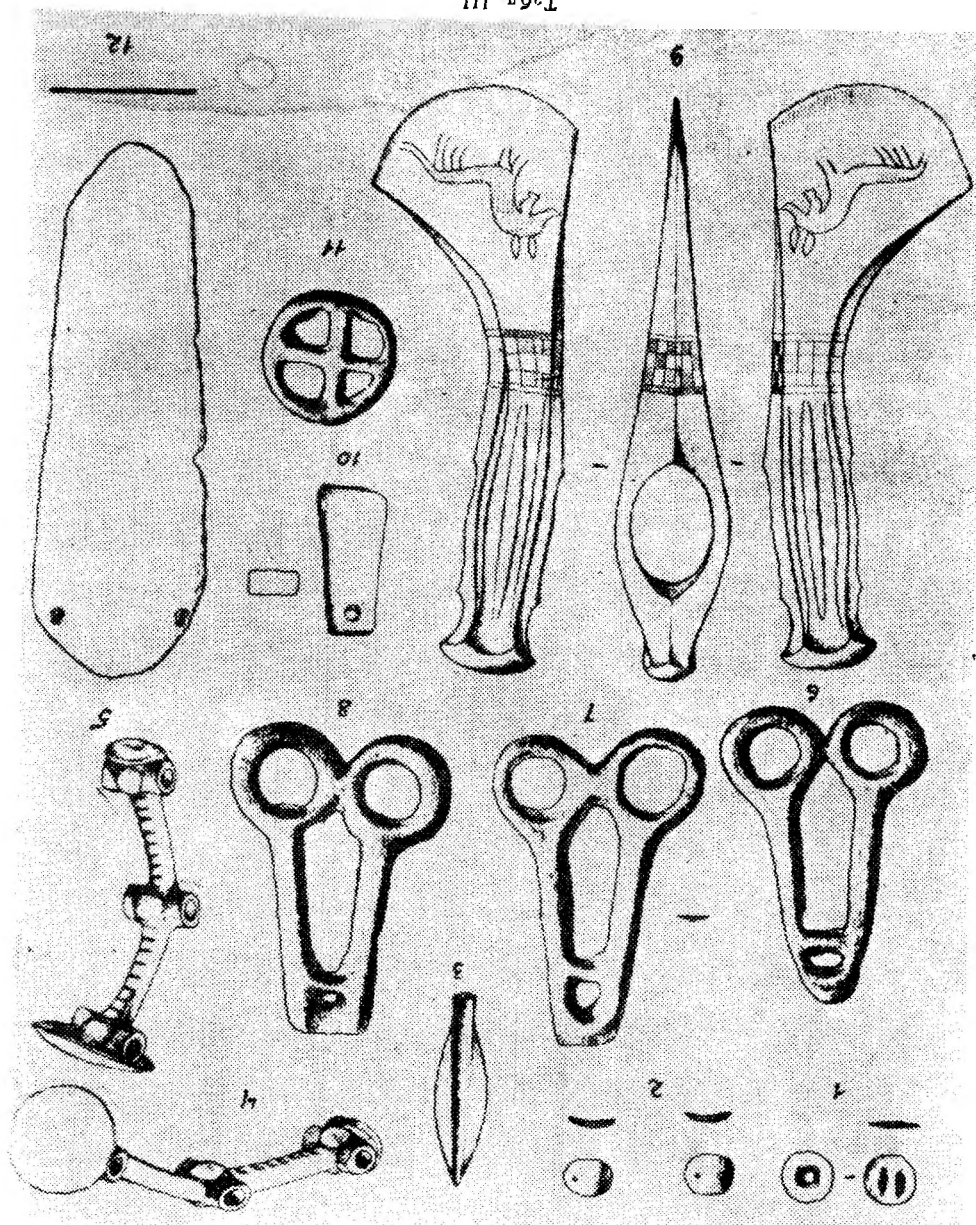

Табл. II.

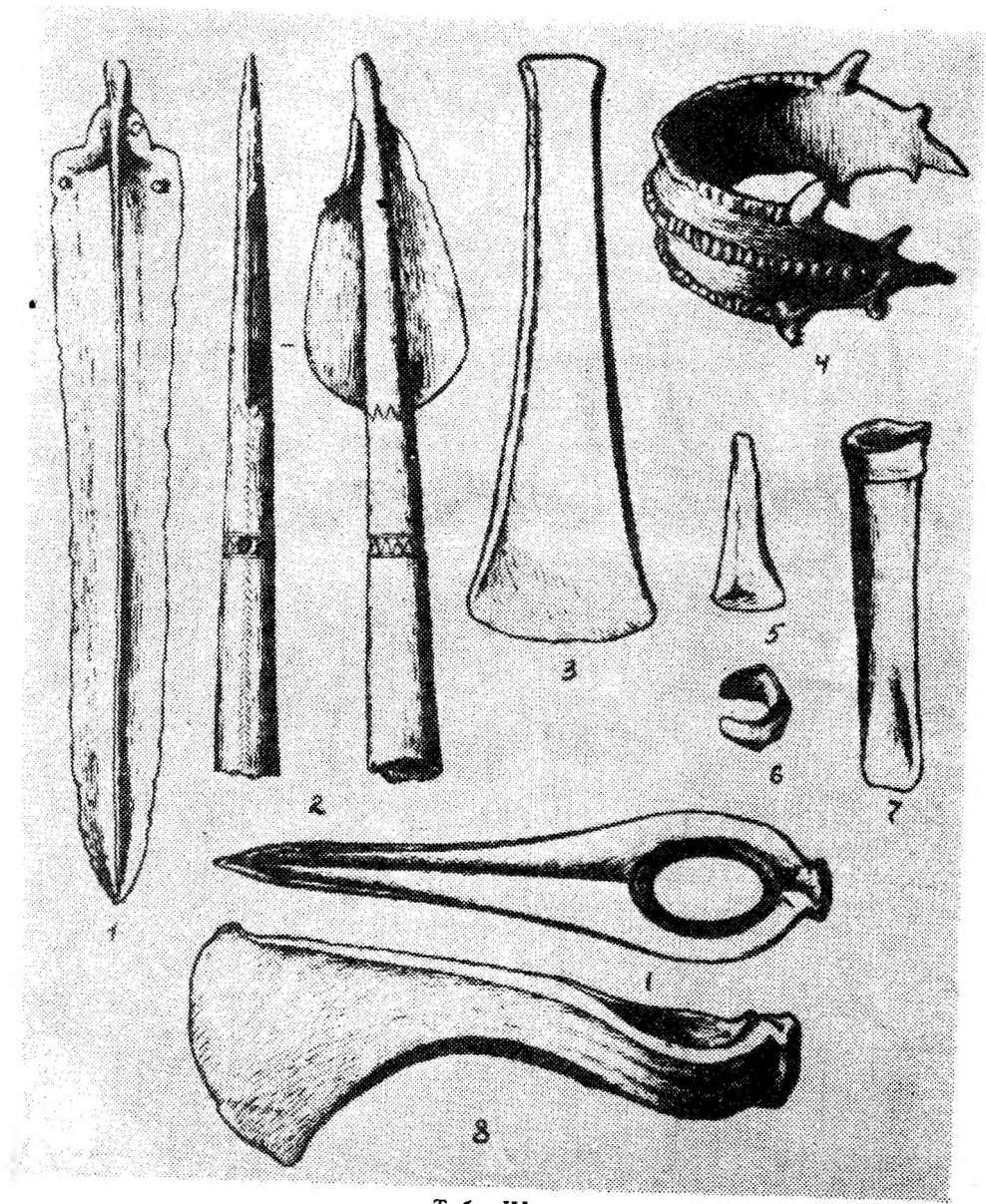

Табл. IV.

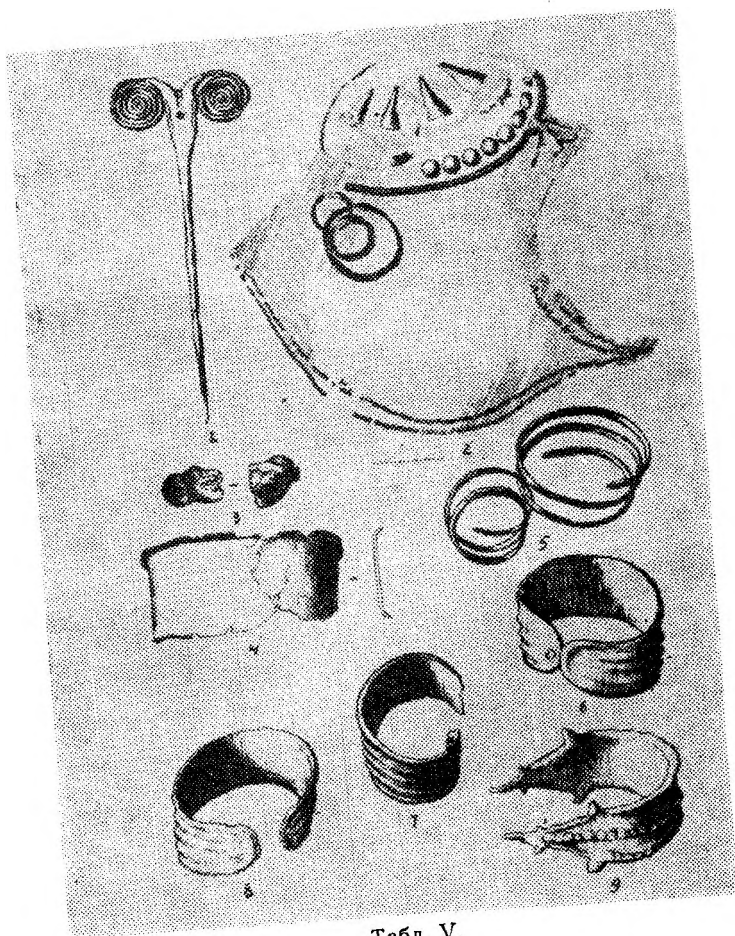

Табл. V.

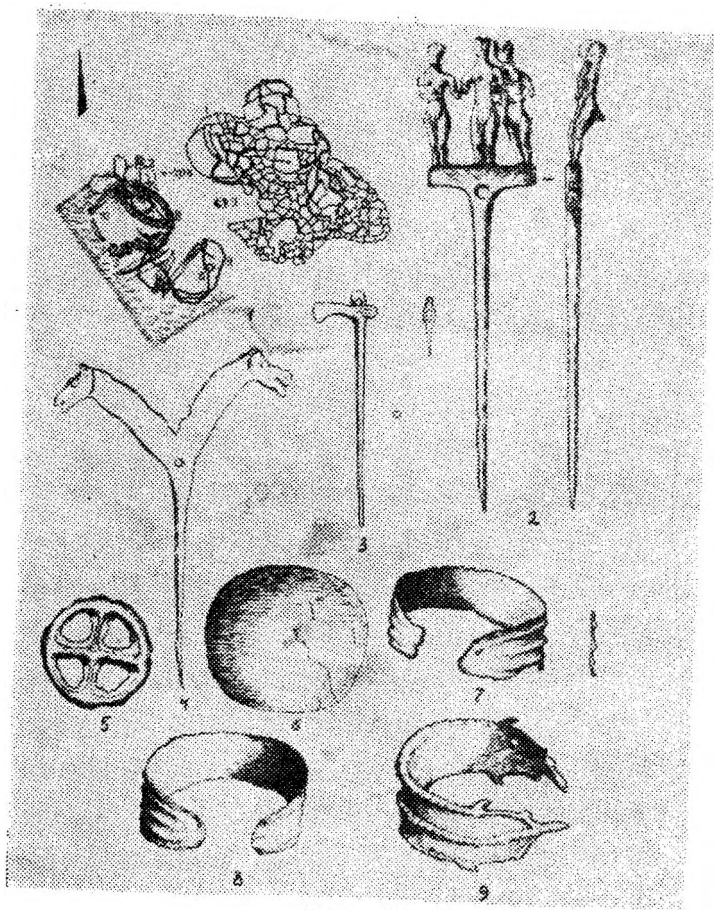
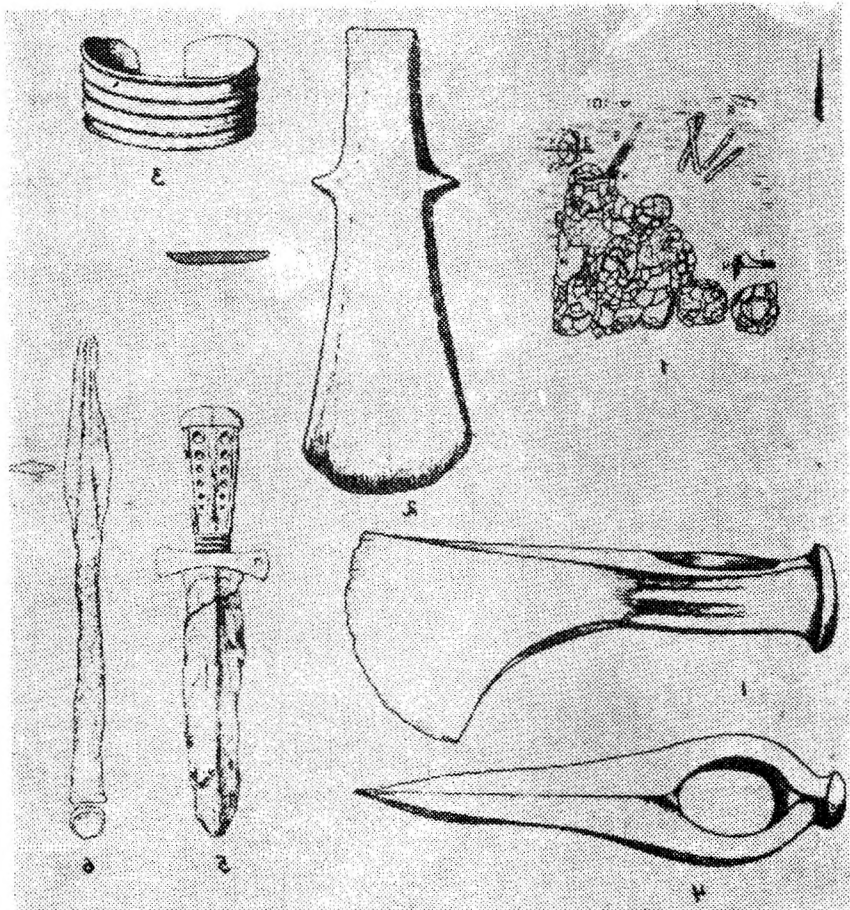

Табл. VI.

Таба. VII.

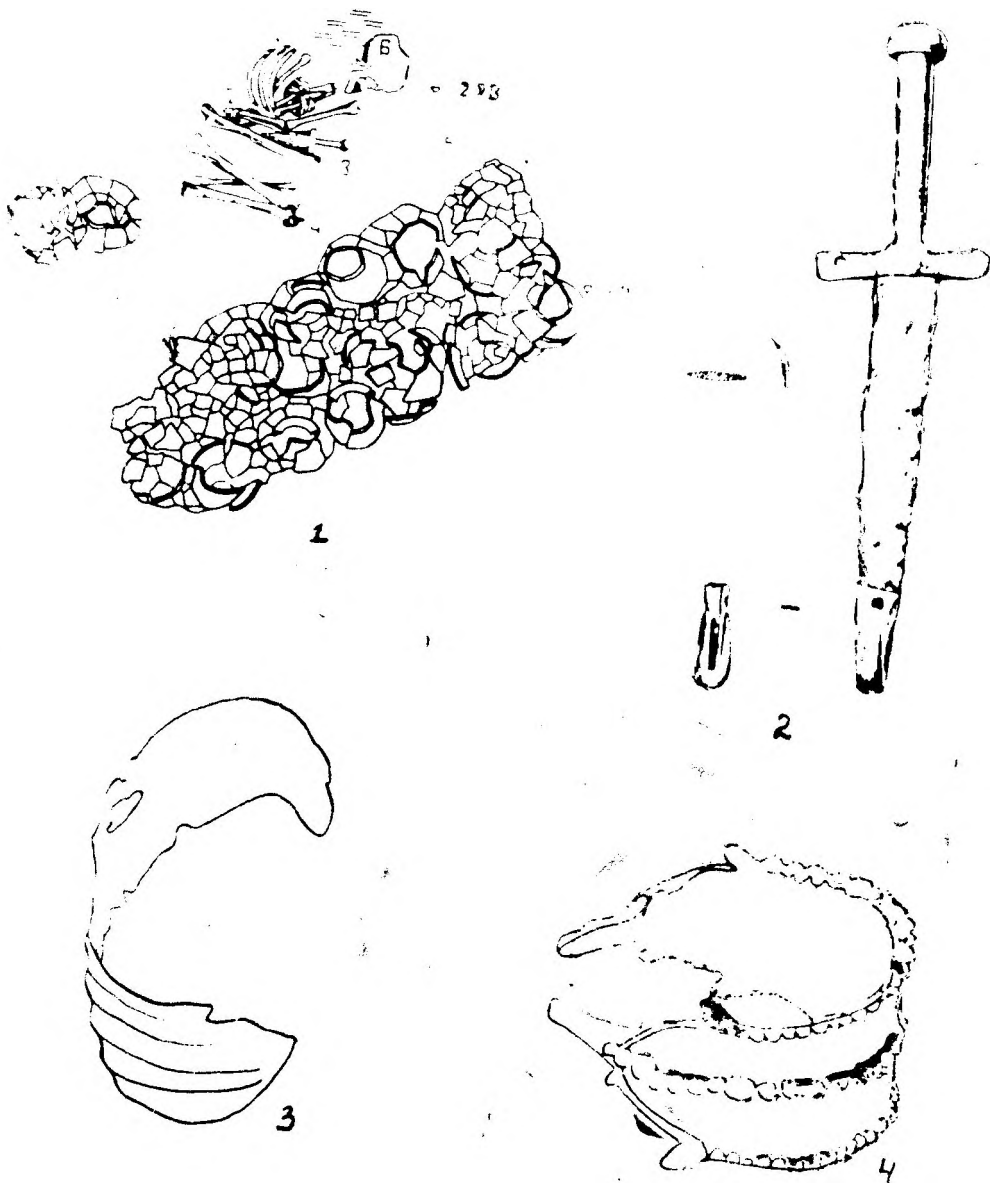
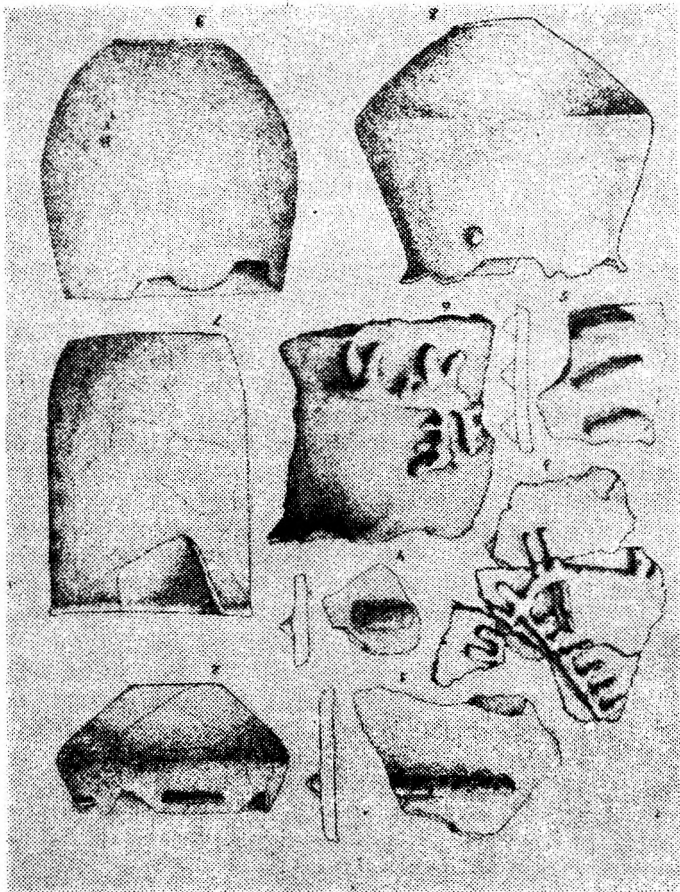
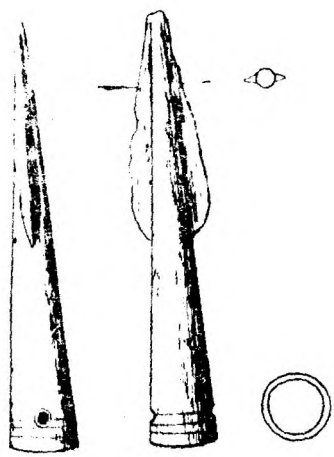

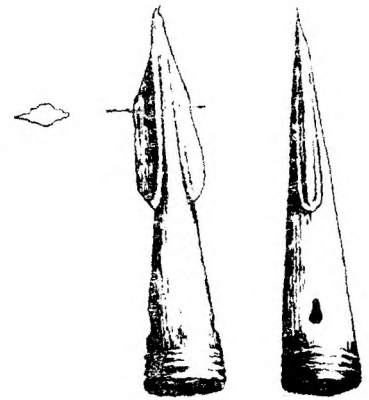
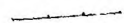
Табл. VIII.

Tabl. IX.

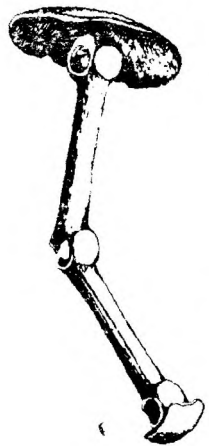
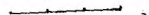

1

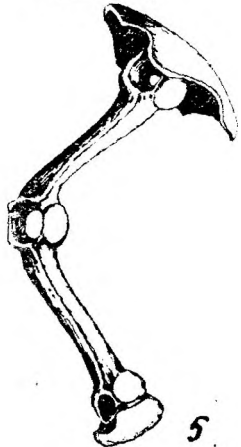
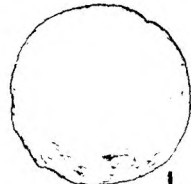
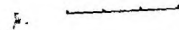
2

3

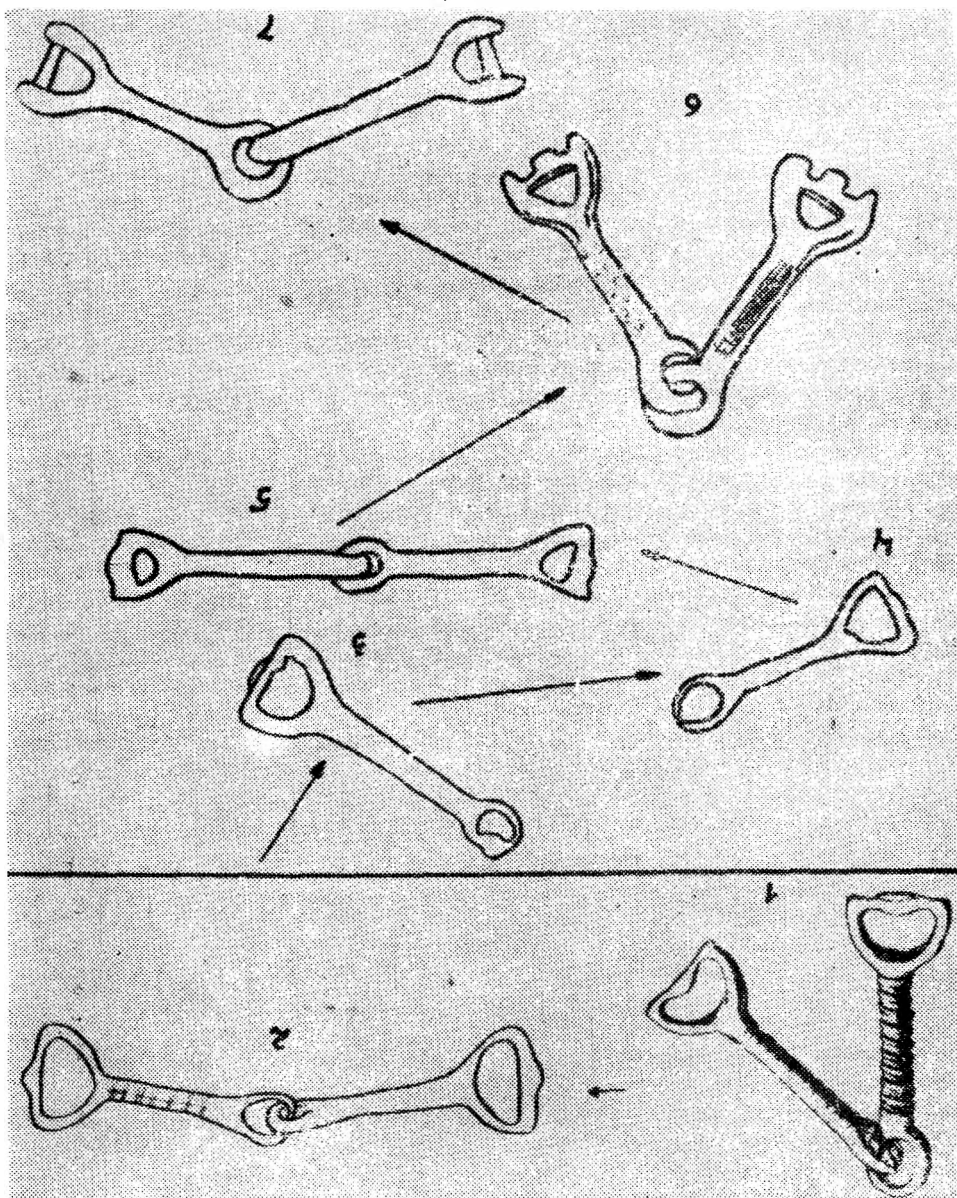
4

5

Табл. X.

Tabl. XI.

ЭЛЕМЕНТЫ СКИФО-СИБИРСКОГО «ЗВЕРИНОГО» СТИЛЯ В ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ ДАГЕСТАНА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В истории художественной культуры народов Дагестана заметный след оставило скифо-сибирское прикладное искусство «звериного» стиля середины и конца I тыс. до н. э., отличающееся высокохудожественным совершенством.

Искусство это получило распространение на огромной территории степной и лесостепной Евразии от Средней Европы до Северного Китая, заселенной кочевым или полукочевым разноэтническим населением. Ныне исследователи выделяют три больших региона скифо-сибирского искусства «звериного стиля»: 1) Северное Причерноморье с Северным Кавказом; 2) Средняя Азия с прилегающей к ней западной частью Сибири; 3) Восточные окраины скифского мира, включающие Минусинскую котловину, Забайкалье, Монголию и Северный Китай¹. В соответствии с этими регионами скифо-сибирское искусство в целом имеет свои локальные «стили» (варианты) или особенности, проявляющиеся в художественных приемах, в подборе различных видов изображаемых животных, в орнаментальных мотивах и т. д. Определяя особенности скифо-сибирского искусства «звериного стиля» М. И. Артамонов отмечает, что «стиль скифского искусства, органически связанного с вещами практического назначения (оружием, конским снаряжением, одеждой) и в этом смысле прикладного или декоративного, отличается реализмом и вместе с тем замечательной приспособленностью к ограниченным, заранее данным формам этих вещей, изобретательностью в использовании пространства, компактностью и экономной четкостью контуров. Замкнутое построение фигуры, сочетающееся с динамизмом образа, приводит к обобщениям и деформациям, соответствующим ее декоративному назначе-

¹ М. И. Артамонов. Скифо-сибирское искусство звериного стиля.— В сб.: «Проблемы скифской археологии». Сборник статей. М., 1971, стр. 24—26.

нию. Обращает на себя внимание также умение передавать характерные черты животного условными формами»².

Мнения исследователей по вопросу происхождения скифо-сибирского искусства «звериного» стиля противоречивы. Как отмечает по этому поводу В. А. Ильинская, особенно отчетливо определилось два направления, из которых одно полагает, что скифское искусство целиком сложилось на почве Древнего Востока и в готовом виде было принесено в евразийские степи, и второе, согласно которому в скифском искусстве представлены изначальные древние элементы, сложившиеся на местной основе, некоторые из этих элементов проникли на Древний Восток в результате скифских переднеазиатских походов и получили там восточную окраску³. Наиболее убедительным представляется мнение М. И. Артамонова, который, сопоставив находки из Зивийе близ Саккыза (Курдистан) со скифскими памятниками, пришел к выводу, что скифское искусство возникло в Передней Азии во время длительного пребывания там скифов с 70-х годов VII в. до н. э. на основе древневосточного художественного наследия и через скифов и саков распространилось по всей степной Евразии, видоизменяясь в соответствии с местной обстановкой⁴.

На основе письменных источников и археологических данных достоверно установлено, что одним из основных путей скифских походов 70-х годов VII в. до н. э. в Переднюю Азию являлся путь через Прикаспийский Дагестан (Дербентский проход)⁵. Обнаруженные в различных пунктах Дагестана (близ Кизляра, Хасавюрта, Бавтугая, Аркаса, Избербаша, Карабудахкента и т. д.) типичные для скифов предметы вооружения (бронзовые и костяные наконечники стрел, железные акинаки) и конского снаряжения (железные петельчатые удила, костяные и железные псалии, кольца, бронзовые ворворки и др.), а также худо-

² Там же, стр. 25; М. И. Артамонов. Сокровища саков. М., 1973, стр. 218 и сл.

³ В. А. Ильинская. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве. СА, 1971, № 2, стр. 66.

⁴ М. И. Артамонов. Происхождение скифского искусства. СА, 1968, № 4, стр. 27—45; его же. Еще о происхождении скифского искусства. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский «звериный» стиль). М., 1972, стр. 3; его же. Сокровища саков, стр. 236.

⁵ Б. Б. Пиотровский. Скифы в Закавказье. УЗ ЛГУ, серия историч. наук, вып. 13, Л., 1949, стр. 173; Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 184—194; его же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 54—66; И. М. Дьяконов. История Миндии. М.—Л., 1956, стр. 253; В. Б. Виноградов. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам). Труды Чечено-Ингушского НИИ, т. IX, Грозный, 1964, стр. 21—48; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, стр. 10—25.

жественные изделия «звериного» стиля (серебряная, золотые и бронзовые бляшки) ⁶ свидетельствуют о том, что культура населения Дагестана середины I тыс. до н. э. впитала в себе определенные черты скифской культуры. Этому обстоятельству способствовали не только походы скифов в Переднюю Азию через Прикаспийский Дагестан, но и тесные историко-культурные контакты местного населения со скифо-савроматскими и близкими им по культуре племенами, которые вырисовываются все более отчетливо в свете последних археологических данных ⁷.

Художественные изделия «звериного» стиля, выполненные в традициях скифо-сибирского искусства, обнаруженные на территории Дагестана, пока сравнительно немногочисленны. Они представлены находками из Хабардинского и Урцекского могильников, а также в Аркасского поселения. Из окрестностей г. Хасавюрта происходит бронзовый поясной крючок V—IV вв. до н. э., выполненный, по мнению В. Б. Виноградова, в подражание зооморфным крючкам Среднего Дона ⁸. Нижний острый конец крючка оформлен в виде очень сильно стилизованной головы ушастого грифона.

Изображения оленей, выполненные в скифской манере, встречены среди наскальных изображений горного Дагестана ⁹.

Наиболее ярким и выразительным образцом, характеризующим воздействие прикладного искусства скифо-сибирского «звериного» стиля на искусство Дагестана эпохи раннего железа является плоская литая

⁶ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (итоги и проблемы). УЗ ИИЯЛ, т. VIII, Махачкала, 1960, стр. 351; М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 95, 110; «История Дагестана», т. I, М., 1967, стр. 102—103; О. М. Давудов. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, стр. 106 и сл.; В 1973 г. М. Гаджиевым и М. Г. Магомедовым из окрестностей г. Хасавюрта были доставлены в Институт ИИЯЛ, а затем переданы в Дагестанский музей изобразительных искусств типичные изделия скифского прикладного искусства — чернолаковый сосудик, еще 4 керамических сосуда сероватого цвета с геометрической орнаментацией, золотые штампованные бляшки в виде розеток, скоманная золотая гривна, бронзовая литая зооморфная бляшка. Все они были найдены в разрушенном при строительных работах подкурганном погребении. Перечисленные находки подготавливаются к изданию М. Г. Гаджиевым и М. Г. Магомедовым, которым автор приносит благодарность за ознакомление с этими находками.

⁷ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 265—268; В. Г. Котович. Урцекское городище — памятник раннесредневековой культуры Дагестана. РФ ИИЯЛ, д. № 178, стр. 76—86; В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время, стр. 31 и сл.; его же. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром. Проблемы скифской археологии, стр. 177—183; М. И. Пикуль. Ук. соч., стр. 110 и сл.; О. М. Давудов. Ук. соч., стр. 106.

⁸ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 21; рис. 6, 2; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время, стр. 147—148.

⁹ В. М. Котович. Новые наскальные изображения горного Дагестана. Археологические открытия 1968 года. М., 1969, стр. 93—95, рис. 1.

серебряная бляшка конца V—начала IV вв. до н. э. из Хабадинского могильника¹⁰ (табл. I, 1). Она воспроизводит профильную голову волка с открытой пастью и оскаленными большими клыками и зубами (верхний зуб отломан). Кончик нижней челюсти неестественно оттопырен вниз — чтобы передать хищный оскал животного и уместить в его пасти длинные клыки. Губы окаймлены врезной линией, глаз обозначен овалом, над которым выступает подчеркнутая переносица. Ноздря отмечена точкой на по-волчье остром, слегка вздернутом вверх кончике верхней челюсти. Округленное ухо с овальным вырезом внутри слегка оттянуто назад и прижато к затылку. Грива хищника передана треугольно-ромбической штриховкой. На щеке выгравирована острая с одного конца, расширяющаяся к губной ленте дужка, заштрихованная внутри¹¹.

Голова волка передана довольно реалистично, с подчеркнутыми наиболее характерными чертами, позволяющими с первого взгляда безошибочно определить изображаемое животное. Вместе с тем в изображении головы наблюдается сочетание реалистичности с графической орнаментальностью, столь присущее скифскому искусству¹² VI—III вв. до н. э. — того периода, когда изображения становятся плоскими, а детали обозначаются резными линиями¹³. Впрочем, такой же прием орнаментальной разработки деталей изображения животного довольно часто применялся в скифское время и на Центральном и Северо-Восточном Кавказе¹⁴.

По сюжету и манере исполнения хабадинская бляшка сближается со скифскими уздечными бронзовыми литыми бляшками VI—V вв. до н. э. в виде рельефной головы хищника (льва или тигра и волка) с оскаленной пастью, хорошо известными по находкам в курганах По-

¹⁰ О. М. Давудов. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана. (X—IV вв. до н. э.). Махачкала, 1968, стр. 30, рис. 6, 2.

¹¹ Дужкой, может быть, отмечены усы (?). На скифских бляшках усы у хищников отмечены над верхней губой в виде рельефного валика. См. А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, проведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии. ИАК, XIV, 1905, стр. 12, рис. 23; G. Vоговka. Scythian art. London, 1928, pl. V, C, «История искусства народов СССР», т. I, М., 1971, стр. 133, рис. 164; М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага—Ленинград, 1966, табл. 81. На изделиях савроматского «звериного» стиля усы или грива хищников иногда отмечали рельефной трехлепестковой пальметкой, нанесенной на щеку. См. К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 231, рис. 78, 5. Подобную же пальметку изображали в Скифии и Прикубанье и на головах грифонов и травоядных животных. ОАК за 1903 г., стр. 118, рис. 236; А. А. Бобринский. Указ. соч., стр. 17, рис. 39; G. Vоговka *ibid.*, pl. 5 A, C.

¹² М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, стр. 81.

¹³ М. И. Артамонов. Скифо-сибирское искусство «звериного» стиля, стр. 31.

¹⁴ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время, стр. 165—166.

днепровья, Керчи (Журовка, Нимфей)¹⁵ и горного Алтая¹⁶, а также в памятниках Среднего Дона¹⁷ и ананьинской культуры¹⁸.

Хабардинская бляшка более всего сопоставима с бронзовой уздечной бляшкой в виде профильной головы льва (табл. I, 2) из кургана у с. Журовка Черкасской области (бывшей Киевской губернии, Чигиринского уезда)¹⁹, а также с деревянной бляшкой в виде профильной головы волка (табл. I, 3) из горноалтайских курганов (коллекция Фролова)²⁰.

Общая манера трактовки головы хищника, характерный его оскал, подчеркнутая лента губ, орнаментальная разработка деталей головы (грива, усы) указывают на то, что мастеру, изготовившему хабардинскую бляшку, был хорошо известен мотив скифских волчьих и львиных или тигровых головок. Однако стилистически, по технике исполнения и по приемам передачи деталей хабардинская головка волка отличается от скифских головок хищников. Очевидно, заимствованный у скифов мотив головы хищника был переосмыслен и подвергнут местной переработке, и этот мотив нашел своеобразное и оригинальное воплощение в образе хищника, связанного с местной фауной — волка — зверя, наиболее популярного в «зверином» стиле Северо-Восточного Кавказа скифского времени²¹ и пользующегося почитанием у местного населения²².

В несколько иной манере изготовлена бронзовая бляшка от уздечного набора VI—V вв. до н. э. с Аркасского поселения²³ (Табл. I, 4) в виде стилизованной профильной головы хищника (пантеры?) с раскрытой пастью, вывернутыми наружу губами и оскаленными изогнутыми клыками. Подчеркнутый губной валик животного в верхней челюсти переходит в кружок, передающий сильно раздутую ноздрю. В нижней перифе-

¹⁵ А. А. Бобринский. Ук. соч., стр. 12, 15, рис. 23, 32; В о г о в к а *ibid*, plate 16, A, B, C, D; М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, стр. 26, рис. 40, табл. 81; История искусства народов СССР, т. I, стр. 133, рис. 164.

¹⁶ С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, табл. LXXX. 2; М. И. Артамонов. Сокровища саков, стр. 52, рис. 59.

¹⁷ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 32, 33, рис. 18—20.

¹⁸ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 133, табл. XXVI, 7, стр. 183, табл. XXXIII, 1; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 232.

¹⁹ А. А. Бобринский. Ук. соч., стр. 12, рис. 23; М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, табл. 81, 6 (справа).

²⁰ С. И. Руденко. Ук. соч., табл. XXX, 2; М. И. Артамонов. Сокровища саков, рис. 59.

²¹ В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 154—169.

²² «Волк короткоухий» — высшая похвала храбрцу у аварцев, см. «Поэзия Дагестана. Антология». Махачкала, 1971, стр. 13. О почитании волка см. еще: Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929, стр. 8—9.

²³ М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа в Дагестане, стр. 63, рис. 16, 37.

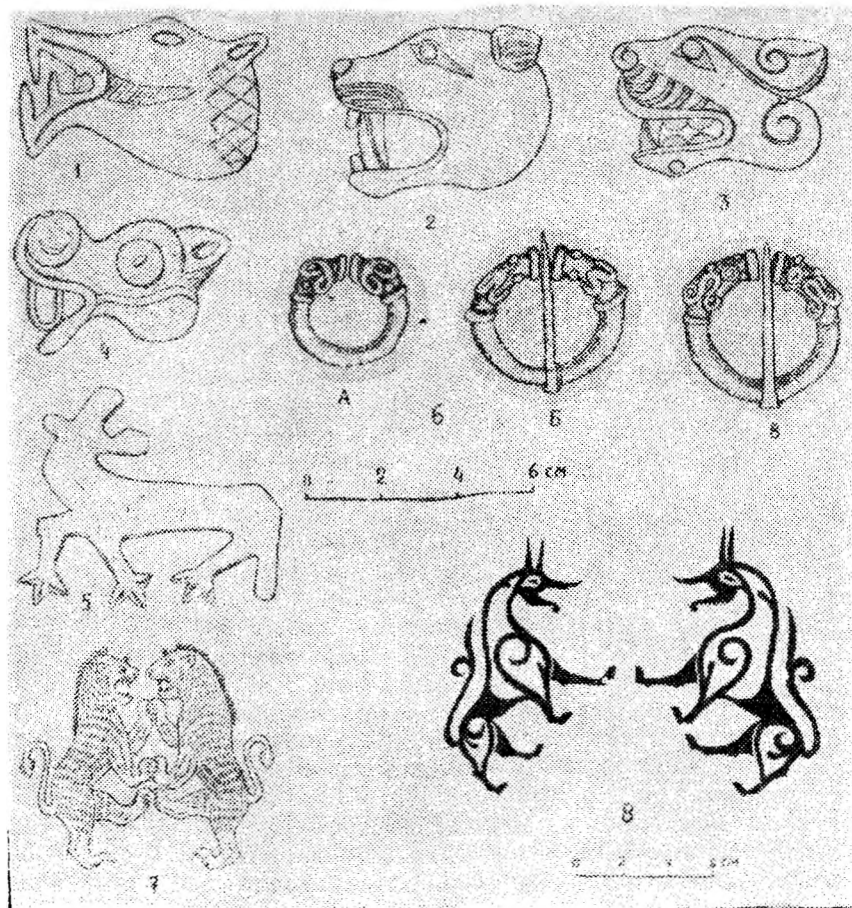

Табл. I.

- Рис. 1. Серебряная бляшка VI—V вв. до н. э. из Хабадинского могильника.
 Рис. 2. Бронзовая сбруйная бляшка VI—V вв. до н. э. из кургана у сел. Журовка Черкасской области.
 Рис. 3. Деревянная бляшка V в. до н. э. из горного Алтая (коллекция Фролова).
 Рис. 4. Бронзовая бляшка VI—V вв. до н. э. с Аркаского поселения.
 Рис. 5. Бронзовая бляшка VI—V вв. до н. э. из Урцекского могильника.
 Рис. 6. Зооморфные бронзовые пряжки III—V вв. из Урцекского могильника.
 Рис. 7. Изображения зверей на электровом зеркале VI в. до н. э. из Келермесского кургана. Деталь.
 Рис. 8. Изображения зверей на тулове бронзового котла XIV в. из Кубачи (Государственный Эрмитаж).

рии кружка дугой отмечена выемка. Глаз обозначен кружком с точкой-зрачком в центре. Острое в конце ухо оттянуто назад. На щеке — продольная неширокая, слегка изогнутая лента.

Аркасская головка хищника отличается от хабаринской большей стилизацией изображения, преобладанием декоративности, условности над реалистичностью, так что вид воспроизведенного животного с трудом поддается определению. И все же, несмотря на орнаментальную трактовку таких деталей, как глаз, ноздря, губы, в изображении головы явно проступают черты хищника, а не «лошади с приподнятыми ушами и раскрытым ртом», в котором торчит «согнутый в полуколючку язык», как это считает М. И. Пикуль²⁴. На самом деле здесь мы имеем тот же мотив головы хищника с раскрытой зубастой пастью, но трактованной в условной манере.

Касаясь хабаринской и аркаской бляшек В. Б. Виноградов относит их к числу предметов «весьма своеобразных, но несомненно, навеянных знакомством с савроматскими «волчьими шедеврами»²⁵. О. М. Давудов считает, что у хабаринского изображения головы волка «появление выделенных клыков, видимо, надо приписать влиянию савроматского искусства»²⁶ (М. М.). Однако по стилистическим особенностям хабаринская бляшка не находит убедительных аналогий в изделиях собственно савроматского «звериного» стиля, хотя для последнего очень характерен мотив волка²⁷. Что касается аркаской бляшки, то ввиду очень сильной стилизации изображения животного она может быть сопоставлена не только с савроматскими предметами «звериного» стиля, но и с предметами «звериного» стиля других областей скифского мира.

Изображение аркаской бляшки в целом прямым аналогий не находит. Но по особенностям передачи деталей головы хищника оно сопоставимо с изображением головы свернувшегося кольцом хищника, воспроизведенного на ажурной бронзовой бляхе VI в. до н. э. из Кулаковского кургана близ Симферополя Крымской области²⁸, а также с изображением головы хищника на аналогичных кулаковскому бляхах²⁹, распространенных на обширной территории Евразии, передающих свернувшихся кольцом зверей, у которых глаз и ухо переданы кругами, а рельефно

²⁴ Там же, стр. 69, 95.

²⁵ В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время, стр. 168.

²⁶ О. М. Давудов. Культура Дагестана эпохи раннего железа, стр. 80.

²⁷ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 243.

²⁸ М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, табл. 78; История искусства народов СССР, т. I, стр. 132, рис. 162.

²⁹ М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, стр. 35, рис. 62; его же. Сокровища саков, рис. 38, 174; К. А. Онайко. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье. Культура античного мира, М., 1966, стр. 164—165, рис. 2.

выделенная лента губ в верхней челюсти переходит в круг, обозначающей раздутую ноздрию.

Детали головы аркасского хищника обнаруживают близость и с деталями головы известной золотой келермесской пантеры (VI в. до н. э.), идущей вправо с наклоненной головой, раскрытой пастью и оскаленными зубами³⁰. У пантеры, как и у аркасского хищника, глаз и сильно раздутая ноздря переданы кругами, конец верхнего губного валика слегка отогнут наружу. Сходство прослеживается и в очертании нижней закругленной челюсти с характерным изгибом, образованным оттянутой вниз губой.

Определенное сходство имеют детали аркасской бляшки-головки и с деталями бронзовых головок-бляшек от уздечки из Елизаветинских курганов IV вв. до н. э. Прикубанья³¹.

У головок волков, воспроизведенных на этих бляшках, как и у аркасской головки глаза переданы кругами, острые в концах уши оттянуты назад, на щеке одной из головок отмечена изогнутая лента, а вывернутая наружу губная лента в закрученных концах переходит в раздутую ноздрию.

Следует указать также на значительную близость передачи глаза, вывернутых наружу губ и заостренного вверху уха хищника Саккызского клада³² с передачей этих же деталей аркасской головки.

Исходя из наиболее близких аналогий и характера передачи деталей можно полагать, что аркасская головка хищника представляет собой изделие местных мастеров, изготовленное в манере изображений голов свернувшихся в кольцо, лежащих или идущих кошкообразных хищников — пантер. Пример подобной местной переработки мотива свернувшегося хищника дает нам бляшка, близкая по трактовке изображению аркасской бляшки, найденная в числе других образцов скифо-сибирского «звериного» стиля в Уйгаракском могильнике (Казахстан)³³.

В декоративно-прикладном искусстве Дагестана середины I тыс. до н. э. отчетливо улавливаются и такие элементы, которые связывают его с искусством савроматов VI—IV вв. до н. э., в котором прослеживаются

³⁰ М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов, табл. 22—24. История искусства народов СССР, т. I, стр. 130, рис. 1577.

³¹ Г. Воговка. Scythian Art, табл. 17—В; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 234, 372, рис. 81, 2.

³² Сопоставлено по Б. А. Шрамко. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии. Проблемы скифской археологии, М., 1971, стр. 101, рис. 4, 20; См. также: Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, М., 1959, табл. VI.

³³ О. А. Вишневская, М. А. Итина. Ранние саки Приаралья. Проблемы скифской археологии, стр. 204—205, рис. 7, 2.

«следы большого влияния звериного стиля Причерноморья и Северного Кавказа»³⁴.

Связи эти достаточно четко вырисовываются на примере литой пластинчатой бронзовой бляшки VI—V вв. до н. э. из Урцекского могильника в виде изображения в профиль хищного животного (барса?) с повернутой назад головой и раскрытой пастью (Табл. I, 5). Бляшка отлита в односторонней литейной форме, оборотная сторона ее, как и лицевая, плоская.

У барса гибкое длинное туловище, крутой изгиб шеи, тупая четко очерченная морда с разинутой пастью и довольно массивными челюстями, торчащее округленное ухо, несколько грубо моделированные ноги (их всего три) с когтистыми лапами в виде острых отростков. Одна из передних ног, очевидно, правая, полусогнута и как бы приподнята, а левая отставлена назад, к которой подведена и задняя нога. Судя по всему, барс изображен стоящим.

По трактовке это изображение барса близко к изображению хищника кошачьей породы с повернутой назад головой и оскаленными зубами, помещенного в центре круглой прорезной бляхи из Прикубанья (район г. Майкопа)³⁵. Еще более близкие аналогии изображению урцекского барса имеются в савроматских памятниках Южного Приуралья и Нижнего Поволжья — в изображении хищника на роге лося, найденном в кургане № 4 группы Пятимары I, и на бронзовых литых обоймах уздечного набора из кургана № 43 Суловского могильника³⁶. На роговой пластине из кургана группы Пятимары в высоком рельефе изображена стоящая фигура медведя с повернутой назад головой и раскрытой пастью, кусающего за нос копытное животное, расположенное на пластине перпендикулярно медведю³⁷.

Большое сходство в трактовке хищников и почти одинаковая передача их частей — повернутой назад головы с раскрытой пастью, шеи, туловища, трекогтистых лап, несмотря на различие материала изготовления урцекской и пятимарской находок позволяют говорить об их определенной генетической связи. К. Ф. Смирнов считает вероятным, что мотив хищника с повернутой назад головой и раскрытой пастью у савроматов «развился из композиции борьбы животных, представленной, например, на роговой пластинке из группы Пятимары, где изображена сцена борьбы хищников с травоядными»³⁸. Возможно, что и урцекская бляшка составляла часть аналогичной композиции. Об этом позволяет

³⁴ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 243.

³⁵ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 228; рис. 81, 1.

³⁶ Там же, стр. 228; рис. 13—5 б, 33, 79.

³⁷ Там же, рис. 33, 79—6.

³⁸ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 228.

думать, то что на правом верхнем конце бляшки имеется косой срез, представляющий линию отлома от другой ее части, составляющей вместе с ней одну композицию.

Сам по себе образ хищника кошачьей породы с повернутой назад головой и раскрытой пастью принадлежит к числу мотивов древне-восточного переднеазиатского происхождения³⁹. Он известен и в скифо-сибирском искусстве, но считается заимствованным из переднеазиатского искусства⁴⁰.

Судя по тому, что в эпоху средневековья в Дагестане изображения стоящих барсов с повернутой назад головой, раскрытой пастью, приподнятой передней лапой, т. е. в той позе, в какой изображен урцекский барс, получают широкое распространение⁴¹, можно предполагать, что в скифское и последующее время подобные мотивы, представленные пока урцекской бляшкой, были достаточно хорошо известны и популярны.

Отмеченные же выше сходства предметов «звериного» стиля савроматов и древних племен Дагестана находят объяснение в оживленных связях, установившихся между населением Северо-Восточного Кавказа. Нижнего Поволжья и Южного Приуралья еще в эпоху бронзы, ставших более регулярными в середине I тыс. до н. э.⁴²

Исследованиями Е. И. Крупнова, К. Ф. Смирнова, В. Б. Виноградова установлено, что в результате этих связей культура Центрального и Северо-Восточного Кавказа впитала в себе элементы савроматского «звериного» стиля⁴³. Внедрению савроматских элементов в прикладное ис-

³⁹ K. Schefold. Der Skythische tierstile sudruss lend.—E. S. A. XII, Helsinki, 1938, стр. 600. М. Rostoyzeff. The Animal in South Russia and China, Leipzig—London; С. И. Руденко. Искусство скифов Алтая, М., 1949, стр. 26, 52—53.

⁴⁰ В. А. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, № 1, стр. 94; К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 243; его же. Савромато-сарматский «звериный» стиль. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии, стр. 11.

⁴¹ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. Резные камни, М., 1931, табл. 66; Э. В. Кильчевская. Декоративное искусство аула Кубачи, М., 1962, табл. V, 4, 5. Ее же. От изобразительности к орнаменту, М., 1968, стр. 128, рис. 75. В аналогичной позе изображались не только хищные животные, но и травоядные, см. Э. В. Кильчевская. Декоративное искусство аула Кубачи, табл. II, 4, табл. IV, 8.

⁴² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 294, 347; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 269; В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время, стр. 84 и сл.; О. М. Давудов. Культура Дагестана эпохи раннего железа, стр. 108—109.

⁴³ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 106—107; его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 289—290, рис. 50, 1—4; К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 265—269, рис. 81, 1—11; В. Б. Виноградов. К выделению предкавказского варианта в скифо-сибирском «зверином» стиле. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии, стр. 22—23; его же. Новые находки предметов «скифо-сибирского» звериного стиля в Чечено-Ингушетии. СА, 1974, № 4, стр. 258—263.

куство, отчасти и в материальную культуру дагестанских племен способствовало также проникновение ираноязычного населения степей Поволжья в центральные и предгорные районы Северного Кавказа⁴⁴. В то же время, как отмечает К. Ф. Смирнов, «Кавказ в свою очередь оказывал влияние на развитие «звериного» стиля савроматов»⁴⁵.

Нахождение предметов, выполненных в традициях скифо-сибирского «звериного» стиля не только в предгорье, но и в высокогорной части Дагестана свидетельствует о довольно значительном распространении их, хотя в силу очень слабой изученности памятников середины I тыс. до н. э. число таких предметов, как указано выше, сравнительно немного. Мнение В. Б. Виноградова о том, что «племена поздней каякентско-хорочоевской культуры оказались фактически в стороне от популярнейшей моды: в их памятниках образцы скифо-сибирского «звериного» стиля и подражающие им предкавказские зооморфные изображения крайне редки и художественно-маловыразительны»⁴⁶ выражает не реально существовавший уровень развития зооморфной пластики древних племен Северо-Восточного Кавказа⁴⁷, а современное состояние исследования археологических памятников этого края, относящихся к эпохе раннего железа. О том, что у древних племен Дагестана зооморфные изображения были распространены и в художественном отношении они достаточно ярки и выразительны свидетельствуют приведенные выше примеры, а также реминисценции «звериного» стиля, прослеживаемые в памятниках более позднего времени.

В произведениях прикладного искусства албано-сарматского времени традиции скифо-сибирского «звериного» стиля улавливаются в приемах стилизации зооморфных изображений пряжек из Урцекского могильника⁴⁸, а также в геральдическом принципе расположения этих изображений (табл. I, 6, а, б, в).

⁴⁴ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 167—169; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 10—16; его же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 39 и сл.

⁴⁵ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 259.

⁴⁶ В. Б. Виноградов. К выделению предкавказского варианта в скифо-сибирском «зверином» стиле, стр. 23.

⁴⁷ Искусство племен каякентско-хорочоевской культуры вообще не могло испытать воздействия скифо-сибирского искусства, поскольку культура эта относится к поздне-бронзовой эпохе, см.: В. М. Котович. Верхнегунубское поселение. Махачкала, 1965, стр. 250; М. Г. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, стр. 153 и сл.; В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 10—14, 78—84; В. Г. Котович. Об историческом месте каякентско-хорочоевской культуры. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований 1970 г. в СССР (дополнительный выпуск), Тбилиси, 1971, стр. 19—21.

⁴⁸ М. М. Мамаев. Зооморфные пряжки Урцекского могильника. СА, 1970, № 4, стр. 219—221.

Несмотря на значительный хронологический разрыв, реминисценции скифо-сибирского «звериного» стиля сохраняются, как и в произведениях искусства Древней Руси, Кавказа, Приуралья, Поволжья, Алтая⁴⁹ и в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана — в передаче некоторых сюжетов и мотивов — сцен борьбы животных, отдельных геральдических композиций (табл. I, 7, 8), в трактовке орла, грифона, оленя и т. д., воспроизведенных на каменных рельефах XIII—XIV вв. и на бронзовых котлах того же времени, на что обратил внимание В. И. Марковин⁵⁰. Традиции скифо-сибирского искусства проявляются не только в сюжетах и мотивах, но и в особенностях трактовки художественного образа, в приемах стилизации — сочетании реализма с элементами условности.

⁴⁹ А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 182—184; его же. Реминисценции скифского «звериного» стиля. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии», стр. 56 Там же, см. А. А. Лелеков. Наследие «звериного» стиля в искусстве средневековья и Древней Руси, стр. 57—58; Г. К. Вагнер. О судьбах скифо-сарматского «звериного» стиля в искусстве Древней Руси, стр. 59—61; А. П. Уманский. Памятники скифо-сибирского «звериного» стиля и его традиции в искусстве древних племен Алтайского Приобья, стр. 64—67.

⁵⁰ В. И. Марковин. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия), СА, 1965, № 2, стр. 173.

СУМБАТЛИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

На правой пологой надпойменной террасе р. Кулинка, в 500 м. к юго-востоку от селения Сумбатль Кулинского района находится могильник, ныне используемый под посевную площадь (табл. 1). О его существовании стало известно лишь после случайных находок, сделанных при дорожных работах. В 1969 и 1970 годах могильник стал объек-

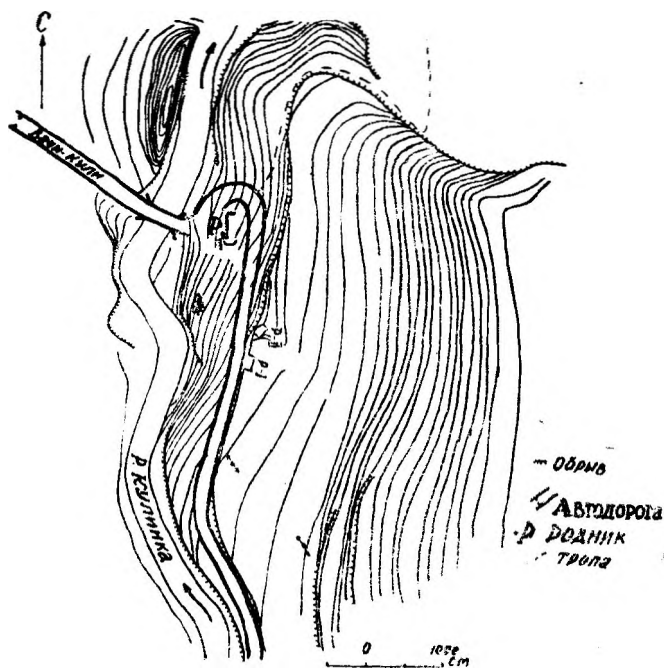

Табл. I. План Сумбатлинского могильника.

том исследования археологического отряда Института ИЯЛ под руководством автора настоящей статьи. На двух раскопах площадью 162 кв. м. было исследовано четырнадцать каменных гробниц и один склеп (табл. II).

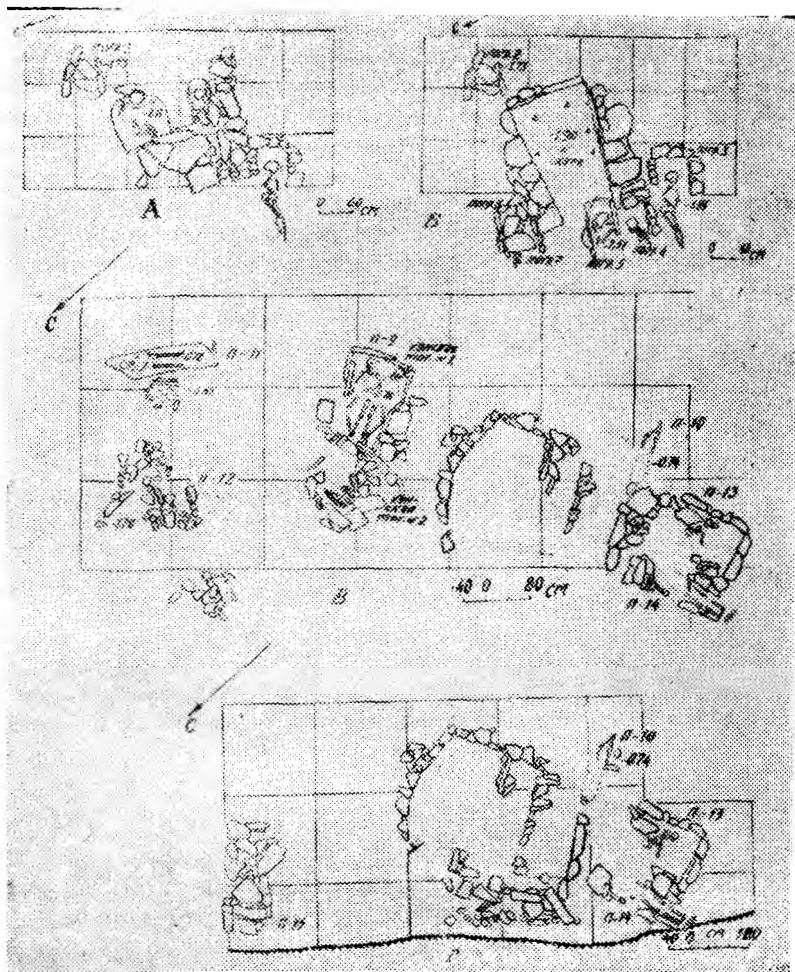

Табл. II. План раскопов Сумбатлинского могильника.

- А — первый слой раскопа 1969 г.;
- Б — второй слой раскопа 1969 г.;
- В — первый слой раскопа 1970 г.;
- Г — второй слой раскопа 1970 г.

Каменные гробницы представляют собой погребальные сооружения, воздвигнутые в специально выкопанных ямах из сравнительно мелких камней в сочетании с вертикально установленными плитами. Они перекрыты поперечно уложенными плитами: иногда полы их вымощены такими же плитами; имеют в плане форму вытянутого четырехугольника, иногда узкого длинного ($2 \times 0,35-0,4$ м.), иногда короткого широкого ($0,75 \times 0,48$ м.). В основном гробницы содержали одиночные захоронения. Встречены также парное и парное вторичное погребения. В одном случае в гробнице костяк вовсе не встречен.

Склеп воздвигнут из сравнительно мелких камней в специально выкопанной на наклонной поверхности яме и изнутри облицован плитами. Сторона с лазом, очевидно, выходила на поверхность. Каменные плиты служили и перекрытием и ограждением лаза погребального сооружения. От погребенных осталось лишь пять черепов и перемешанные кости различных скелетов.

На первом раскопе могила № 1, залегавшая на гл. — 1,6 м. от 0, перекрывала склеп, верхняя часть которого находилась на глубине 1,78 м от 0. Чуть ниже склеп перекрывался могилой № 5, залегавшей на глубине 1,93 м. от 0. Могилы № 1 и № 5 залежали в одном слое. В этом же слое залежали могилы № 2, 3, 4 и 6. Могилы № 7 и 8 (склеп) образуют другую стратиграфическую группу. На втором раскопе могилы №№ 9—14 залежали в одном слое. Могила № 15 залежала ниже уровня залегания пола могилы № 9.

Если сопоставить могилы обоих раскопов, то могилы №№ 7, 8 и 9—14 образуют одну стратиграфическую группу, а могилы №№ 1—6 — другую. Особняком стоит безынвентарная могила № 15, залегавшая в самом нижнем слое, но для удобства статистического подсчета приводится нами вместе с могилами 7—14.

Подавляющее большинство могил ориентировано на юго-восток (66,6%). Из них 40% сосредоточено в верхнем слое, 26,6% — в нижнем; 13,3% могил нижнего слоя ориентированы на северо-восток и 13,3% — на северо-запад и 6,65% — на восток.

Ориентировка	Нижний слой		Верхний слой	
	кол-во	%	кол-во	%
юв — сз	4	26,6	6	40
в — з	1	6,5	—	—
сз — юв	2	13,3	—	—
св — юз	2	13,3	—	—

На могильнике встречаются скорченные на боку, полускорченные, вторичные и вытянутые костяки. В верхнем слое встречены костяки.

сильно скорченные и полускорченные на правом и левом боку. Подавляющее большинство костяков нижнего слоя вытянуты на спине, однако положение рук и ног отличало их друг от друга. В гробницах 11 и 14 ноги вытянуты, а кисть полусогнутой правой руки лежала на тазе. В гробнице № 9 одна нога каждого из погребенных вытянута, другая полусогнута и сведена у пяток. У костяка из могилы № 10 ноги в щиколотках перекрещены. Из костяков, ориентированных на юго-восток один (6,66%) полускорчен на левом и один — на правом боку, два вытянуты на спине с вытянутой левой или правой ногой и один скорчен на левом боку. Из костяков, ориентированных на северо-запад — один с перекрещенными ногами, а ориентированный на северо-восток имеет вытянутые ноги.

Из 15 могил памятника в четырех (26,6%) полах были вымощены плитами. Причем две из них залегали в верхнем слое, две — в нижнем (по 13,3%).

На могильнике встречены одиночные и коллективные конские захоронения.

Сосуды встречаются в могилах № 1, 2, 8, 9, 12 и 13, предметы вооружения — в могилах № 1, 4, 7, 8, 9, 14, конский инвентарь — в могилах №№ 4, 7, 8, украшения — в могилах № 2, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 13, 14.

В соответствии со стратиграфическими особенностями погребальные сооружения делятся на две основные хронологические группы: раннюю и позднюю.

Ранняя группа, соответствующая могилам из нижнего слоя, характеризуется:

1) погребальными сооружениями в виде узких каменных гробниц с парными и единичными погребениями, а также склепами с коллективными захоронениями;

2) вторичным погребением и вытянутыми на спине погребениями с вытянутыми, перекрещенными и одной вытянутой, другой подогнутой ногами;

3) ориентацией могил в подавляющем большинстве на юго-восток или северо-восток при наличии восточной и северо-западной ориентаций;

4) наличием конских захоронений;

5) находением угольков около костей людей и животных;

6) ломкой мечей и украшений при укладывании в могилу;

7) характерным инвентарем албано-сарматского времени.

Каменные гробницы становятся одним из господствующих типов погребальных сооружений Дагестана, начиная с конца I тыс. до н. э. начала I тыс. н. э. (Тарки — 3), Хабада, Количи, Урцеки, Цархи-Гоцо, Большой Буйнакский курган и средневековые могильники.

Появление каменных гробниц на Карабудахкентском могильнике К. Ф. Смирнов связывает с выделением богатой родо-племенной верхушки¹. Такое объяснение убедительно для могильника, где среди грунтовых могил встречено несколько гробниц с богатым инвентарем, но не убедительно для могильника со сплошными гробницами. Правда, социальная дифференциация могла сыграть определенную роль в первоначальном распространении каменной усыпальницы. Но для этого у нас нет достаточно убедительного источника.

Склепы встречались в Дагестане еще с эпохи бронзы (Ирганай, Муги, Миатли, Чиркей, Манас и др.)². В каякентско-харачоевское время их целиком вытесняют каменные ящики с одиночными и парными захоронениями. Склепы снова появляются в Дагестане лишь в скифское время³. В это время их нет в сопредельных областях. В албано-сарматское время они встречаются на Карабудахкентском № 1, Новолакском, Курклинском и др. могильниках⁴ и становятся одним из ведущих погребальных сооружений в раннем средневековье (Узунтала, Аркас, Дуранги, В. Каранай, Буйнакск, Агачкала, Гапшима, Мегеб, Дегва и др.)⁵. В среднесарматское время они появляются в Карачаево-Черкессии. Коллективные усыпальницы (земляные склепы) встречаются в Крыму и Тамани на рубеже и в первых веках нашей эры⁶.

Причину возрождения склепов в Дагестане, возможно, следует искать в социально-экономическом развитии общества. Из статистического анализа костных остатков дагестанских склепов вытекает, что они принадлежали семьям, где одновременно жили 4—5 человек⁷. Это

¹ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент. МАД. II, Махачкала, 1961, стр. 206—207.

² М. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, стр. 102—105.

³ В. Г. Котович и др. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции Института ИЯЛ Дагфилфа АН СССР. В 1962 г. Махачкала, 1963. Архив ИА АН СССР, д. 2451, стр. 79—81; и х же. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1963 году. Махачкала, 1964. Архив ИА АН СССР, д. 2731, стр. 33—48.

⁴ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 176—183, 186, 188, рис. 18, 30; М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 133—142; О. М. Давудов. Отчет о работе Горного археологического отряда ИИЯЛ Даг. ФАН СССР летом 1969 г. Махачкала, 1970, стр. 7—9, 37—39.

⁵ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963 стр. 45, 46.

⁶ Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкессии. Тр. КЧНИИ, вып. V (сер. ист.), 1966, стр. 143 и сл.; ее же. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, стр. 67; Н. П. Сорокин. Раскопки некрополя Кеп в 1962—1964 гг. КСИИ, 109, стр. 101—107; М. П. Абрамова. Нижне-Джунатский могильник. Нальчик, 1972, стр. 8.

⁷ Количество погребенных в Сумбатлинском склепе не представлено полностью. В склепе из Карабудахкентского могильника № 1, датирующемся двумя столетиями (II—I вв. до н. э.), захоронены 39 покойников. Если подсчитать по формуле, предло-

исключает предположение о их принадлежности классической большой семье. В склепах, как правило, встречаются костяки с богатым инвентарем, среди которого превалирует оружие и конское снаряжение. В них или около них встречаются конские погребения. Из этого вытекает, что склепы оставили члены привилегированных семей, пользующихся конями — дружинниками. Возможно, возрождение склепов в скифское время и их бытование в албано-сарматское и раннесредневековое время объясняется появлением и существованием вооруженных всадников — дружинников, стремящихся занять в обществе привилегированное положение.

Вытянутые на спине погребения с перекрещенными ногами довольно часто встречаются на могильниках Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени⁸, а погребения с одной вытянутой, другой полусогнутой ногами пока единичны на анализируемом могильнике. И тот и другой обряд, характерный для меотов, начиная с III в. до н. э.⁹, получили распространение среди сармато-аланских племен лишь во II—III вв.¹⁰ и проникли в Дагестан по всей вероятности при посредничестве ираноязычных кочевников. Захоронения на спине с вытянутыми ногами, широко распространенные на памятниках Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени, также появились здесь вместе с сарматским влиянием¹¹. Что касается обряда вторичного погребения, то он также встречается на могильниках Дагестана албано-сарматского времени, причем процентное его соотношение увеличивается по мере продвижения на юг.

Обряд захоронения коня или его снаряжения появился в Дагестане в скифское время и продолжает бытовать в раннем средневековье.

Среди погребального инвентаря особое место занимает керамика, представленная толстостенными и тонкостенными изделиями и их фрагментами.

Толстостенная керамика вылеплена из теста с примесью грубо истолченного гравия. Обжиг такой керамики слабый, цвет коричневато-

женной С. С. Сорокиным, (С. С. Сорокин. О хронологических формулах и значении термина «могильник». — В сб.: Успехи среднеазиатской археологии, вып. 3, Л., 1975, стр. 17—22) одновременно в такой семье могли жить 4—5 человек. Эти выводы могут быть отнесены и к Сумбатлинскому склепу.

⁸ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 186, 193, 204—206; его же. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки, стр. 235, 236, рис. 5; М. И. Пиккуль. Ук. соч., стр. 132; В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, II, стр. 42, 50; Д. М. Атаев. Ук. соч., стр. 47, 48; его же. Некоторые средневековые могильники Аварии. МАД, II, стр. 229, 242.

⁹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинск. МИА, 23, М.—Л., 1951, стр. 170 и сл.

¹⁰ М. П. Абрамова. Нижне-Джулатский могильник, стр. 12.

¹¹ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 259; Н. Д. Путинцева. Верхнечирютовский могильник. МАД. II. Махачкала, 1961, стр. 254.

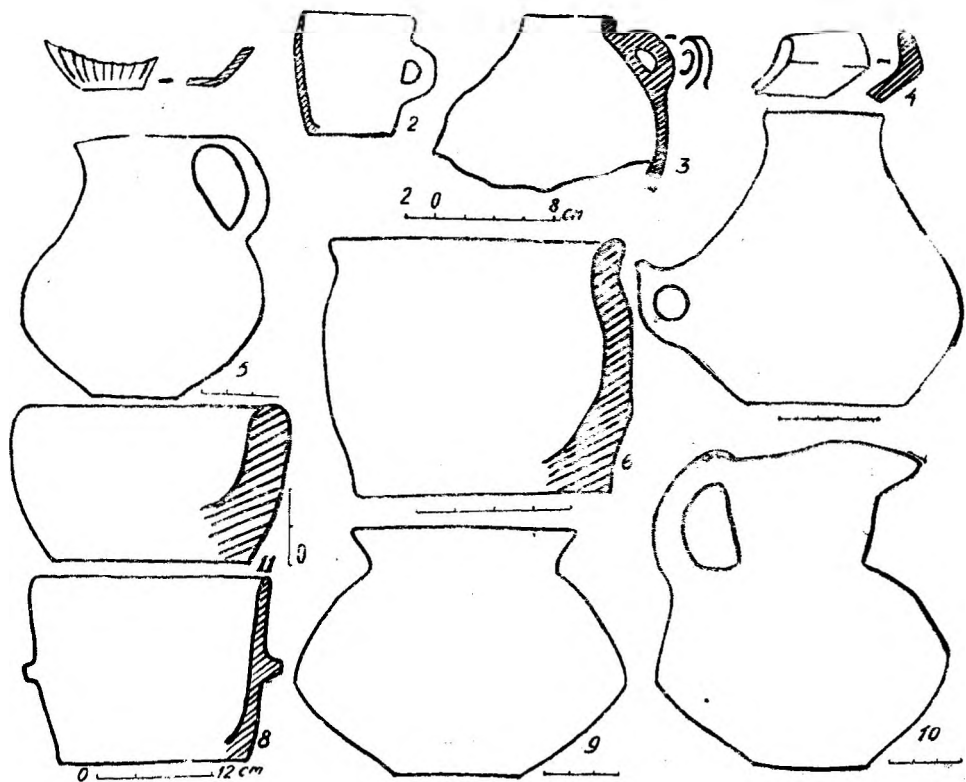

Табл. III. Керамика из раскопок Сумбатлинского могильника.

1—4, 8 — вне могил; 5, 11 — из мог. 12; 6 — из мог 8; 7 — из мог. 9:10 — из мог. 13.

красный. Целыми сохранились: два баночных сосуда (табл. III, 6, 8), в том числе со сложными ручками¹², миниатюрная мисочка (табл. III, 11)¹³. Все они генетически восходят к изделиям эпохи бронзы и продолжают бытовать на памятниках Дагестана и Чечни албано-сарматского времени¹⁴.

¹² Высота первого сосуда — 6,6 см., диаметр венчика — 7,7 см., диаметр дна — 6,8 см., диаметр тулова — 8 см.; высота второго сосуда — 9,6 см., диаметр венчика — 12,4 см., диаметр дна — 10,2 см.

¹³ Высота сосуда — 4,1 см., диаметр венчика — 7,2 см., диаметр дна — 5,3 см.

¹⁴ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, стр. 173, рис. 10, № 214, стр. 181, рис. 22, № 346; В. Б. Вино-

Тонкостенная керамика, представленная целыми сосудами и фрагментами с лощеной серого аспидно-серого, коричневого цветов поверхностью, а также красноглиняными в том числе, ангобированными образцами, вылеплены из теста с незначительной примесью дресвы и шамота. Среди этих сосудов имеются: красноглиняный ангобированный горловиной (четыреугольная в сечении ручка с площадкой на верху прикреплена к тулову сосуда) — табл. III, 7; ¹⁵ красноглиняный местами переходящий в светло-коричневый цвета кувшин со сливным носиком, устойчивым дном, полусферическим туловом и пологими плечиками, соединенными с венчиком круглой ручкой с тремя вдавленными на верху (табл. III, 10) ¹⁶; сероглиняный горшок с ребристыми боками, устойчивым дном и покатыми плечиками, резко переходящими в отогнутый венчик (на шейке друг против друга просверлены два отверстия) — табл. III, 9 ¹⁷; сероглиняный кувшин с короткой цилиндрической шейкой в раструб, крутыми плечиками, полусферическим туловом и устойчивым дном. Ленточная ручка соединяет венчик сосуда с его плечиками (табл. III, 5) ¹⁸.

Мечи в комплексах нижнего слоя Сумбатлинского могильника представлены двумя образцами с кольцевидными навершиями и перекрестьем, откованным из согнутой пополам узкой полосы, а также шестью двухлезвийными образцами без наверший и перекрестий. Имеются и два двухлезвийных кинжала без наверший и перекрестий ²⁰. Все они железные. В склепе вместе с мечами найдены железный крюк,

градов. В. И. Марковин. Могильник «Яман-су» на границе Чечни и Дагестана. АЭС, т. II, Грозный, 1968, стр. 158, 159; В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 58, 59, рис. 25.

¹⁵ Высота: сосуда — 15 см., тулова — 5,5 см., плечиков — 7 см., шейки и венчика — 2,5 см. Диаметр: дна — 7,8 см., тулова — 14—15 см., венчика — 6 см.

¹⁶ Высота: сосуда — 13,3 см., тулова — 3 см., плечиков — 4,8 см., шейки и венчика — 5,5 см. Диаметр: дна — 9 см., тулова — 13 см., шейки — 3,8 см., венчика — 8×9 см.

¹⁷ Высота: сосуда — 10,6 см., тулова — 3,5—4 см., плечиков — 4,6—5,1 см., шейки и венчика — 2 см. Диаметр: дна — 9 см., тулова — 15 см., шейки — 7 см., венчика — 10,2 см.

¹⁸ Высота: сосуда — 11,7 см., тулова — 3,5 см., плечиков — 5,7 см., шейки и венчика — 2,5 см. Диаметр: венчика — 6 см., шейки — 4,6 см., тулова — 12 см., дна — 7 см.

¹⁹ Размеры более сохранившегося меча: Длина рукоятки — 13,5 см., диаметр кольца навершия — 2,8 см., длина сохранившегося клинка — 21 см., ширина клинка у основания — 7 см., перекрестье — 9,5×0,9 см.

²⁰ Меч из 7 могилы сохранился в виде пяти обломков и составляют 56 см., ширина клинка у основания — 4,5 см. Штырь (0,2×0,3×6,3 см) в клинок переходит плавно. В могиле найдены три обломка, составляющие 50 см. Ширина основания обломка — 4,5 см. В могиле найден длинный меч с заостренным концом. Переход от клинка в штырь плавный. Длина — 91 см, длина штыря — 12 см., ширина — 3,5 см. В могиле № 11 найден небольшой обломок железного меча и пряслицевидное

а в девятой могиле — бронзовая усеченно-бипирамидальная бусинка и миниатюрная пряжка, являющиеся деталями портупей воина (табл. V, 1, 3, 4, 7, 13).

Железных наконечников копий на могильнике найдено четыре. Два фрагментированы. Два целых имеют короткие листовидные перья и длинные втулки. Перья имеют максимальное расширение в нижней части и линзовидную форму в сечении (табл. V, 2)²¹.

Железные наконечники стрел представлены плоскими черешковыми с опущенными крыльями («площики») — 4 экз., а также и черешковыми трехлопастными — 6 экз., среди которых выделяются типы: с лопастями, срезанными под прямым углом к стержню (3 экз.) и с лопастями, срезанными под тупым углом к стержню (2 экз.) Табл. IV, 9, 10; V, 11, 12.

Среди украшений выделяются: бронзовая височная подвеска в виде кольца с расходящимися под углом длинными концами, обломок бронзовой пряжки с разомкнутыми зооморфными концами, бронзовая дуговидная фибула с полусферической спинкой, зеркала из белого металла с рельефным орнаментом на обороте (их три варианта: 1) с коническим выступом в центре и валиком по краю диска и бокового ушка²², 2) с валиком по краю диска и коническим выступом в центре, заключенным в квадрат²³, 3) с валиком по краю диска и коническим выступом в центре, от которого радиально расходятся рельефные линии)²⁴, плакетки из египетского фаянса: одна с изображением лягушки, другая — скарабея со змеевидным изображением на обороте (табл. IV, 1, 6, 11).

Конский инвентарь представлен удилами и псалями. Одни удила (табл. IV, 23) имели подвижные кольца для соединения с ремнями узды, другие — крестовидный псалий.

Наиболее архаичны среди инвентаря могильника височная привеска в виде кольца с расходящимися под углом длинными концами из моги-Привески в виде кольца с расходящимися под углом концами встречаются на территории Дагестана, начиная со скифского времени (ранние комплексы Хабадинского могильника) и бытуют в албано-сарматское

стеклянное изделие, служившее навершием. В могиле № 14 найдены остатки ножен меча. С могильника происходит еще один такой же меч и два кинжала, напоминающие по форме мечи. Их концы заострены. Длина обоих кинжалов — 26,3 см, длина штырей — 4—4,5 см, ширина у основания клинка — по 4 см.

²¹ Длина втулки — 10,8 см., длина сохранившейся части пера — 7,3 см., диаметр втулки — 2,3 см., наибольшая ширина пера — 4 см.

²² Диаметр диска зеркала — 5,2 см., размер бокового ушка — 2,2×2,1 см., размеры овального отверстия ушка — 0,8×0,6 см.

²³ Диаметр диска зеркала — 1,6 см.

²⁴ Диаметр диска зеркала — 6,2 см., размер бокового ушка — 1,8×1,6 см., размеры отверстия ушка — 0,9×0,7 см.

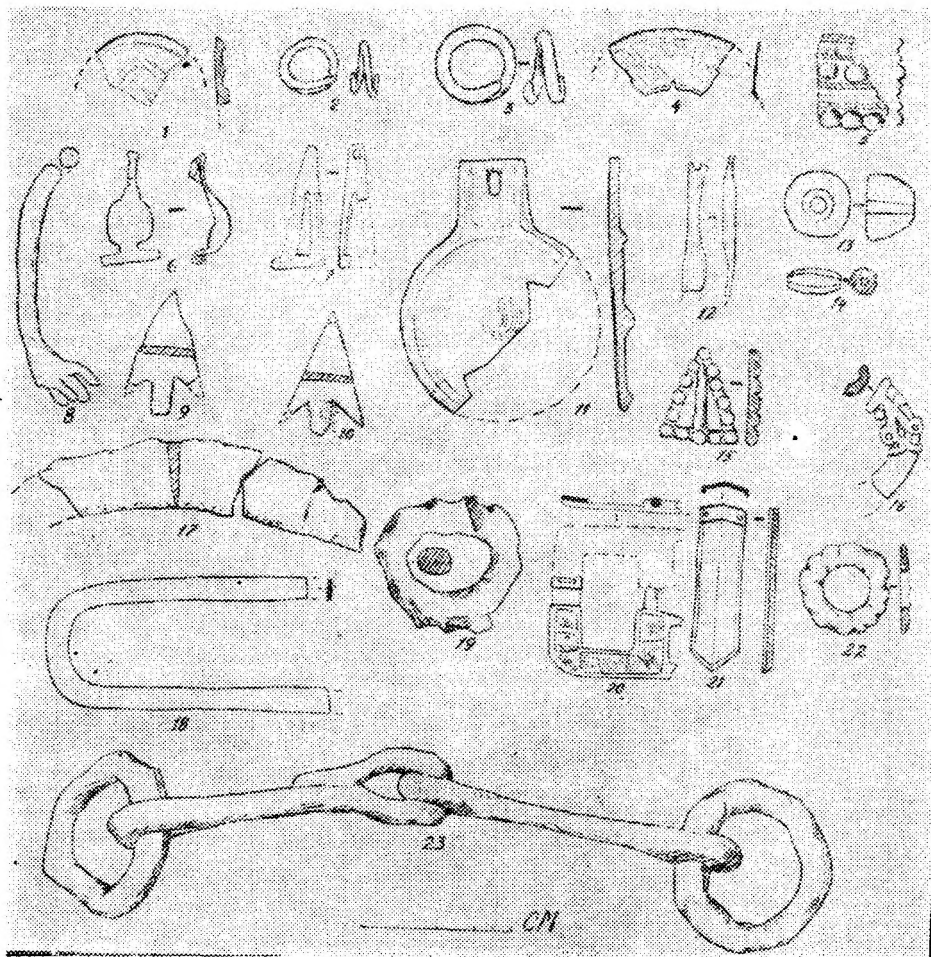

Табл. IV. Инвентарь из Сумбатлинского могильника.

3, 4, 9, 10, 12—14, 17, 19, 20, 22 — вне могил; 1, 11 — из мог. № 13; 2, 7, 8 — из мог. № 12; 5, 16 — из мог. № 8; 6 — из мог. № 9; 15 — из мог. № 3; 18 — из мог. № 14; 21 — из мог. № 5; 23 — из конского погребения № 1 мог. № 9; 1, 11, 21 — металлы белого цвета, 2 — серебро, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 12, 15, 16, 18, 20, 22 — бронза; 9, 10, 19, 23 — железо; 13, 14 — стекло.

время (Хабединский, Карабудахкентский I, Гапшиминский, Тарлан-Какский могильники)²⁵. Встречаются они изредка и на территории Северного Кавказа и Поволжья²⁶.

Дагестанские привески типологически делятся на разновидности с длинными концами и с короткими. Первые относятся к скифскому времени, а вторые — к албано-сарматскому²⁷. Наша находка из склепа типологически примыкает к образцам и албано-сарматского времени.

Вместе с привеской встречены плакетки из египетского фаянса с изображением лягушки и скарабея, зеркала с боковым ушком и рельефным солярным орнаментом на обороте, железные мечи и кинжалы без наверший и перекрестий.

Скарабеи в Дагестане встречены в ранних комплексах Гапшиминского могильника и в окрестностях сел. Карабудахкент²⁸. Аналогичные плакетки — были широко распространены на Кавказе в I в. до н. э. — III в. н. э.²⁹

Зеркало с солярным орнаментом на обороте находит аналоги среди материалов Урцекского комплекса³⁰. По мнению А. М. Хазанова зеркала с солярным орнаментом или выступом, заключенным в квадрат, датируются II—III вв.³¹

Длинные железные мечи и кинжалы без наверший и перекрестий с плавным переходом от клинка к штырю находят аналоги в погребениях Хабединского (погр. 7, 9 раск. 1957, погр. 6 раск. 1966 — 3 экз.)³², Тар-

²⁵ М. Маммаев. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени. УЗ ИНИЛ, т. 19, Махачкала, 1969, стр. 199, 200, рис. 4, 15—17.

²⁶ И. В. Сеницын. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам в 1954—1955 гг.). МИА, 78, М., 1960, стр. 34, рис. 11, 13; Г. А. Федоров-Давыдов, П. С. Вайнер, Т. В. Гусев. Исследование трех усадеб в восточном пригороде нового Сарая (Царевского городища). — В сб.: «Города Поволжья в средние века», М., 1974, стр. 105, табл. V, 6.

²⁷ М. И. Пикуль. Хабединский могильник МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 154, табл. IX, 2, 7.

²⁸ В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 274, рис. 5, 1; В. Б. Виноградов. Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев. АЭС, т. II, Грозный, 1968, стр. 42.

²⁹ Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, I, 1958, стр. 24.

³⁰ М. Маммаев. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища, стр. 215, 216, рис. 9, 9, 3, 1.

³¹ А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 4, 1963, стр. 67.

³² М. И. Пикуль. Хабединский могильник, стр. 145, табл. III, II; О. М. Давудов. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X—IV вв. до н. э.). Махачкала, 1968, стр. 30, рис. 7.

лан-Какского (1 экз.)³³, Карабудахкентского третьего (1 экз.)³⁴, Таркинского (1 экз.)³⁵, Цийшинского (ок. 12 экз.) могильников и Большого Буйнакского кургана³⁵. По А. М. Хазанову эти мечи (тип 2) возникли в среде сарматских племен очень рано и получили массовое распространение в позднесарматское время. Распространение на Северном Кавказе этого оружия связано с продвижением аланских племен и его взаимствованием у них местными племенами³⁷. Основная масса этих мечей имеет нижнюю дату в пределах II в. н. э. Именно к этому времени, очевидно, и относится начало функционирования склепа. А верхнюю дату склепа определяют не только собственные материалы, но и материалы перекрывающих его могил.

Железные удила с крестовидными псалями, встреченные в могиле № 7, находят аналоги в комплексах III—II вв. до н. э. могильников Северного Кавказа (Ямансу, Усть-Лабинск)³⁸, однако вместе с ними встречен длинный меч без навершия и перекрестья, появление которого в Дагестане трудно отнести глубже II в. н. э. Очевидно, этим же временем следует датировать и погребение № 7.

В могиле № 9 найдены мечи с кольцевидными навершиями, а также мечи и кинжалы без навершия и перекрестий, красноангобированный кувшин с ручкой на тулове, а также фибула с полусферической дужкой.

Наиболее близок к кувшину из девятой могилы (табл. III, 7) сосуд из Гецатлинского могильника I—III вв. Несколько трансформированы более поздние сосуды из Гапшинского III—VII вв., Таргунского, Карабудахкентского № 3 могильников раннесредневекового Дагестана³⁹. Кувшины, аналогичные тем, что выявлены в могиле № 9 Сумбатлинского могильника встречаются в хорошо датированных комплексах I в. до н. э.—I в. н. э. Поволжья и Северного Кавказа⁴⁰.

Мечи с кольцевидными навершиями типа, выявленных в погребении

³³ В. Г. Котович. Отчет о работе Чиркейского отряда ДАЭ 1959 г., РФ ИИЯЛ, д. 101/22643, стр. 8, 9.

³⁴ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени, стр. 213.

³⁵ Его же. Археологические исследования в районе селения Тарки, стр. 259.

³⁶ М. П. Абрамова. Большой Буйнакский курган (в печати).

³⁷ А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 21; М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, стр. 149, 150.

³⁸ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, 23, М.—Л., 1951, стр. 184, рис. 12, 11, 12; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Могильник «Яман-су» на границе Чечни и Дагестана, стр. 172, рис. 16.

³⁹ В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, Н. Д. Путинцева. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 280, 281, рис. 8, 3, 5; К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени..., стр. 212, рис. 37, № 100; В. Г. Котович. Отчет о работе Горного отряда ДАЭ в 1955 г. РФ ИИЯЛ, д. 2224.

⁴⁰ М. Х. Садыков. Сарматские памятники Башкирии. МИА, 115, М., 1962, стр. 258, рис. 10, 7; М. П. Абрамова. Нижне-Джулатский могильник, стр. 19,

№ 9 нашего могильника, встречены на Карабудахкентском № 1 (компл. II—III вв.) и Бежтинском могильниках. Причем последний могильник в том числе и погребение № 24 с бронзовой треугольной подвеской, мечом с кольцевидным навершием и головной гвоздевидной булавкой с просверленным стержнем Д. М. Атаев датирует VIII—X вв.⁴¹

Признавая отнесение большинства погребений к этому времени, мы все же усматриваем более поздние и более ранние погребения могильника, в том числе упомянутое 24 погребение, где господствуют изделия, характерные для памятников Кавказа скифского и античного времен⁴². Мечи с кольцевидными навершиями появляются в III в. до н. э. на территории расселения сарматских племен, в основном в Нижнем Поволжье, Южном Урале, возможно, и Нижнем Подонье и получают широкое распространение в I в. до н. э.—I в. н. э.⁴³ На Северном Кавказе их основная масса бытует в I в. до н. э.—I в. н. э., встречаются они во II в. н. э.⁴⁴ По форме рукоятки и клинка наши мечи аналогичны мечам из комплексов I в. до н. э.—I в. н. э. Нижне-Джулатского могильника Кабардино-Балкарии⁴⁵.

Фибула с полусферической дужкой и шарнирным выступом (табл. IV, 6) находит аналоги среди материалов Карабудахкентского № 3 (камен. гробница № 1) могильника, в комплексах могильника и городища в урочище Урцеки, Большого Буйнакского кургана, а также одна золотая случайно найдена в Хунзахе⁴⁶.

Все эти материалы позволяют определить дату погребения № 9 в пределах II в. н. э.

В могиле № 13 сочетаются два зеркала из белого металлического сплава. Одно имеет конический выступ в центре и валик по краю диска и ушка. Аналогичные зеркала встречены среди инвентаря Таркинского⁴⁷.

рис. 5, 25, 68. Правда, зооморфные ручки из Нижне-Джулатского могильника имеют более реальные черты.

⁴¹ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, рис. 26, 2; Д. М. Атаев, М. Гаджиев, М. Погребова. Отчет о работе горного отряда ДАЭ в 1959 г. Архив ИА АН СССР, д. 1981, альбом д. 1981-а, рис. 25, 4—6.

⁴² Б. В. Техов. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, стр. 229—231, рис. 82, 2; 84, 1.

⁴³ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 103; А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов, стр. 9—12.

⁴⁴ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 78; М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э.—I в. н. э. СА, I, 1959, стр. 61, 62; А. М. Хазанов. Ук. соч., стр. 10.

⁴⁵ М. П. Абрамова. Нижне-Джулатский могильник, стр. 20, рис. 7, 60.

⁴⁶ E. Zichy. Voyages au Caucase et en Asie centrale. Voj. II, Budapest, 1897, p. 431.

⁴⁷ Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 18, рис. 8, а—5; его же. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, М.—Л., 1951, стр. 216, рис. 8, 7; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки, стр. 260, рис. 17, 2.

Карабудахкентского⁴⁸, Урцекского⁴⁹ и др. могильников Дагестана. Характерны они и для памятников Поволжья, Северного Кавказа и южных степей Украины от Крыма до Румынии I—III вв. н. э.⁵⁰ Другое зеркало из могилы № 13 имело валик по краю диска и в центре конический выступ, заключенный в квадрат. Аналогичные зеркала встречены среди материалов Урцекского комплекса⁵¹. Зеркала с соляным орнаментом или квадратом вокруг центрального конического выступа в рамках девятого типа А. М. Хазанов включил в один вариант и датировал II—III вв. н. э.⁵² Это и определяет дату могилы № 13. Дата могилы № 11 определяется по железному мечу без навершия и перекрестья (II—IV вв. н. э.). На этой же глубине залегали могилы № 12 и 14.

Поздняя группа, представленная могилами №№ 1—6 из верхнего стратиграфического слоя, характеризуется:

1) погребальными сооружениями в виде вытянутых прямоугольных каменных гробниц;

2) положением костяков вытянуто на спины, на боку со слегка согнутыми ногами и руками в области таза. Одно погребение было скорченное на левом боку;

3) ориентацией погребенных на юго-восток;

4) остатками ритуальной пищи в виде костей барана;

5) наличием около костей угольков и охры;

6) инвентарем, характерным для средневековых памятников Дагестана.

Каменные гробницы этой группы по структуре не отличаются от гробниц древней группы могил, в частности, от гробниц № 14 и 15. Каменная гробница (мог. № 2) могла принадлежать ребенку. Однако, в ней не обнаружены даже следы от костяка. Возможно, это кенотаф. Каменные гробницы нашего типа широко бытуют на погребальных памятниках Дагестана раннесредневековой эпохи⁵³.

Скорченное на левом боку погребение (мог. № 1), залегавшее в верхнем стратиграфическом слое, генетически связано с обрядом предшествующих эпох. Положение костяков на боку с полусогнутыми ногами,

48 К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени, стр. 207, рис. 4, 72; 26, 340; 33, 44; 34, 91, 92.

49 В. Г. Котович и др. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1963; альбом — д. 172-б, рис. 38, 5.

50 К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 207; А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 4, 1963, стр. 66.

51 М. М. Маммаев. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени, стр. 215, 216, рис. 9, 9, 3, 1.

52 А. М. Хазанов. Указ. соч., стр. 67.

53 Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 40—44.

возможно, следует считать переходным от скорченного на боку к вытянутому на спине обряду. Среди комплексов Большого Буйнакского кургана, Карабудахкентского № 1 и 3, Таркинского и др. могильников Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времен встречаются полускорченные на боку костяки, ориентированные на юго-восток⁵⁴.

В могилах встречаются кости животных, около костей — угольки и кусочки охры.

В целом погребальные сооружения и погребальный обряд поздней группы могил, продолжая традиции предшествующих комплексов, унифицируются.

Керамика, найденная в комплексах из верхних слоев, продолжает традиции производства предшествующего времени. В первом погребении найдены обломки аспидно-серого лощеного горшка с вертикальными каннелюрами и обломок лощеной миски черного цвета. В третьем погребении найдены обломки аспидно-серой лощеной керамики со следами внутренней штриховки, а также фрагменты красноглиняной керамики со следами пачкающегося ангоба на поверхности. Среди ангобированных сосудов, выявленных вне комплексов, выделяются обломок горшка с четырехугольной ручкой на плечике (табл. III, 3), миски с вертикальными бортами и баночные сосуды (табл. III, 2, 8). Все они встречаются в Дагестане, начиная с начала первого тысячелетия до н. э. и продолжают бытовать в раннем средневековье. Аспидно-серый горшок с каннелированным туловом находит аналоги среди керамических изделий Карабудахкентского могильника № 3 (грунтовая могила № 6)⁵⁵, а за пределами Дагестана — среди керамических изделий Северного Кавказа IV—VI вв.

На глубине 1,6 м. от 0 вне комплекса был найден железный наконечник копья с длинной втулкой и коротким пером с чуть закругленным острием (табл. V, 2)⁵⁶. Другой наконечник, также выявленный вне комплекса, плохо сохранился, но аналогичен вышеописанному. Трехлопастный железный черешковый наконечник стрелы, выявленный около могилы № 1, имел срезанные под острым углом к черешку лопасти (табл. V, 11).

Среди украшений имеются треугольная пряжка с железным язычком, украшенным по лицевой стороне рамки линиями из дисковидных миниатюрных полусферических выступов (табл. IV, 15), литые язычки-

⁵⁴ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, стр. 213, 214, рис. 38, № 113.

⁵⁵ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, МИА, 106, М., 1962, стр. 82, 83, 108; рис. 15-а, 1; 24-а, 1,5; 27-а, 2.

⁵⁶ Общая длина — 28,7 см., длина втулки — 16,1 см., длина пера — 12,6 см., диаметр втулки — 3,3 см.

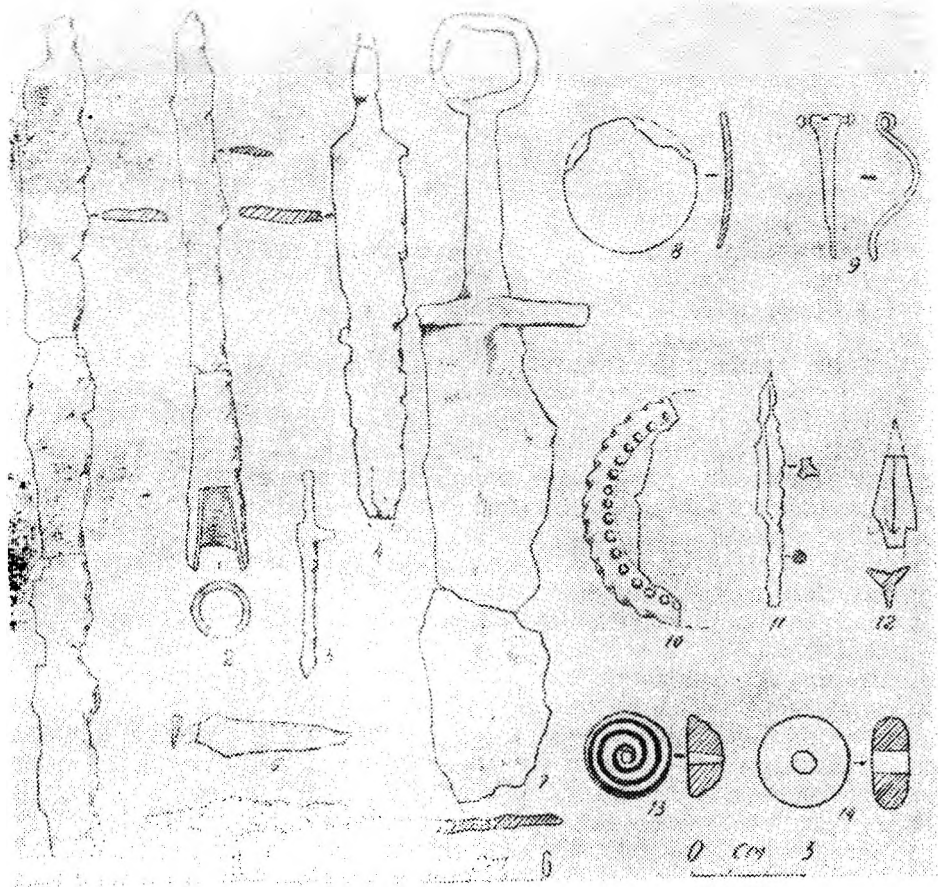

Табл. V. Инвентарь из Сумбатлинского могильника.

1, 4, 6, 7 — из мог. № 9; 3 — из мог. № 8; 5 — из мог. № 3; 2, 8, 9, 10, 11, 12 — вне погребений; 13 — из мог. № 11; 14 — из мог. № 7; 1—7, 11, 12 — железо; 8, 9, 10 — бронза; 13 — стекло; 14 — керамика.

наконечники пояса из металлического сплава белого цвета в виде узких пластинок с заостренными концами продольным выступом, создающим двойную покатость и поперечными резными полосами и двумя отверстиями наверху. Их шесть (табл. IV, 21).

Они выявлены в могилах № 2 и 5 и датируются концом VII—нач. VIII в. н. э.⁵⁷ В этих могилах нет предметов, противоречащих этой дате.

В могиле № 3 найдена треугольная пряжка (табл. IV, 15). Аналогичные пряжки происходят из комплексов V—VII вв. Дагестана (Галла — 1 экз., Урада — 1 экз., Бухты — 1 экз.)⁵⁸.

В могиле № 1 найден железный черешковый наконечник стрелы с тремя лопастями, срезанными под острый угол к черешку (тип из табл. V, 12). Этот тип, редкий для Северного Кавказа, иногда встречается здесь в памятниках II—IV в.⁵⁹ Стратиграфически к могилам № 1—5 примыкает могила № 6.

В целом все могилы из верхнего слоя датируются в рамках IV—VII вв.

Таким образом, могильные комплексы Сумбатлинского могильника датируются в пределах II—III и IV—VIII вв. Однако, встреченные на могильнике архаичные предметы в виде удила с крестовидными псалиями, разрозненные кости, сдвинутые с места при сооружении склепа II—III вв., а также расположение безынвентарной могилы (№ 15) ниже уровня пола девятой могилы II в. свидетельствуют о более древнем времени начала функционирования могильника.

Анализ погребального обряда и инвентаря позволили проследить постепенное развитие материальной культуры племен верховьев Казикумухского Койсу на всем протяжении функционирования могильника с начала первого тысячелетия до н. э. до VIII в. н. э. Следы влияния и взаимовлияния сопредельных культур, в том числе сармат и алан, а также местных племен Закавказья и Северного Кавказа лишь подчеркивают роль и значение местного компонента. Разнообразие погребальных сооружений также не должно нас смутить. Этнография знает немало примеров бытования у единой этнической группы с единой религией разнообразных погребальных сооружений. Судя по письменным источникам, относящимся к событиям VI—VIII вв. в долине и в верховьях Казикумухского Койсу жили предки современных лакцев⁶⁰.

Материалы Сумбатлинского могильника позволяют судить о характере развития материальной культуры местных племен, о степени влия-

⁵⁷ Приношу свою благодарность А. И. Амброзу за любезную консультацию и сведения о неопубликованных аналогичных предметах.

⁵⁸ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, стр. 70.

⁵⁹ А. М. Хазанов. Ук. соч., стр. 40.

⁶⁰ По сведениям Ибн-Руста крепость гумиков существовала еще при деятельности Ануширвана в Дагестане (60 годы VI в.) — А. А. Караулов. Сведения арабских географов IX—X вв. по р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, XXXII. Тифлис, 1903, стр. 49. Баладзори упоминает гумиков в связи с походом Джараха в 20-х годах VIII в. и туман в связи с походом Мервана в 30-х годах VIII в. — Баладзори. Книга завоевания стран. Перев. П. К. Жузе. Баку, 1927, стр. 16, 18. Имеется упоминание о гумиках у Масуди. — А. А. Караулов. Ук. соч., стр. 52.

ния культуры сармато-аланских племен на местную культуру и о контактах местного населения с сопредельными народами и племенами.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ СУМБАТЛИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

(Рис. 2)

РАСКОП 1969 г.

Могила № 1 (кв. кв. 5, 9, 16, 18; гл. — 1,54—1,6 м. от 0) представляет собой остатки разрушенной каменной гробницы с вымосткой пола песчаниковой плитой.

Костяк лежал скорченно на левом боку головой на юго-восток. Лучевые кости согнутой правой руки лежат на тазе. Около костей встречены угольки (табл. II).

Инвентарь: обломок зеркала, железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы, стеклянная бусина и обломки двух керамических сосудов (табл. V, 11; III, 1).

Могила № 2 (кв. кв. 13—16; гл. — 1,71—1,94 м. от 0) представляет собой каменную гробницу размером 0,9×0,6×0,23 м., ориентированную длинной стороной по линии юго-восток-северо-запад. Перекрытие гробницы и вымостка ее пола из песчаниковых плит. Следов от костяка не прослежено (табл. II).

Инвентарь: бронзовая обоймочка, бронзовый наконечник пояса и железный черешковый нож (табл. IV, 21).

Могила № 3 (кв. кв. 11, 12; гл. — 1,8—2,43 м. от 0) представляет собой прямоугольную в плане каменную гробницу с перекрытием из песчаниковых плит. Размеры: 0,6×0,47—0,5×1,0 м. (стенки сохранились лишь у изголовья).

Костяк лежал на левом боку с полусогнутыми ногами, головой на юго-восток. Лучевая кость полусогнутой правой руки располагалась в области таза (табл. II).

Инвентарь: обломки сероглиняной и красноглиняной в том числе ангобированной керамики, железная скоба, бронзовая треугольная пряжка, железный нож с горбатой спинкой, плоскоцилиндрическая синяя (бисер) и усеченно-коническая зеленая бусина (рис. 4, 15; 5, 5).

Могила № 4 (гл. — 1,99 м. от 0) размером 0,3×0,6×1,0 м. (продольная стена сохранилась лишь у изголовья) по конструкции и ориентировке аналогична могиле № 3.

Кости погребенного, видимо, потревожены: череп и трубчатые кости сложены в кучу. Около костей встречены угольки (табл. II).

Инвентарь: обломки железного наконечника копья, железное кольцо и округлые бусы из пасты, стекла синего и прозрачного цветов (типа изображенного на табл. IV, 19).

Могила № 5 (гл. — 1,93 м. от 0) представляет собой каменную гробницу, размером 0,45×0,58×1,0 м. (боковые стенки сохранились лишь у изголовья), ориентированную по линии юго-восток—северо-запад. Она перекрыта песчаниковыми плитами.

От костяка сохранился череп, лежавший на правом виске и около него кости барана и угольки (табл. II).

Инвентарь: пять поясных язычков из белого металла (табл. IV, 21).

Могилы № 6 (гл. — 0,9 м. от 0) и *№ 7* (гл. — 3,03 м. от 0) представляют собой остатки разрушенных каменных гробниц, залегавших одна на другой. Костяк погребения № 6 не сохранился, а от костяка погребения № 7 остались отдельные трубчатые кости. Обе гробницы вытянуты по линии юго-восток—северо-запад. У костей погребения № 7 найдены обломки клинка железного меча и железные удила с крестовидными псалнями.

Могила № 8 (гл. — 1,78—2,0 м., от 0) представляет собой прямоугольный в плане склеп, размером 2,5—2,0×1,5×0,9 м., ориентированный длинной стороной по линии восток—запад. Макс. шириной 0,79 м. оформлен в западной стенке и заслонялся песчаниковой плитой, обломки которой сохранились здесь же. Перекрытие разрушено впущенными могилами №№ 4, 5.

Внутри погребальной камеры встречены разрозненные кости и пять черепов. Возможно остальные костяки были потревожены при сооружении впущенных погребений. Около костей найдены угольки (табл. II).

Инвентарь: красноглиняный лепной сосуд (табл. III, 6), обломки такого же сосуда, обломки аспидно-серого керамического изделия, обломки железных мечей (один в склепе, два других — в стенке погребальной камеры), обломки кинжала без навершия и перекрестья (табл. V, 4), обломки железных удил и кольца (табл. IV, 19), обломки зеркала из белого металла и железного браслета, а также железный крюк (табл. V, 3), железный нож с горбатой спинкой (табл. IV, 17 тип), бронзовая височная петлевидная привеска, обломки перстня, египетские пастовые (одна с изображением лягушки, другая — жука-скарабея), стеклянные бусы (зеленого цвета цилиндрической, четырехгранной, продолговатой формы, из синего стекла в форме плоского цилиндра, продолговатого шестигранника, бисер зеленого и синего цветов — табл. IV, 14).

На расколе вне погребальных комплексов найдены: обломки аспидно-серого кувшина с вертикальными каннелюрами на боках (табл. III, 1) обломки аспидно-серого сосуда со следами внутренней штриховки, фрагменты коричневатой, чернолощенной, красноглиняной керамики, отдельные черепки и сосуды со следами густо-красного ангоба на поверхности (табл. III, 3), плоскоцилиндрическое керамическое пряслице (табл. V,

14), обломки железных ножей и кинжалов, железные трехлопастные и трехгранные наконечники стрел, три втульчатых железных наконечника копий, обломки зеркал из белого сплава с рельефным орнаментом на обороте, бронзовая бляшка, шарнирная дуговидная фибула с треугольной спинкой, бусы из синего прозрачного (тройная), зеленоватого (с вертикальным рифлением, бочковидная) стекла, пасты (оранжевые, инкрустированные), а также округлая сердоликовая с надрезом у отвёрстия (табл. IV, 5).

РАСКОП 1970 г.

Могила № 9 (кв. кв. 2, 3, 7—10; гл.—0,18 м. от 0) представляет собой каменную гробницу, размером 1,97×1,17×0,83 м. с полом, вымощенным плитой.

Перекрытие не сохранилось. Юго-восточная продольная стенка могилы сложена из мелких камней и облицована вертикально установленными плитами.

Захоронение парное, ориентированное на юго-восток. С правой стороны вытянуто на спине лежал мужской костяк. Кисть согнутой его левой руки покоилась поперек пояса, а правая рука вытянута вдоль туловища. Левая нога вытянута, а правая полусогнута и в пятках сведена с левой. Вместе с ним найдены обломки узкого длинного меча без навершия и перскрестья, бронзовая миниатюрная пряжка и бронзовая бусина от темляка. С левой стороны лежал женский костяк в той же позе, что и мужской, но у него правая нога вытянута, а левая полусогнута и сведена в пятках. Вместе с ним найдены красноглиняный кувшин со следами ангоба на поверхности, бронзовая фибула и железный нож.

Около костей встречены угольки. Между плитами правой стенки могилы найдены обломки двух мечей с кольцевидными навершиями, железный кинжал без навершия и перскрестья и два железных ножа (табл. V, 1, 46).

Левый угол изголовья могилы, где лежал женский костяк перекрывался конской могилой. Здесь в овальном каменном сооружении на левом боку с подогнутыми ногами и шеей, изогнутой так, чтобы череп лежал на костях туловища лежал скелет окуня. Он обращен спиной к востоку, а глазами черепа — к северу. У костей найдены угольки, у черепа — удила (табл. IV, 23).

Другая конская могила располагалась у ног мужского погребения и через порог сообщалась с могилой № 9. В овальной яме размером 1,5×1,0 м. найдены кости более десяти коней, одной собаки и отдельные кости крупного и мелкого рогатого скота. Костяки коней, залежавших ниже, представлены отдельными костями, а вышележащие костяки сохранились целыми и лежали на правом или левом боку, животе с подогнутыми ногами, головой в большинстве случаев на север. Лишь на полу ямы найдены обломки аспидно-серой керамики и куски охры. Около

скелета собаки, лежащего на правом боку глазами на запад, найдены 60 бус из зеленого стекла.

Могилы № 10 (кв. кв. 15, 16; гл. 0—0,74 м. от 0) представляет собой остатки разрушенного погребального сооружения с костяком, лежащим вытянуто на спине, головой на северо-северо-запад с перекрещенными у шиколоток ногами (левая подогнута и лежит под правой вытянутой).

Инвентаря нет.

Могилы № 11 (кв. 1, 23; гл. —0,78 м. от 0) представляет собой остатки разрушенной каменной гробницы с полом, вымощенным каменной плитой.

Костяк лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Кисть правой полусогнутой руки лежала в области таза. Около костей угольки (табл. II).

Инвентарь: железный наконечник копья, обломок клинка железного меча, костяная трубочка от темляка, крупная бусина из зеленого инкрустированного стекла (табл. V. 13).

Могилы № 12 (кв. кв. 6, 26, 28, 11; гл. —0,75—1,0 м. от 0) представляет собой остатки разрушенной каменной гробницы, вытянутой, судя по расположению камней, костей человека, находок и угольков, с юго-востока на северо-запад (табл. II).

Инвентарь: миниатюрная красноглиняная миска, аспирно-серый кувшин, обломок бронзовой шейной гривни, бронзовая привеска (табл. III, 5, 11; IV, 2, 7, 8).

В кв. кв. 6 и 26, на гл. —0,86 м. от 0 расчищен жертвенник с золой.

Могилы № 13 (кв. кв. 17, 18; гл. —0,71 м. от 0) представляет собой четырехугольную в плане каменную гробницу, размером 0,75×0,48×0,75 м., ориентированную длинной стороной по линии северо-восток-юго-запад-запад.

В центре могилы найдены два черепа, лежащие на основании, глазами друг к другу и несколько трубчатых костей. Вместе с ними были угольки. Погребение вторичное (табл. II).

Инвентарь: аспирно-серый биконический горшок (табл. III, 9), кувшин со сливным носиком (табл. III, 10), обломки двух зеркал из белого сплава (табл. IV, 1, 11), распавшийся железный браслет, бронзовая пряжка с железным язычком, височная привеска в полтора оборота, синяя гировидная, синие стеклянные (бисер) бусы (табл. IV, 2).

Могилы № 14 (кв. кв. 21, 22; гл. —0,76 м. от 0), представляет собой узкую каменную гробницу, размером 1,83×0,37—0,45×0,35—0,32×0,27 м. Перекрытие не сохранилось.

Покойник был захоронен вытянуто на спине головой на северо-восток. Стопы обеих ног были обращены друг к другу, видимо, из-за физического дефекта. У костей найдены угольки (табл. II).

И н в е н т а р ь: остатки тонких бронзовых накладок ножен меча, обломок железного меча и маленькая синяя стеклянная бусина (табл. IV, 18).

Могила № 15 (кв. кв. 12, 15; гл.—1,2 м. от 0) представляет собой каменную гробницу, размером 1,1×0,65×0,5 м. (часть могилы разрушена обрывом) и ориентированную по линии юго-восток—северо-запад. Перекрытие состояло из песчаниковых плит, уложенных поперек могилы. Костей в могиле не найдено. Встречены лишь три обгорелых зерна злака и одна стеклянная бусина.

Вне погребальных комплексов найдены бронзовая височная привеска в полтора оборота (табл. IV, 3), обломки толстостенной красноглиняной керамики, обломки железных ножей, трехлопастные (3 экз.) и двухлопастные (2 экз.) черешковые наконечники стрел (табл. IV, 9, 10; V, 11, 12), железное кольцо с остатками золотой инкрустации (табл. IV, 19), обломок рамовидной бронзовой пряжки с остатками разноцветной пастовой инкрустации (табл. IV, 20), обломок бронзового украшения с резным орнаментом на лицевой стороне (табл. IV, 4), железный миниатюрный ножичек, бронзовая привеска и округлые стеклянные бусы.

Помимо описанных погребений на могильнике имеются остатки и других разрушенных могил, однако из-за невыразительности они не учтены.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОСАНИДСКОГО ДЕРБЕНТА

Возникновение Дербента тесно связано с историческими процессами, происходившими на территории Дагестана и в сопредельных с ними областях. Узкий проход между Кавказскими горами и Каспийским морем, по которому с древнейших времен кочевые обитатели степей Восточной Европы проникали в Переднюю Азию, был наиболее удобным местом для возведения оборонительных сооружений против них. Самым значительным здесь являлись Дербентские укрепления, возведенные в наиболее важном, узком и географически удобном месте Прикаспийского пути.

Несомненно, что правители Переднего Востока и Закавказья с древнейших времен пытались укрепить Дербентский проход, но вопрос о времени возникновения здесь первых укреплений и создании целой фортификационной системы из-за слабой археологической изученности этого района, пока остается открытым. Письменные источники не дают точных и четких указаний на время возникновения первых укреплений в проходе, но единодушно утверждают, что каменные стены Дербента возникли при правлении Сасанидской династии, называя основателями их царей Кавада I (488—531 гг.) и его знаменитого сына Хосрова Ануширвана (531—579 гг.). Однако в средневековой восточной литературе, местных исторических хрониках и легендах постройку Дербентских стен упорно приписывают то персидскому царю Лехрасиб-шаху из легендарной династии Каянидов¹, то Александру Македонскому², известному на Востоке под именем Искандера Зулькарнаина. Сам Александр в этих местах никогда не был и легенды эти не имеют под собой исторической почвы, но возведение здесь укреплений задолго до нашей эры было подтверждено археологическими раскопками.

¹ Е. И. Козубский. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 5; В. Г. Гаджиев. «Дербент-наме» Мирзы Хайдар Вазирова.— В сб.: «Вопросы истории Дагестана». 2, Махачкала, 1975.

² Тарихи Дербент-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, стр. 27; Н. Пигулевская. Сирийская легенда об Александре Македонском. ПС., вып. 3, (66), 1958, стр. 83—93; Е. Э. Бартельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.—Л., 1948, стр. 31, 73, 74, 80, 88.

Среди множества нерешенных проблем, вставших при археологическом изучении Дербента, одной из важнейших была проблема досасанидской истории прохода, само существование которой до раскопок Дербентской экспедиции ИИЯЛ было весьма проблематичным и в исторической литературе совершенно неосвещенным.

С целью археологического изучения Дербента на территории города и дербентского холма, к югу и юго-западу от цитадели, в 1971—1974 гг. было заложено 8 небольших стратиграфических раскопок, именуемых нами шурфами (№№ 1; 3—9), размерами 3×3 м, 2×4 м, 4×4 м, четыре раскопа (R I—IV), имеющие соответственно площади 105 м², 95 м², 20 м², 460 м² и три разреза (R—1—3) общей площадью около 70 м² (рис. 1). Однако не все раскопки дали материал, связанный с досасанидской историей прохода, поэтому в данной статье подробно описаны только те из них, в которых этот материал имеется. Это шурфы № 6, 9 и раскопы II, III. Все они расположены на вершине дербентского холма, достигающего 340 и над у. м., северо-восточная часть которого застроена раннесредневековой цитаделью города. Холм занимает выгодное стратиграфическое положение и полностью контролирует проход. То, что в досасанидский период вся территория ниже вершины холма не обжизалась, объясняется географическим и стратиграфическим положением данной местности. Находясь в непосредственной близости от прохода, но которому с древнейших времен перемещались воинственные племена кочевников, обитатели его вынуждены были селиться на труднодоступном отроге Джалганского хребта, оставляя узкий 3,5 километровый проход между горами и морем воинственным кочевым племенам. Рельеф дербентского холма хорошо приспособлен для возникновения поселения в этом — одном из наиболее опасных и в то же время стратиграфически выгодных мест Прикаспийского пути, защищенного с севера и юга глубокими ущельями, с востока крутизной холма, а с запада — скалистыми кручами Джалганского хребта. Особенно внушительны почти отвесные склоны ущелья, огибающего холм с севера и уходящего на запад к неприступным вершинам Джалгана, вдоль которого позднее Сасанидами была построена «Горная стена», (Даг-бары). Общая площадь поселения, судя по подъемному материалу, около 14—15 га, из них 4,5 занимает построенная в раннесредневековое время цитадель.

В плане поселение имеет форму неправильной трапеции, обращенной расширенной частью на запад к Джалганскому хребту, а более узкий на восток, в сторону прохода. Северо-восточный угол этой трапеции несколько больше выдвинут в сторону прохода, как бы нависая над ним. Этот выступ в раннесредневековое время был застроен цитаделью сасанидского города. Природа создала исключительные условия для возникновения здесь поселения. Этот участок, являющийся одним из отрогов Джалганского хребта, имеет довольно ровную поверхность с не-

большим наклоном в верхней части, что создает прекрасные условия для застройки его. С севера и с юга поселение хорошо защищено глубокими ущельями, особенно внушительными с северной стороны. С востока, помимо крутизны холма, его защищала стена из бутового камня, достигающая 4,55— м, а западную сторону надежно прикрывал Джалганский хребет. То, что наиболее опасная восточная сторона поселения, обращенная в сторону прохода, была помимо естественных преград укреплена мощной стеной, ярко свидетельствует о роли его в судьбах обитателей поселения и о понимании последними его стратегического значения. Столь выгодное положение дербентского холма, подобно мысу выступающего из горного массива и позволяющего полностью контролировать узкий проход между горами и морем, наличие хорошей питьевой воды из многочисленных родников на склоне его, замечательное плодородие почв, отмеченное еще В. В. Бартольдом — все это сделало дербентский холм местом, особенно хорошо приспособленным для возникновения здесь поселения уже в глубокой древности.

Большая часть поселения занята средневековым мусульманским кладбищем и основными лесопосадками Дербентского лесхоза, что создало определенные трудности при выборе мест заложения раскопок. Основным местом раскопок была избрана территория цитадели, мощность культурных слоев в которой достигает 10 м, и западная окраина поселения, где был заложен стратиграфический раскоп Р-III, размером 4,5×4,5 м.

Для исследования цитадели в ней заложено два стратиграфических шурфа (№№ 6, 9) и раскопы (Р-III; Р-IV) общей площадью около 600 м². Сразу за незначительным задернованным слоем следуют средневековые слои, толщина которых достигает 4—6 м. Здесь обнаружены многочисленные архитектурные остатки из бутового и обработанного камня, среди которых иногда встречается жженный средневековый кирпич, несколько урвней полов и большой керамический материал VIII—XIX вв.

Ниже их располагаются раннесредневековые слои, толщина которых около 1—1,5 метров, а за ними следуют слои албано-сарматского и скифского времени.

Стратиграфически из всей толщи культурных напластований албано-сарматского и более раннего периода, достигающих здесь от 1,65—1,75 м до 2,6—2,75 м можно выделить 8 незначительных по мощности слоев, отделенных один от другого в большинстве случаев прослойками угля и золы, а в одном случае урвнем морского песка толщиной в 0,3—0,6 см. Мощность слоев, как правило, не превышает 30—35 см, но на отдельных участках цитадели доходит до 60—70 см.

Каждый из выделенных культурных слоев, соответствует определенному периоду существования поселения и позволяет проследить эта-

пы его существования и границы обживаемой территории³. Хронологически они относятся к трем историческим периодам: скифскому (возможно, частично и доскифскому), албано-сарматскому и раннесредневековому (точнее переходному этапу от албанского к раннесредневековому времени). Этапы названы по принятой у дагестанских археологов периодизации.

В результате раскопок была выявлена сложная картина культурных напластований, отложившихся здесь на протяжении целого тысячелетия, предшествовавшего проникновению в район прохода сасанидского Ирана. Шесть культурных слоев, с многочисленными фрагментами керамических изделий, архитектурными остатками, углем, золой, костями животных свидетельствуют об интенсивном обживании территории поселения в скифское, албано-сарматское, раннесредневековое время, а две стерильные прослойки говорят о каком-то запустении на этой территории.

Мощные прослойки угля и золы, многочисленные зольники, обожженные поверхности полов говорят о трудной судьбе существовавшего на дербентском холме в указанные периоды поселения, а две прослойки без культурных остатков документируют, по нашему мнению, даже определенные периоды запустения на поселении, когда оно в силу каких-то причин, скорее всего военного характера, не обживалось. Было установлено, что Дербентское поселение целиком располагалось на высоком труднодоступном холме, защищенном с трех сторон природными преградами, а с наиболее опасной восточной — мощной стеной из бутового камня. Территория поселения в скифское время достигала 14—15 га и несколько уменьшилась в албано-сарматский-раннесредневековый периоды. Однако, небольшое территориальное сокращение площади поселения не было связано с периодом упадка в его истории, наоборот, именно же в это время приходятся этапы наиболее интенсивного обживания дербентского холма, особенно значительного в позднеалбанский-раннесредневековый периоды. Слои этого времени наиболее значительны по мощности и наличию керамики, архитектурных остатков, прослоек угля. В этот период Дербентский проход приобретает все большее военное и торговое значение, о чем сообщают и античные авторы, а это, несомненно, отразилось на судьбе опорного пункта, контролировав его.

Природа создала идеальные условия для защиты обитателей дербентского холма, занимающего господствующее положение над проходом, и в то же время защищенного с трех сторон глубокими ущельями и кручами Джалганского хребта.

³ Результаты стратиграфических исследований слоев досасанидского Дербента и анализ выявленных культурных напластований. См. А. Кудравцев. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, стр. 31—45.

Обитатели этого поселения, как и жители многих других районов Дагестана, максимально использовали рельеф местности, защитив оборонительной стеной наиболее опасную и доступную сторону. Подобный прием обороны своих поселений горцы использовали с древнейших времен, исключительно умело приспособившись к местным географическим условиям и подавляющее большинство древнейших, средневековых и даже современных населенных пунктов Дагестана имеют в своей основе подобную фортификацию. Наиболее яркое представление о древнейших оборонительных сооружениях досасанидского поселения Дерионта дает стена из крупного бутового камня, прослеженная в нижних слоях помещений №№ 1, 2, 4, раскопа Р-II, на восточном краю вершины холма.

Кладка сохранилась в высоту на 1—1,6 и прослеживается с севера на юг на всю ширину раскопа, т. е. около 8 м, далее она выходит за пределы его. С востока на запад ширину кладки составляет не менее 4,5—5 м.

Обращает на себя внимание небрежный характер кладки, скорее напоминающий навал камней, сложенных без раствора, но несомненная направленность с севера на юг, расположение на самом краю вершины холма, круто обрывающегося в сторону прохода и значительная высота кладки, сохранившаяся до наших дней, не позволяют сомневаться в ее оборонительном назначении.

То обстоятельство, что основание кладки лежит на материке и в ней, а также в слое над кладкой обнаружена керамика не позднее скифского — раннего периода алаано-сарматского времени, позволяет считать данную кладку одним из первых оборонительных сооружений прохода, появившихся здесь не позднее VIII—IV вв. до н. э.

Нижней датой возникновения этого сооружения можно, видимо, считать, опираясь на находки грубо обмазанной керамики, а также фрагментов с глубоким врезным орнаментом и наклепными расчлененными валиками, переходный этап от поздней бронзы к эпохе раннего железа — древнейший период эпохи раннего железа. Малочисленность добытой пока дербентской коллекции этого времени и малоизученность данного периода в Дагестане не позволяют в настоящее время сузить эти весьма обширные хронологические рамки возникновения и бытования первых оборонительных сооружений Дербентского прохода. Столь раннее появление укреплений в Дербентском проходе, вероятно было связано с известными историческими событиями, приведшими к повышению активности кочевников в этот период в Восточной Европе в южнорусских степях, результатом которой явилось вторжение скифов в Переднюю Азию через Дербентский проход. Укрепления подобного типа появляются в скифское время почти из всех известных сейчас памятниках Приморского Дагестана, что дает основание считать первые

Дербентские укрепления в проходе типичными для местной, дагестанской фортификации, а строителями их признать местное население.

Проблематичен пока вопрос наличия в фортификации досасанидского поселения Дербента земляных валов, некоторое подобие которых было отмечено в слоях позднеалбанского-раннесредневекового времени раскопа Р-11. Земляные валы существовали на памятниках этого периода в Северном Дагестане (земляные валы защищали с напольной западной стороны Андреяульское городище, остальные места которого были прикрыты рекой и глубокими оврагами)⁴, но вопрос их применения в качестве досасанидских укреплений в Дербенте пока остается открытым.

Бытовая архитектура поселения скифского времени совершенно не представлена во вскрытых слоях этого периода, мы даже не знаем, какой материал служил основой при сооружении домов. Значительные зольники и прослойки угля, обнаруженные на поверхностях полов, относящихся к этому периоду, позволяют предполагать что в конструкциях жилищ обитателей дербентского поселения скифского времени, широко применялось дерево, возможно, они носили турлучный характер. Однако, на этот вопрос смогут ответить лишь дальнейшие раскопки. Полы, обнаруженные на поселении в слоях скифского времени, все были устроены из уплотненной глины и зачастую имели тщательно обмазанную более светлой глиной поверхность.

Архитектурные остатки, обнаруженные в слоях албано-сарматского времени, значительно более многочисленны и представлены каменными строениями.

В албано-сарматское время камень являлся основным строительным материалом в архитектуре, обнаруженной на дербентском холме. Наличие здесь только каменной архитектуры, типичной для местной дагестанской строительной традиции, вместе с обнаруженным в этих слоях керамическим материалом позволяет поставить существовавшее на холме поселение, а один ряд с бытовыми памятниками Дагестана албано-сарматского периода, как Урцеки, Таргу, Чугли, Лабко-Махи.

Так, в слоях, относящихся к концу албано-сарматского—началу раннесредневекового периодов, был обнаружен архитектурный комплекс из бутового камня, достигающий довольно значительных размеров. Он прослеживается в шурфе № 9, где были обнаружены две стены из бутового камня, уложенного на глиняном растворе. Две стены, подходящие перпендикулярно друг к другу, образуют внутренний угол какого-то помещения этого комплекса. Стены почти точно ориентированы по странам света: одна имеет направление север-юг, другая — восток-за-

⁴ Д. М. Атаев, М. Г. Магомедов. Андреяульское городище.— В сб. «Древности Дагестана», МАД, 5, Махачкала, 1974, стр. 122—123, 135.

над. Западная стена этого помещения прослежена на всю длину стороны шурфа, толщина ее достигает 45—50 см, сохранилась в высоту на 60—65 см. Северная стена также прослежена на всю длину стороны шурфа, толщина ее не выявлена, сохранилась в высоту на 40—45 см. Обе стены выходят за пределы шурфа в направлении раскопа Р-II. Аналогичные архитектурные остатки из бутового камня прослежены в слоях раскопа № II, стратиграфически полностью соответствующих слоям шурфа № 9, расположенного на 14—15 м юго-западнее раскопа № II. Здесь в тех же слоях позднеалбанского времени было вскрыто две стены из крупного бутового камня, уложенного на глиняном растворе. Стены тянулись параллельно друг другу вдоль восточной и западной сторон помещения № 2, образуя какое-то узкое коридорообразное помещение шириной около 1,6 м, длиной не менее 3 м. Толщину стен установить не удалось, так как они выходят в раскоп только внутренними гранями, но восточная стена имеет толщину не менее 60 см в высоту стены сохранились на 70—100 см.

Полная идентичность материала и характера кладки архитектурных остатков раскопа № II и шурфа № 9, обнаруженных в одном и том же слое, позволяет полагать, что они принадлежат к единому архитектурному комплексу, бытовавшему в позднеалбанское-раннесредневековое время.

В слоях албано-сарматского времени, относящихся к I—III вв. н. э., помимо архитектурных остатков из бута, были встречены стены, сложенные из обработанного камня. Так, в слое «V—II» помещения № 3, раскопа Р-II, были встречены две стены жилого здания, почти целиком сложенные из хорошо отесанного камня. Стены тянулись на юг и с запада на восток, образуя северо-западный угол помещения. Восточная стена помещения сохранилась фрагментарно. Западная стена прослежена на всю длину раскопа и выходит на юг за его пределы, длина ее составляет не менее 4 м. Северная стена с восточной стороны прорезана мусорной ямой и сохранилась в длину на 1,6—1,7 м. В высоту стены сохранились на 0,65—0,9 м.

Наличие в слоях албано-сарматского времени архитектурных остатков из отесанного камня служит ярким показателем высокой строительной техники и приемов обработки камня, достигнутыми в этот период обитателями поселения. Применяя типичный для горцев Дагестана материал, строители досасанидского Дербента добились больших успехов в обработке его, о чем свидетельствуют находки камней с орнаментированной поверхностью. Именно в этот период уходят корни замечательного искусства резьбы по камню, которым по многочисленным сообщениям средневековых авторов, славился Дербент и которое нашло свое отражение в резных фасадах домов современного Дербента, в уникальных каменных надгробьях, количество которых исчисляется тысячами.

Однако, отсутствие стандартов среди обработанных камней красноречиво свидетельствует, что в этот период обработку камня проводили непосредственно в процессе строительства, т. е. в албано-сарматское время здесь не была налажена специализированная добыча и обработка камня, подобно той, которая существовала в Дербенте в сасанидский период. Это дает основание полагать, что социальное расслоение и дифференциация ремесла среди обитателей дербентского холма еще не зашла столь далеко, как в развитых государствах Востока и Закавказья.

В слоях албано-сарматского времени было обнаружено несколько уровней полов, устроенных в основном из хорошо уплотненной глины и покрытых обычно сверху тонкой обмазкой из жидкой глины. Толщина их колеблется от 6 до 10 см. В одном случае в раскопе № II на отметке — 8,35—8,3 м был встречен известковый пол толщиной 2—3 см, основанием которого служила уплотненная глина. Стратиграфически он совпадает с глинобитным полом в шурфе № 9, что дает основание отнести их к одному комплексу.

Исследования древнейших оборонительных сооружений досасанидского поселения Дербента и архитектурных остатков, обнаруженных в его слоях, показали, что они по характеру материала и приемам кладки имеют большое сходство с архитектурой многих других районов Дагестана скифского, албано-сарматского и раннесредневекового периода. Это позволяет считать их типичными для дагестанской архитектуры этого периода и признать строителями фортификационных и бытовых сооружений на дербентском холме местное население. Подобный вывод находит себе подтверждение при анализе керамического материала, обнаруженного в культурных слоях досасанидского поселения Дербента.

Керамика, обнаруженная в этих слоях, принадлежит к трем различным историческим этапам существования поселения, возникшего более чем за тысячу лет до проникновения в районы прохода иранцев, и в данной работе проанализированы две большие группы керамических комплексов, относящихся к скифскому и албано-сарматскому времени.

Керамика скифского времени. Керамика нижних слоев поселения, относящихся ко второй четверти—середине I тыс. до н. э., представлена многочисленными фрагментами грубой буроглиняной и красноглиняной посуды, а также изделиями с серым, коричневым, темно-коричневым тестом более высокого качества.

Наиболее характерными для керамических изделий Дербентского поселения скифского времени являются экземпляры с грубым бурым тестом, в составе которого имеются примеси шамота, а иногда мелких камней, керамика с обмазкой жидкой глиной, чернолощенная посуда, иногда изделия с тонкой глиняной обмазкой молочного цвета. Подобная керамика характерна для посуды Дагестана и Азербайджана эпохи

раннего железа⁵. Наличие среди керамики нижних слоев Дербента посуды с обмазкой жидкой глиной (грубой в самом нижнем слое и более тонкой в верхних слоях), исчезающей на памятниках Южного Дагестана в VI—IV вв. до н. э.⁶ и изделий, орнаментированных расчлененными валиками, глубоким нарезным орнаментом и насечками, также исчезающих в VI—IV вв. до н. э.⁷, позволяет датировать ее скифским временем. Следует отметить, что в этих слоях отсутствует розово-глиняная керамика со специфическим красным ангобом, столь типичная для албано-сарматского периода Дагестана и Азербайджана. Керамику из слоев скифского времени можно разделить на две группы: раннюю, датируемую нами VIII—VI вв. до н. э. и более позднюю, относящуюся к V—IV вв. до н. э.

Керамика ранней группы представлена многочисленными фрагментами сероглиняных и красноглиняных кувшинов с прямым или отклоненным наружу непрофилированным венчиком (табл. I, 1—6, табл. II, 14, 19; табл. VI, 4—5), чернолощенных сосудов с загнутыми внутрь или несколько отогнутыми наружу венчиками (табл. I, 7, 8; табл. II, 17, 18, 20), горшками с круглым или несколько вытянутым туловом, зачастую с обмазанными жидкой глиной, и сильно отклоненным наружу венчиком (табл. III, 13; табл. II, 11; табл. VII, 15, 17), а также грубой хозяйственной посудой, в тесте которой много отошающих добавок.

Характерной особенностью этой группы посуды является грубая обмазка толстым слоем глины, известная в Дагестане еще с эпохи бронзы (табл. I, 6, 18; табл. II, 11; табл. VII, 1) и орнаментация в виде налпных валиков с глубокими насечками на них (табл. II, 4, 5, 9, 11, 13; табл. VII, 15, 17). Подобная орнаментация и покрытие сосудов глиняной обмазкой широко встречается в керамике Дагестана наиболее древнего периода эпохи раннего железа⁸ и исчезает повсеместно в V—IV вв. до н. э.⁹, что и позволяет нам выделить ее в наиболее раннюю группу. Тесто сосудов довольно грубое, у хозяйственных очень грубое, серого, темно-коричневого, коричневого, темно-бурого, иногда коричневатого-розового цвета. В значительном количестве встречаются фрагменты чернолощенных, реже серолощенных сосудов. Иногда подобные сосуды орнаментировались вмятинами, точками и глубокими и небольшими вдавлениями типа прокола (табл. III, 12). Обычно же лощенная керамика не орнаментировалась, хотя встречено несколько фрагментов чернолощенной

⁵ М. И. Пик уль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 40—42, 49, 75—76, 85—88, 97, рис. 13, 23; О. Ш. Ис м и з а д е. Раскопки холма Кара-тепе в Мильской степи. МИА, 125, 1965, стр. 208—214, рис. 11, 1—8; рис. 12, 1—4.

⁶ М. И. Пик уль. Указ. соч., стр. 88, 104—105 и сл.

⁷ Там же, стр. 40—42, 49, 75—76, 85—88, 97, рис. 18, 23.

⁸ М. И. Пик уль. Указ. соч., стр. 18, 26, 74, 78, 85.

⁹ Там же, стр. 88, 104—105 и сл.

и серолощенной посуды, орнаментированной глубокими, параллельно расположенными горизонтальными полосами (табл. III, 2, 4; табл. V, 13). Видимо, в это время появляется в орнаментации посуды круглый пуговичный налп, получивший дальнейшее массовое распространение в албано-сарматское время. В керамике описанного периода подобные налпы единичны. Так, он был встречен на горшке округлой формы с невыделенным, отклоненным наружу венчиком диаметром 13 см, обмазанным снаружи тонким слоем жидкой глины (табл. III, 13). Интересно, что обмазке подвергся и пуговичный налп. Иногда керамика, относящаяся к ранней группе, орнаментировалась глубокими врезными линиями (табл. I, 14, 15), что свойственно посуде Дагестана в переходный период от бронзы к железу¹⁰. Глубокий нарезной орнамент, по мнению М. И. Пикуль, исчезает на керамике Дагестана эпохи раннего железа в VIII—VI вв. до н. э.¹¹

Ручки сосудов округлой, иногда почти Г-образной формы, обычно крепились к тулову с помощью шипов на торцах ручки, образующих с внутренней стороны стенки кувшина своеобразную залепку (табл. I, 9). Подобный способ крепления ручек характерен для керамики Дагестана эпохи раннего железа VIII—V вв. до н. э.¹² Сечение ручек овальное, иногда почти квадратное. Наряду с подобными ручками встречаются и плоские с выемкой на торце и отверстием посредине (табл. IV, 10). Они крепятся к тулову вертикально, сосуд с подобными ручками был найден на Сары-тепе в Азербайджане¹³ в слоях начала I тыс. до н. э.

Тесто посуды этой группы зачастую неплохого качества, в особенности у лощенных экземпляров, обжиг не всегда качественен. В тесте лощенной керамики обычно отсутствуют грубые добавки. Подобную керамику вероятно следует считать парадной столовой посудой. Более простые изделия, видимо, кухонного назначения, отличаются грубым темно-бурым, серым или темно-коричневым тестом с большей примесью толченой ракушки, шамота, а иногда и мелких камней.

По цвету, составу и структуре теста, керамика скифского времени отличается от посуды албано-сарматского периода. Здесь преобладают сосуды с коричневым, красно-бурым, серым и коричневато-розовым тестом.

Интересно отметить находки небольших керамических пряслиц, среди которых выделяется изделие из светло-коричневой глины, орнаментированного вокруг отверстия глубокими колотыми вдавлениями

¹⁰ М. И. Пикуль. Указ. соч., стр. 22, 26.

¹¹ Там же, стр. 105.

¹² Там же, стр. 104—105.

¹³ И. Г. Нариманов, Дж. Халилов. Археологические раскопки на холме Сары-тепе. МКА, т. IV, Баку, 1962, стр. 50, табл. III, 1.

(табл. I, 11), что свидетельствует о развитии здесь ткачества с глубокой древности.

Орнаментация керамики этой группы находит некоторые аналогии в посуде Сары-тепе¹⁴, датируемого нач. I тыс. до н. э.

Керамика поздней группы представлена довольно многочисленными фрагментами, красноглиняной, сероглиняной и nelloщенной посуды. Здесь в основном остаются те же формы сосудов, что и в ранней группе, но исчезают налпнные валики, орнаментированные насечками и зашпирами, глубокий нарезной орнамент, насечки и вдавления. Почти не встречается грубая толстая обмазка, которую заменяет обмазка тонким слоем жидкой глины, у кувшинов чаще встречается слив, обарзованный сжатием венчика с двух сторон, чаще применяется орнаментация пуговичными круглыми налппами. Все эти признаки характерны для местной дагестанской посуды V—IV вв. до н. э.¹⁵, что позволяет датировать позднюю группу керамики этим временем. В отличие от более ранней группы, венчики посуды этого периода в основном прямые или слегка отклонены наружу (табл. IV, 1—8; табл. V, 4; табл. VI, 7, 8, 11).

Встречаются чаши с загнутыми внутрь венчиками (табл. I, 9; табл. II, 10, 15; табл. III, 7). Довольно большой процент составляет лощенная керамика черная, серая. Покрытие чаще всего наружное, реже двухстороннее. Лощенная керамика, как правило, хорошего качества, тесто тонкой отмучки, без грубых примесей, серого, коричневого, коричневатого-желтого или серо-бурого цвета.

Интересна нижняя часть небольшого плоскодонного сосуда округлой формы, найденного выше кладки (табл. IV, 13). Диаметр донца 5 см, тулово 9 см, толщина стенок 0,6—0,7 см. Тесто серовато-коричневого цвета, очень хорошего качества, без примеси грубых добавок, обжиг ровный. Снаружи сосуд покрыт хорошим лощением и имеет графитно-черный цвет. Подобная посуда характерна для керамики Дагестана I тыс. до н. э.¹⁶ Весьма похожие чернолощенные кувшинчики были встречены в нижних слоях Кара-тепе¹⁷ в Азербайджане.

Хорошо выделанную чернолощенную, серолощенную и светлолощенную керамику, видимо, надо считать парадной столовой посудой. Керамика этой группы находит себе аналогии в посуде II—III слоев Кара-тепе¹⁸, относящихся к VII—I вв. до н. э. Кухонная и хозяйственная посуда отличалась от нее грубым серым, темно-бурым, реже коричневым тестом с большими примесями толченой ракушки, шамота, иногда мел-

14 И. Г. Нариманов, Дж. Халилов. Указ. соч., стр. 45—46.

15 М. И. Пиккуль. Указ. соч., стр. 40, 49, 88, 104 и сл.

16 Там же, стр. 49, 88, 104.

17 О. Ш. Исмизаде. Указ. соч., стр. 208, рис. 11, 1—3, 6, 7; стр. 210, рис. 12, 1.

18 Там же, стр. 208—210, рис. 11—12; стр. 214—215, рис. 16—17.

ких камней. В некоторых случаях подобная керамика покрывалась тонким слоем жидкой глиняной обмазки, иногда двухсторонней. Так, здесь можно отметить фрагмент верхней части горшка с выделенным, несколько отклоненным наружу венчиком диаметром 12 см. Снаружи горшок закончен. Этот фрагмент был обнаружен в кладке оборонительной стены. Керамика с обмазкой бытует в Южном Дагестане до V—IV вв. до н. э.¹⁹, а подобная керамика с тонкой обмазкой характерна для VI—IV вв. до н. э.²⁰

Венчики кухонных и хозяйственных сосудов иногда орнаментировались по верхнему краю косыми насечками или делались чуть волнистыми (табл. I, 5; табл. IV, 2; табл. VI, 2), что характерно для дагестанской керамики эпохи раннего железа²¹. Подобная орнаментация венчиков находит аналогии и в скифской керамике V—IV вв.²²

Интересно отметить фрагмент небольшого сосуда с прямым невыделенным венчиком, чуть отклоненным наружу, диаметром 7 см из глины прекрасного качества (табл. IV, 7). Тесто ровного коричневого тона, отлично отмучено и хорошо обожжено, снаружи и на 1,5 см внутри сосуд покрыт лощенем исключительно высокого качества. Подобный сосуд резко отличается от дербентской столовой посуды этого периода и от всей массы керамики этой группы вообще и является скорее всего импортным изделием. Основная масса керамики этой группы датируется V—IV вв. до н. э.

Таким образом, анализ керамического материала из нижних слоев досасанидского поселения Дербента дает основание считать, что оно возникло во второй четверти I тыс. до н. э., скорее всего в VIII—VI вв. и продолжало существовать вплоть до албано-сарматского периода, в котором эта территория так же активно обживалась. С этим же временем надо связывать нижнюю хронологическую дату возникновения и бытования каменных укреплений поселения — первого оборонительного сооружения Дербентского прохода.

Керамика, обнаруженная в наиболее ранних слоях Дербента, четко выделяемых во всех стратиграфических раскопах, заложенных на поселении, находит себе самые широкие аналогии среди посуды памятников Южного Дагестана и некоторых районов Азербайджана эпохи раннего железа, что не оставляет сомнения в принадлежности древнейших обитателей дербентского холма к коренному населению Дагестана.

Многочисленность и разнообразие дербентской посуды этого периода, наличие бракованных экземпляров и керамических шлаков в слоях

¹⁹ М. Н. Пиккуль. Указ. соч., стр. 88, 105.

²⁰ Там же, стр. 49, 105.

²¹ Там же, стр. 77.

²² Б. И. Граков. Каменное городище, МИА, 36, М.—Л., 1954, стр. 71, табл. III, 1, 2.

скифского времени позволяет предполагать наличие здесь довольно хорошо налаженного керамического производства, целиком удовлетворяющего спрос населения.

Особый интерес представляет керамика, обнаруженная на холме к юго-западу и югу от цитадели, за пределами ее стен.

Здесь на большой площади около 14—15 га встречается керамика эпохи раннего железа, албано-сарматского времени и раннего средневековья.

Основная масса керамики представлена красноглиняными, сероглиняными и грубыми буроглиняными изделиями с лощеной и nelloщенной поверхностью, полностью аналогичными по цвету, формам и приемам орнаментации посуде из слоев скифского времени стратиграфических раскопов.

Керамика албано-сарматского времени. Керамика албано-сарматского периода отличается от посуды из слоев поселения скифского времени, хотя резкую грань, разделяющую эти комплексы, провести нельзя. Несмотря на различные в приемах орнаментации, составе и цвета теста, формах изделий, здесь прослеживается явная преемственность, особенно хорошо заметная в комплексе из слоев раннеалбанского времени. Так, например, здесь же как и в слоях скифского времени, присутствует чернолощенная и серолощенная посуда, причем процент последней значительно возрастает, получают дальнейшее распространение и становятся одной из ведущих форм столовой посуды кувшины со сдвинутым с боков (типа энохой), широко применяются в орнаментации круглые пуговичные налены. Однако, как уже отмечалось, в албано-сарматский период исчезает посуда с обмазкой жидкой глиной, а с первых веков н. э. чернолощенные изделия, в орнаментации перестают применяться расчлененные валики, глубокий нарезной орнамент, насечки по ребру вечика. В это время появляются изделия из светло-коричневого или коричневатого-розового теста с примесью шамота, покрытые ярко-красным или бордовым ангобом, изготовленным с добавлением специфического красящего вещества (органический краситель, в состав которого входит мак), оставляющего следы при растирании его. Они обычно имеют лощеную поверхность. Наряду с подобным применялось и белоангобное покрытие, хотя краснолощенные изделия в албано-сарматское время составляли большую часть столовой посуды. Подобная керамика являлась наиболее типичной для памятников Дагестана²³

²³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, М.—Л., 1951, стр. 226—272, рис. 19, 20—22; его же. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкит, МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 208, рис. 5, № 98; рис. 10, №№ 206, 207, рис. 21, №№ 235, 283, 359; рис. 22, № 279, 315, 387, 390 и др.; М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа в Дагестане, стр. 114—172, рис. 25, 28, 29; В. Г. Котович, А. И. Аба-

и Азербайджана²⁴ албанского периода. Наряду с подобной розовоглиняной посудой широко бытовали сероглиняные изделия, значительная часть которых покрывалась лощением.

Малоизученность дагестанской керамики этого периода и отсутствие достаточного количества форм не позволяет пока разделить посуду албано-сарматского времени на хронологические комплексы. Следует отметить, что в самых нижних слоях албанского периода краснолощенная керамика со специфическим ангобным покрытием еще не занимает ведущего положения, находки ее порой единичны. Для раннеалбанского периода характерно наличие сероглиняной, буроглиняной и розовоглиняной нелощенной посуды. В слоях этого этапа албанского периода она представлена в основном плоскостонными кувшинами и горшками округлой формы с прямым или несколько отогнутым наружу венчиком (табл. VI, 15, 16; табл. VII, 11—13).

Здесь не встречаются в орнаментации сосудов наленные валики с зашипами или глубокими насечками, посуда с обмазанной жидкой глиной поверхностью, типичные для первой половины I тыс. до н. э. Видимо, эту керамику можно отнести ко второй половине I тыс. до н. э. скорее всего к III—I вв. до н. э. Справедливость такой датировки данного комплекса керамики подтверждается находками значительного количества ручек кувшинов, отличающихся по форме и способу крепления от керамики вышележащих слоев албано-сарматского периода. Все они, как правило, довольно массивны, имеют округлую форму и круглое или овальное сечение, иногда на торцах ручек имеются конические шипы

каров, Д. М. Атаев, В. М. Котович, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР в 1962 г. Альбом к отчету № 2, Махачкала, 1963, РФ ИИЯЛ, № 3254 (2), рис. 67 а, 2; В. Г. Котович: А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1963 г. Альбом к отчету № 2, Махачкала, 1964, РФ ИИЯЛ, № 172 б, рис. 9, 28; М. Г. Гаджиев, А. И. Абакаров. Раскопки Охлинского городища. АО, 1972, М., 1973, стр. 117; О. М. Даудов. Раскопки на Верхнелабкомахинском городище. АО 1972 года. М., 1973, стр. 122—123.

²⁴ Т. С. Пассек. Джафарханский могильник. ВДИ, 1946, № 2, стр. 171—172; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. МКА, т. I, Баку, 1949, стр. 9—47; его же. Археологические памятники в Мингечауре. МКА, т. I, стр. 71—86, рис. 4, 6; Н. В. Минкевич-Мустафаева. О раскопках в Мингечауре в 1941 г. МКА, т. I, стр. 87—102, табл. II, V; С. Ш. Казиев. Альбом кувшинных погребений в Мингечауре. Баку, 1960, стр. 21—24, табл. XX—XXI; О. Ш. Исми-заде. Яллутепийская культура. Баку, 1956, табл. XII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XXXI и др.; его же. О раскопках на холме Кара-тепе в 1957 г. МКА, т. IV, Баку, 1962, стр. 171—199, табл. IV VIII, X; его же. Раскопки холма Кара-тепе в Мильской степи, стр. 195—227, рис. 16, 3—8; рис. 17, 1—3.

²⁵ М. И. Пиккуль. Ук. соч., стр. 104.

для крепления в теле сосуда. Подобный способ крепления ручек характерен для керамики Дагестана середины—второй половины I тыс. до н. э.²⁵ Эту датировку подтверждает и стратиграфическое положение слоев, в которых найдена данная керамика. Они лежат под слоями албано-сарматского времени, с уровня пола которых происходят трехлопастные черешковые наконечники стрел, характерные для племен сарматского круга. Подобные черешковые наконечники были обнаружены в большом количестве в Таркинском²⁶ и Карабудахкентском²⁷ могильниках в погребениях I—III вв.²⁸, в могильниках Прикубанья²⁹ I в. до н. э.—II в. н. э., в позднекангюйских слоях Кой-Крылган-Калы³⁰.

В слоях, лежащих выше раннеалбанского слоя, керамика, несмотря на численное возрастание, становится более однообразной по приемам орнаментации. На первое место в украшении керамики этого периода выступает специфический красный ангоб и лощение. Подавляющее большинство керамики здесь составляет розовоглиняная и сероглиняная посуда с лощением, в первом случае по красному или белому ангобу. По назначению среди керамики албано-сарматского периода удалось выделить три группы изделий: более грубую хозяйственную (тарную) посуду, кухонную керамику, в тесте которой много примесей (толченая ракушка, кварц, морской песок), наиболее хорошо выделанную столовую посуду.

Хозяйственная посуда. Довольно многочисленная хозяйственная посуда представлена большими плоскодонными толстостенными сосудами с прямым невыделенным венчиком, прикрепленным к резко расходящимся горизонтальным плечикам сосуда (табл. VIII, 9). Горловина у этих сосудов практически отсутствует, так как высота ее вместе с венчиком от тулова сосуда не превышает 4 см. Диаметр венчика обычно небольшой и не превышает 15—17 см. Толщина венчика и стенок 1,5—1,8 см. Тесто красное, темно-красное, грубое, с большой примесью шамота, иногда мелких камней. Как правило, обжиг неравномерный и снаружи сосуды обожжены сильнее. Все они сделаны от руки и покрыты красным ангобом.

²⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки, стр. 261, рис. 17, 4, 5; стр. 262, рис. 18, 1.

²⁷ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, стр. 213, рис. 38, №№ 54, 94; стр. 215, рис. 39, № 126.

²⁸ Там же, стр. 217—218; его же. Археологические исследования..., стр. 271.

²⁹ Н. Ф. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской, МИА, 23, 1951, стр. 191, 199, рис. 18, 4, 5; стр. 202—203, 206.

³⁰ М. Г. Воробьев в а. Керамика Хорезма античного периода. Керамика Хорезма. Тр. ХАЭ, т. IV, М., 1959, стр. 124—125, рис. 26.

Подобная форма хозяйственных сосудов имеет некоторое сходство с керамикой албанского периода из II слоя Кара-тепе³¹ и сосудами более раннего времени Дагестана³², Средней Азии³³ и Азербайджана³⁴.

Наряду с подобной хозяйственной посудой довольно широко встречаются сосуды с округлым или яйцевидным туловом и прямой или чуть конусовидной горловиной. Венчик, как правило, несколько утоплен наружу, диаметр колеблется от 7—8 см до 15—16 см. К тулову или плечикам сосуда прикреплялись две вертикальные или горизонтальные ручки. Аналогичные по форме сосуды широко бытуют в албано-сарматское время на памятниках Приморского Дагестана³⁵.

Нередко встречаются и сероглиняные плоскодонные сосуды с резко расходящимися от дна почти прямыми стенками. Довольно часты находки фрагментов керамики из грубого, темно-бурого цвета, теста с большими примесями.

Кухонная посуда. Довольно широко в слоях албано-сарматского времени встречается кухонная посуда. Почти вся она сероглиняная и представлена плоскодонными горшками с прямыми толстыми стенками, резко расходящимися от дна (табл. IX, 11—14) и небольшими горшочками с округлым туловом, отогнутым наружу венчиком.

Наиболее типичными для кухонной посуды этого периода являются котлы округлой или овальной формы (напоминающие современные гусятницы) с плоскими горизонтальными ручками-держалками, далеко выступающими за край котла (табл. VIII, 6, 7).

Внимания здесь заслуживают горшки с круглым туловом и широко отогнутыми наружу прямыми непрофилированными венчиками (табл. VIII, 8). Тесто у них коричневого, темно-коричневого, темно-бурого, реже серого цвета, грубое, с примесью толченой ракушки, шамота и кварца. Нередко встречаются небольшие горшочки округлой формы с прямым невыделенным венчиком, к которому крепится овального или круглого сечения небольшая ручка (табл. VIII, 4). Тесто грубое, серо-коричневого цвета, с большими примесями мелкотолченой ракушки, кварца и шамота, обжиг, как правило, ровный. Все эти сосуды грубой

³¹ О. Ш. Исмизаде. О раскопках на Кара-тепе в 1957 г., стр. 206, табл. IV, 2.

³² М. И. Пикуль. Указ. соч., стр. 27, рис. 5, 18.

³³ В. М. Массон. Хумы Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. II Ашхабад, 1953, стр. 416—418, табл. I, 10, 15.

³⁴ С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре, стр. 14, рис. 2, 1—3.

³⁵ В. Г. Котович, А. И. Абакаров, Д. М. Атаев; В. М. Котович, М. Г. Магомедов, М. М. Мамаев. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1962 г., альбом № 2, рис. 67 а.

ручной лепки. Горшки подобной формы широко встречаются в керамике Дагестана³⁶ и Азербайджана³⁷ албано-сарматского времени.

Столовая посуда. Наиболее многочисленной среди керамики албано-сарматского времени является столовая посуда, представленная плоскодонными чашами с загнутым внутрь венчиком, кувшинами с цилиндрической горловиной и прямым или чуть утолщенным наружу венчиком (табл. V, 16; табл. VII, 20) иногда сильно сдвинутым в месте слива, что придает ему энохоевидную форму (табл. VIII, 3).

Почти все кувшины имеют округлое тулово и прямую цилиндрическую или невысокую, плавно переходящую в венчик, горловину. Первые обычно имеют прямой заостренный верх или несколько утолщенный наружу венчик и ленточную ручку с плоской горизонтальной площадкой сверху, ручка прикрепляется одним концом к верхней части горловины, а другим к тулову (табл. IX, 4, 5, 6).

Вторые отличаются невысокой горловиной, расширяющейся кверху и плавно переходящей в венчик, на котором нередко нажатием с двух сторон устроен слив, придающий ему энохоевидную форму. В этих случаях по бокам слива кувшин орнаментируется круглыми палепами (табл. VII, 5; табл. VIII, 1). Ручки у подобных кувшинов, как правило, округлой формы, круглого или овального сечения, прикреплялись они одним концом к венчику, другим к тулову (табл. VII, 16; VIII, 2). Подобные кувшины нередко имеют серое тесто, тогда как первые в основной своей массе красноглиняные и покрыты густым красным ангобом. Вся эта посуда находит самые широкие аналогии в синхронных памятниках Приморского Дагестана и Восточного Кавказа, хотя в ней ощущается и некоторое влияние степных культур Северного Кавказа и Прикаспия.

Археологические исследования, проведенные в Дербенте, позволяют сделать некоторые выводы о его наиболее древней истории, предшествующей проникновению в районы прохода сасанидского Ирана.

³⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки, стр. 263; 264, 265, рис. 19, 2; стр. 366, рис. 30, 13; его же. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, стр. 172, рис. 5, № 134, стр. 179; рис. 10, № 217; стр. 217; стр. 210, рис. 35, № 82; М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане, стр. 138, рис. 25, 27; В. Г. Котович, А. И. Абакаров, Д. М. Атаев, К. А. Бреде, В. М. Котович, Н. Д. Путинцева. Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1961 г., альбом № 1, Махачкала, 1962, РФ ИИЯЛ, № 132, рис. 39; В. Г. Котович, А. И. Абакаров, Д. М. Атаев, В. Г. Котович, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1962 г., альбом № 2, рис. 67 г.

³⁷ Ф. Р. Махмудов. Памятники ялойлутепинской культуры в Агязинской равнине, МКА, т. VI, Баку, 1965, стр. 141—143, табл. I—III; О. Ш. Исмизаде. Ялойлутепинская культура, табл. XVII, 6, 7; его же. О раскопках на холме Кара-тепе в 1957 г., стр. 206, табл. IV; стр. 207, табл. V.
Рис. I. План Дербента с указанием древнейшей территории его обживания в скифское

1. В районе Дербентского прохода, на холме, где в раннесредневековый период был возведен сасанидский город, уже со второй четверти—середины I тыс. до н. э. существовало сильно укрепленное поселение, общая площадь, которого составляла около 14—15 га, что удревляет историю возникновения Дербента более чем на тысячу лет.

2. Учитывая географические особенности месторасположения поселения, защищенного с севера и юга глубокими ущельями, а с запада кручами Джалганского хребта, и факт обнаружения на краю вершины восточного склона холма мощной фортификации, защищавшей его с востока, уместно предположить, что это был хорошо укрепленный опорный пункт, уже выполнявший определенные функции по охране прохода. Подобная необходимость неизбежно вытекала из стратегического положения и значения прохода — главных ворот из Восточной Европы в Переднюю Азию, которыми кочевники пользовались, по сообщению Геродота, уже в VII в. до н. э. Вероятно, именно в этот период здесь возникло мощное укрепление, древнейшее из известных пока оборонительных сооружений Дербентского прохода. Многочисленные следы пожаров, четко зафиксированные в слоях поселения, свидетельствует о его нелегкой судьбе, но огромная стратегическая значимость прохода заставляла людей вновь и вновь селиться в этом опасном месте. Приемы строительной техники и материал, применяемый при возведении первой фортификации прохода, типичны для оборонительных сооружений Дагестана в скифское время. Стены из бутового камня, прикрывавшие обычно, наиболее доступные, незащищенные природой места, появляются в этот период и на других памятниках Приморского Дагестана, что видимо, было связано с усилением активности кочевников.

Анализ керамического материала и фортификации данного поселения позволяет считать, что оно было оставлено местным населением, связанным с древними обитателями Дагестана едиными культурно-экономическими традициями.

3. Поселение, бытовавшее на протяжении целого тысячелетия в скифское, албано-сарматское и раннесредневековое время, вероятно, подвергалось неоднократным нападениям о чем свидетельствуют многочисленные следы пожаров и две прослойки без культурных остатков, документирующие, по нашему мнению, периоды запустения на поселении в албано-сарматское время. Огромное стратегическое значение прохода в ожесточенных войнах между Персией, а позднее Сасанидским Ираном и Римом за обладание Закавказьем, когда он использовался наемными отрядами кочевников, призываемых воюющими сторонами, несомненно приводило эти державы к попыткам распространить свою власть и влияние на него.

В свете археологических данных становится более очевидным преднамеренная замена Тацитом общепринятого, традиционного у античных

авторов термина для наименования Дербентского прохода «Caspia portae» (Каспийские ворота, проход) на «Caspia claustra» (Каспийские укрепления, запоры, вал, крепость), что более точно отражало истинное положение вещей. Столь авторитетный и осведомленный историк, как Тацит, сообщая о готовящемся сюда походе Нерона, видимо, хотел подчеркнуть нахождение в Дербентском проходе известных ему укреплений, против которых вероятно и готовил свой поход император, стремившийся захватить этот важнейший на Кавказе стратегический пункт.

Археологические раскопки на дербентском холме открыли совершенно новые страницы в истории этого древнего города и доказали правоту предположения о возможности существования в проходе фортификации и обживания этого района в досасанидский период и дали веские аргументы сторонникам высказанных в исторической литературе предположений о локализации здесь птолемеевской Гелды.

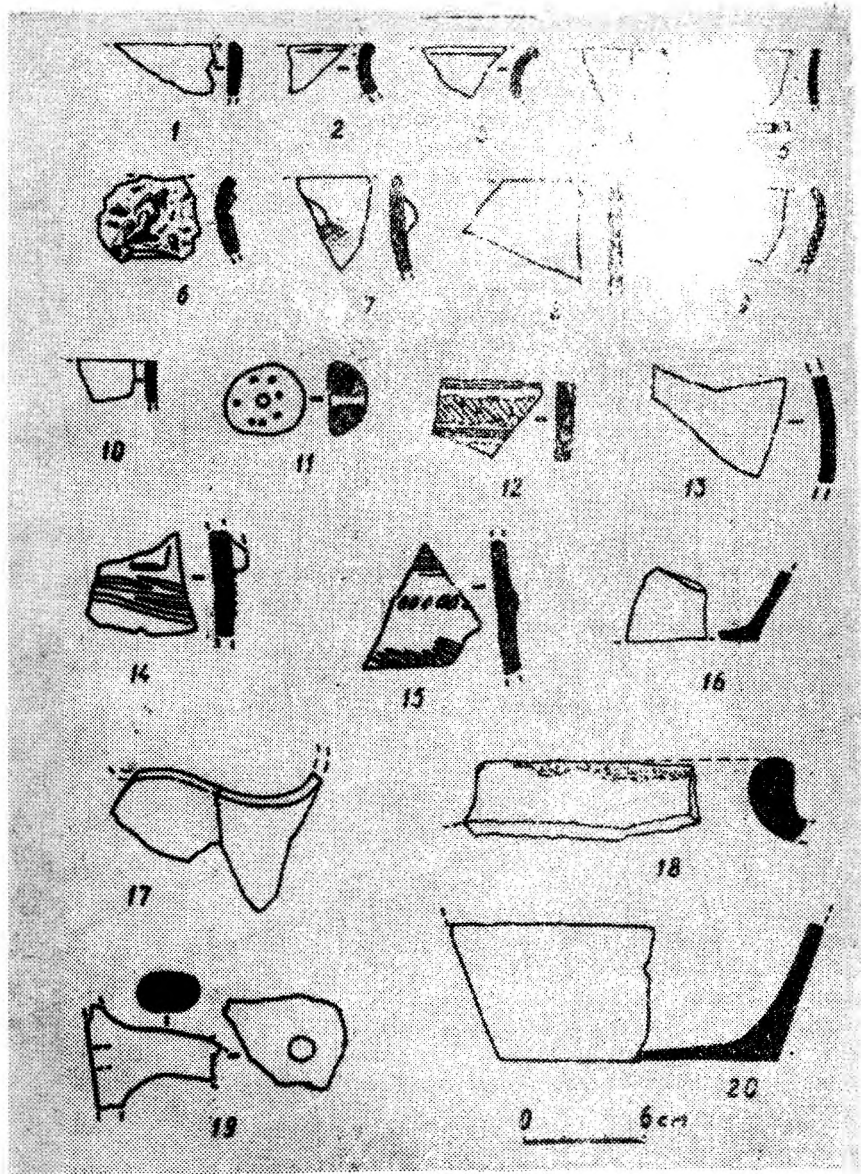

Табл. I. Керамика скифского времени из древнейших слоев Дербента.

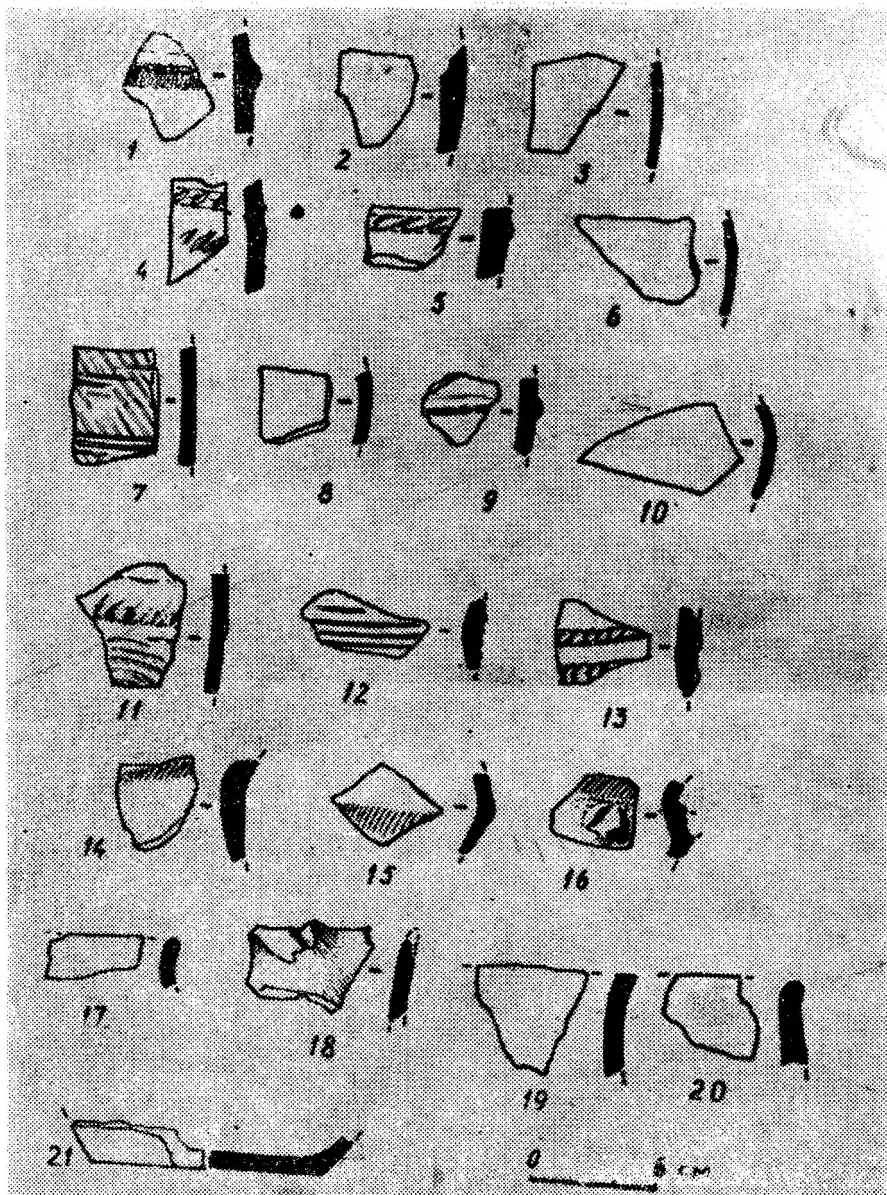

Табл. II. Керамика скифского времени из древнейших слоев Дербента.

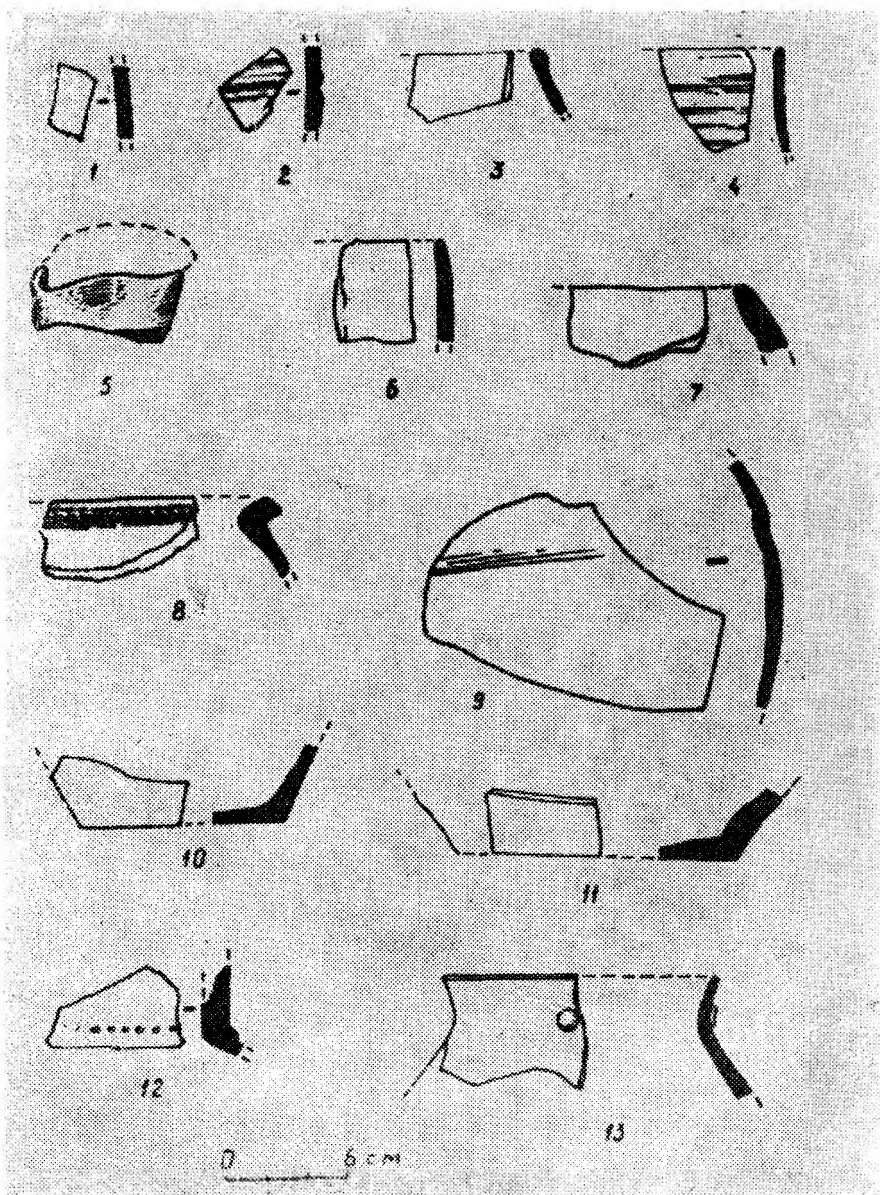

Табл. III. Чернолощенная керамика из слоев Дербента VIII—V вв. до н. э.
 (13 — горшок с наружной обмазкой)

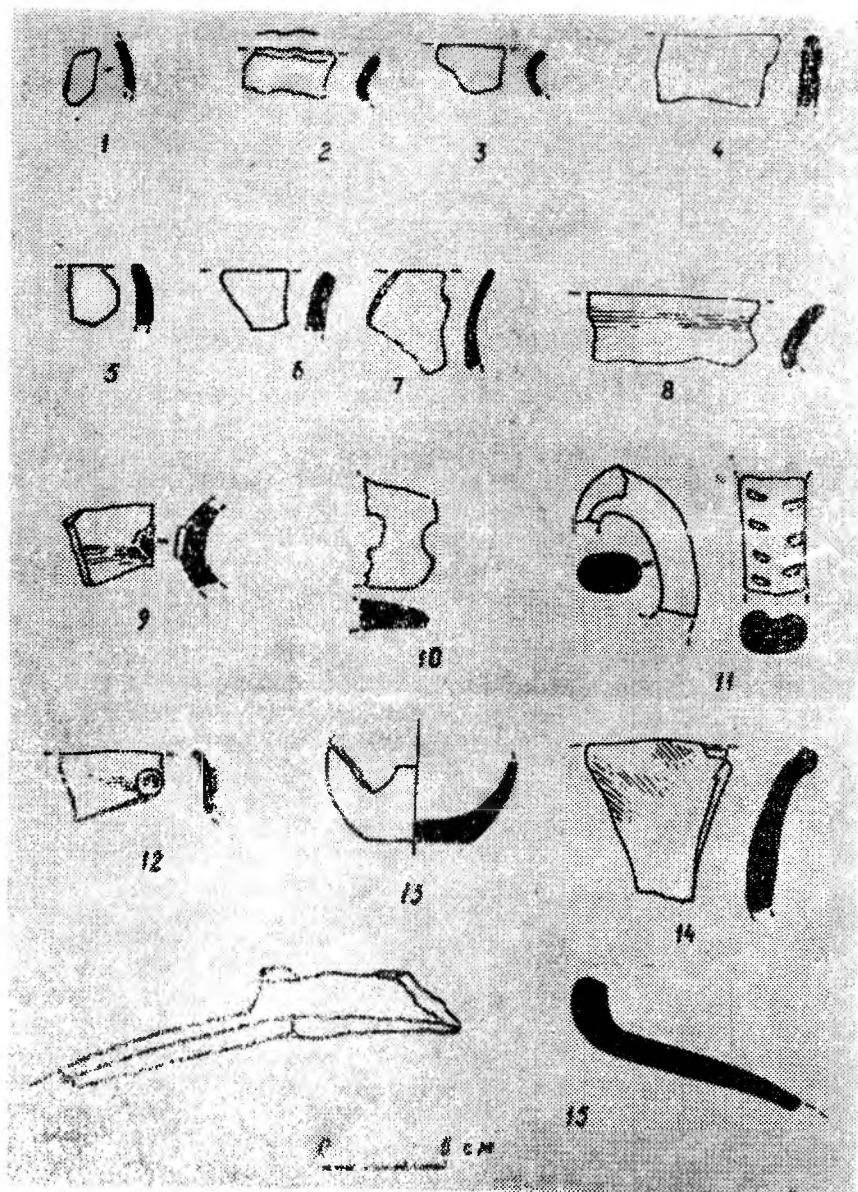

Табл. IV. Керамика скифского времени из слоев Дербента VIII—IV вв. до н. э.

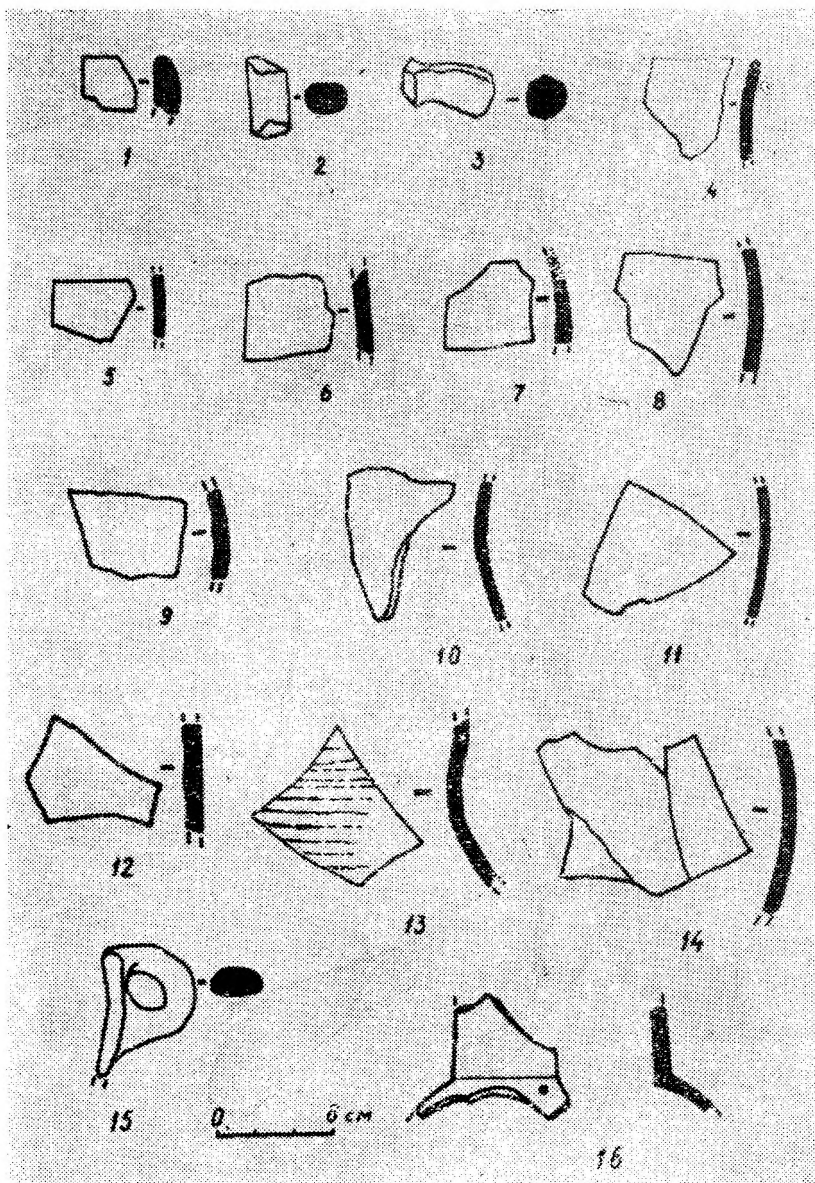

Табл. V. Керамика скифского времени из слоев Дербента V—IV вв. до н. э.
(16 — албанский период).

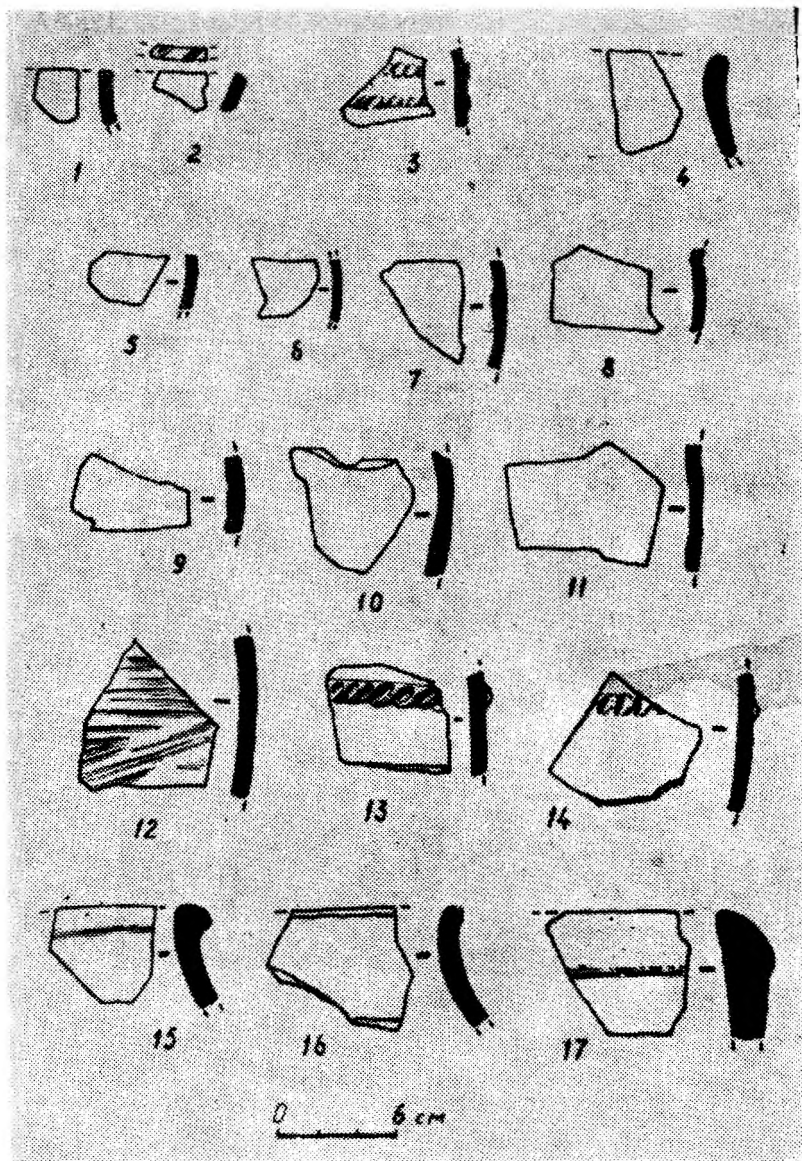

Табл. VI. Керамика из слоев Дербента скифского и раннеалбанского (15, 16) времени.

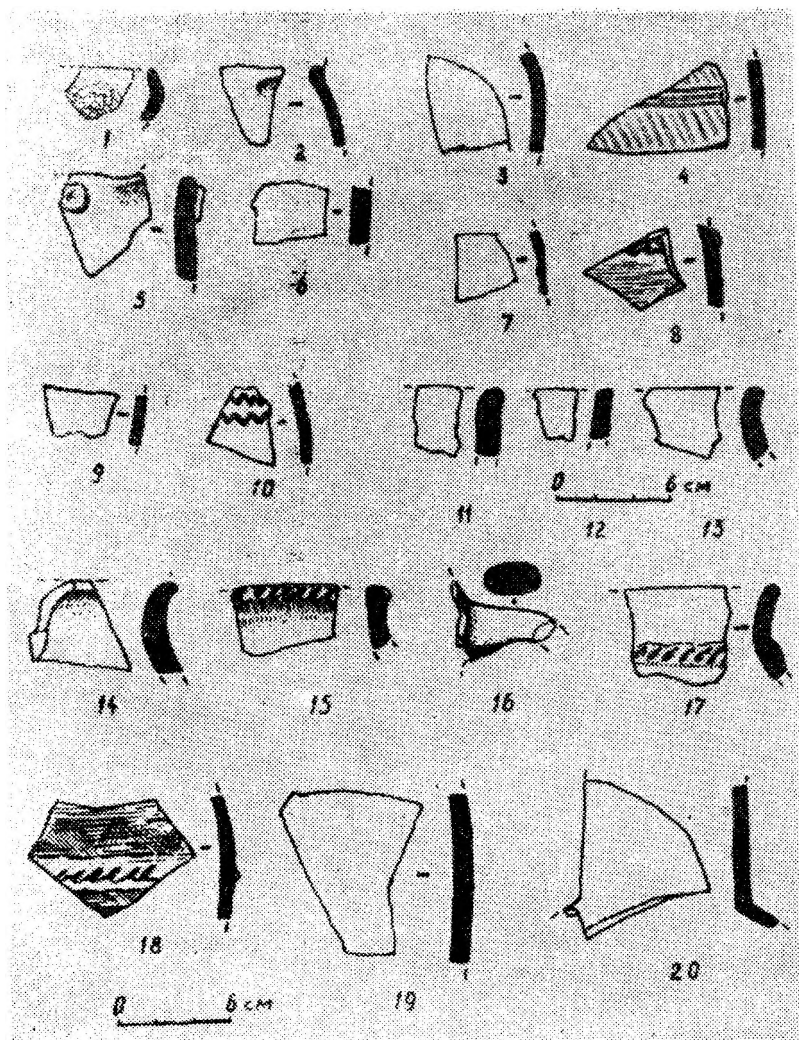

Табл. VII. Керамика из слоев Дербента скифского и раннеалбанского времени.

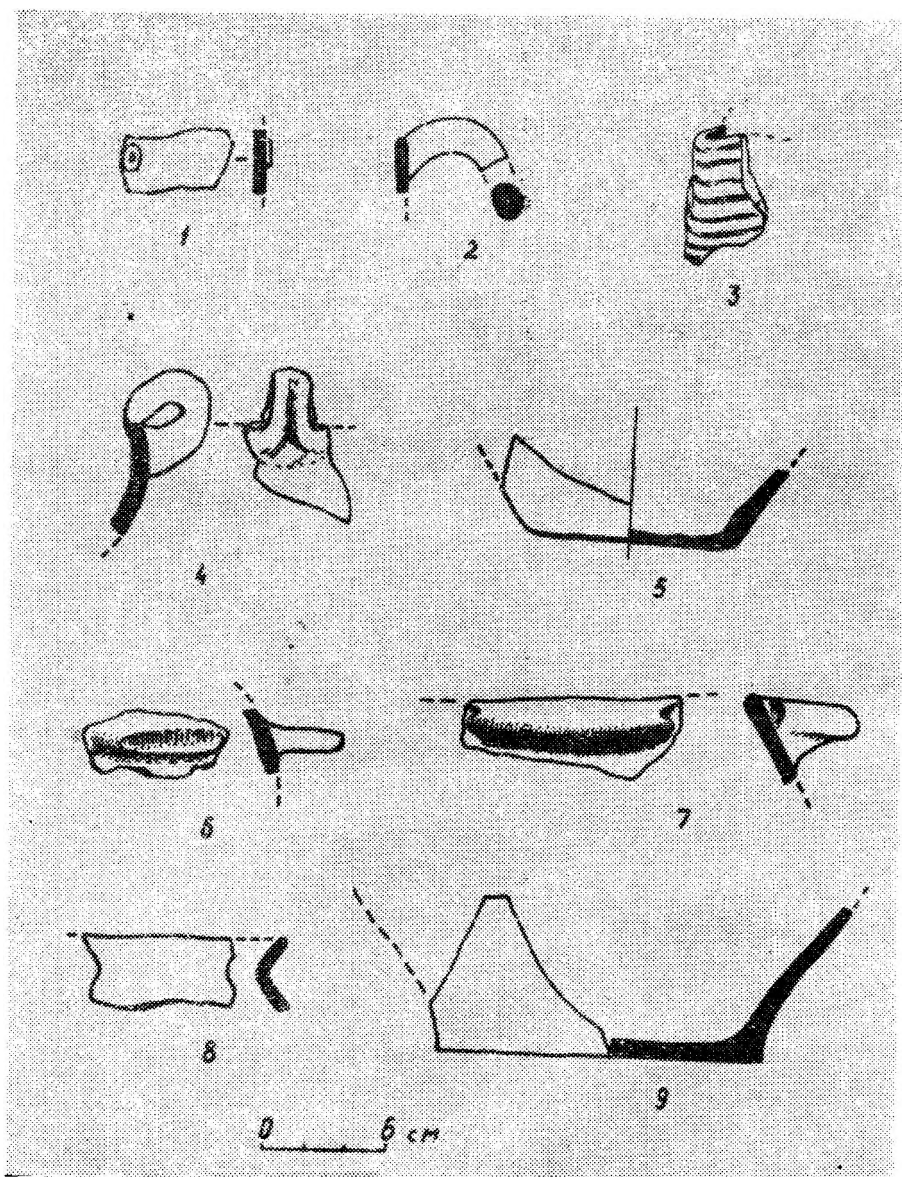

Табл. VIII. Керамика из слоев Дербента албанского времени.

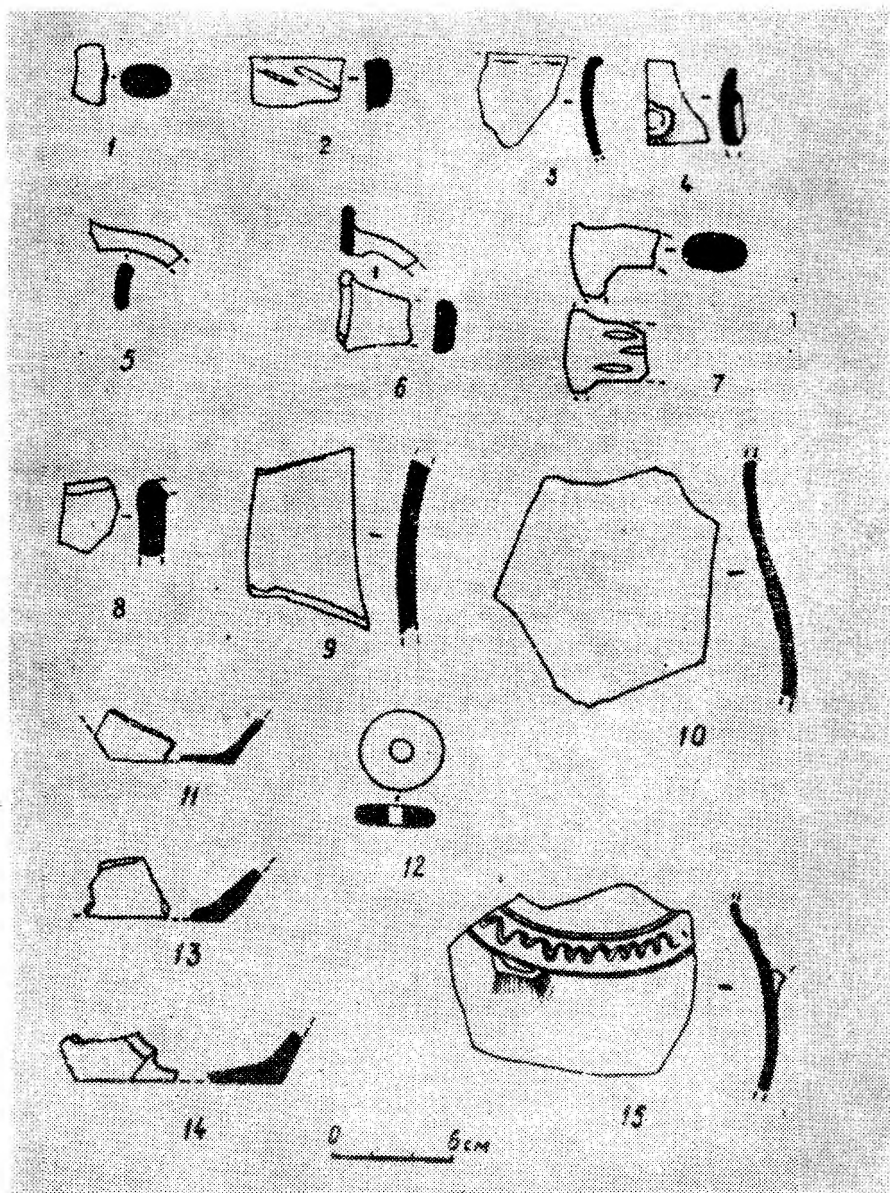

Табл. IX. Керамика из слоев Дербента албанского времени.

О СВЯЗЯХ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ В I в. ДО Н. Э.

(ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ)

Кавказская Албания, как свидетельствуют нарративные источники и памятники материальной культуры, со времен походов Александра Македонского на Восток, вовлекается в орбиту международной торговли¹. В последующий период эти связи с внешним миром не только крепнут, но и значительно расширяются, в особенности в I в. до н. э. Документами этих связей являются и монеты. Для освещения ряда вопросов истории Кавказской Албании большое значение имеют монетные находки, зарегистрированные Е. А. Пахомовым в серии выпусков «Монетные клады Азербайджана, других республик, краев и областей Кавказа»², а также в ряде отдельных публикаций.

Сведение воедино всех монет I в. до н. э., выявленных на территории Азербайджана и зарегистрированных в указанных выпусках, позволяет сделать следующие, небезытересные, наблюдения:

интенсивность монетного обращения Кавказской Албании в I в. до н. э. была довольно высокой;

в основе денежного обращения лежала серебряная монета;

денежные знаки I в. до н. э. отличаются не только обилием, но и значительным разнообразием.

Среди иноземных монет указанного периода самую многочисленную группу составляют парфянские серебряные драхмы, регулярное поступление которых в Албанию началось еще во II в. до н. э.³ Наибольшей же популярностью в начале I в. до н. э. пользовались монеты одного из

¹ М. М. Расулова. Связи Кавказской Албании с античным миром в IV в. до н. э. III в. н. э. (торгово-экономические и культурные), Баку, 1969, стр. 9—16.

² Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана, других республик, краев и областей Кавказа (издавались с 1926 по 1936 гг., вышло за это время девять выпусков, 10-й, в рукописи, еще не издан, но благодаря любезности Е. В. Пахомовой, вдовы ученого, мною использован. В дальнейшем для краткости будет указываться выпуск этого издания и номер описанной в нем находки).

³ См. М. М. Расулова. Нумизматические находки как источник изучения связей Кавказской Албании с эллинистическим миром. «Ученые записки» Азербайджанского Государственного Университета. Серия истории и философии», № 7, Баку, 1971 г., стр. 21.

самых предприимчивых и удачливых царей Парфии — Митридата II, при котором границы царства Аршакидов были значительно расширены и простирались от Окса до Евфрата⁴.

Находки митридатовских драхм известны на городище Харабагилян⁵, Астаре⁶, Джажибадском районе (совхоз им. III Интернационала)⁷ на Мугани, в зоне Карадонлы⁸, в составе клада античных монет⁹. В последнем было 81 указанных драхм без дат, несколько вариантов с изображением Митридата II в диадеме, без тиары, с различными монограммами и 21 драхма с портретом царя в тиаре¹⁰. О большой популярности монет Митридата II в Кавказской Албании свидетельствует не только разнообразие этих драхм, но и варварские подражания им, с искаженными изображениями и надписями, выявленные Е. А. Пахомовым в составе Хыныслынского клада¹¹. Однако, по этим двум монетам — подражаниям пока еще очень трудно судить относительно места их чеканки. Но, небезынтересен тот факт, что Е. А. Пахомов еще до обнаружения Хыныслынского клада «не исключал возможности отливки копий аршакидских драхм в середине I в. до н. э. на территории Азербайджана, ссылаясь при этом на заявления некоторых археологов, которым подобные копии попадались во время раскопок погребений в западных частях республики»¹².

Значительный приток парфянских серебрянных драхм в Закавказье¹³, в том числе и Албанию, со времен Митридата II объясняется главным образом внешнеполитической активизацией Парфии в I в. до н. э.

Как известно, Митридат II, упрочив свое положение, на Востоке¹⁴ и, продолжив экспансионистскую политику, начатую предшественниками, значительно расширяет пределы Парфянской державы¹⁵. Будучи

⁴ С. Ллойд. Реки-близнецы. М., 1972, стр. 110.

⁵ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. II, № 329.

⁶ Там же, № 330.

⁷ М. М. Расулова. Об одной находке монеты из Джажибадского района истории и философии, № 8, Баку, 1973, стр. 9—11.

⁸ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. I, № 30.

⁹ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. IX, № 2060.

¹⁰ Там же, № 2090.

¹¹ Там же.

¹² Е. А. Пахомов. Монеты Азербайджана. Вып. I. Баку, стр. 6—7, Ср. К. В. Голенко денежное обращение Колхиды в римское время. М., 1964, стр. 53, сноска 5.

¹³ В пределах которого аршакидские тетрадрахмы пока не обнаружены.

¹⁴ Здесь, отмечает Р. Фрай, он «восстановил власть парфян, остановив саков и, возможно, заключив с ними союзный договор». См. Р. Фрай. Наследие Ирана. М., 1972, стр. 252.

¹⁵ Согласно мнения Р. Фрая, Парфянское царство со времен Митридата II простиралось до границ Индии, включая современный Кандахар. Р. Фрай. Указ. соч., стр. 252.

весьма дальновидным политиком, он прежде всего обращает свои алчные взоры на благодатный Запад, где довольно удачными и решительными действиями заставляет признать господство парфян не только отсложившиеся области, но и вынуждает царя Армении Артавазда I заключить невыгодный для него мир и в обеспечение верности условиям договора, дать в заложники юного царевича Тиграна (сына, или, что более вероятно, племянника)¹⁶. В дальнейшем, побуждаемый стремлением еще более усилить свое влияние на Армению, занимавшую исключительно важное стратегическое положение, а также и на восточные области Малой Азии и Закавказье, Митридат II, при помощи парфянских войск сажает на армянский престол около 94 г. до н. э. — царевича Тиграна¹⁷, который позже стал известным как Тигран II Великий.

Видимо, этим парфянский царь обеспечивает свое влияние в Малой Азии и Закавказье. Последнее обстоятельство и является одной из основных причин, повлекших за собой массовый приток со времен Митридата II парфянских серебряных драхм и их повсеместное распространение. Яркая иллюстрация тому — многочисленные находки аршакидских монет в различных областях Закавказья. Так, территории Армении в селе Арбазия Басаркечарского района¹⁸, в Ленинакане¹⁹, близ села Ширазлу Апаранского района, где они обнаружены с драхмами Фраата III и Орода I²⁰ и в составе большого клада античных монет в селе Сарнакуик Сисианского района²¹. Последний, наряду с драхмой Митридата II, содержал 20 экземпляров монет других парфянских царей, правивших в I в. до н. э.²² Что же касается территории Грузии, то парфянский чекан там представлен монетами царствующей династии

¹⁶ М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 192; Я. А. Манандян. Тигран II и Рим. Ереван, 1943, стр. 25.

¹⁷ М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 192; Всемирная история, т. II, М., 1956, стр. 432. Согласно мнения авторов «Истории армянского народа», царевич Тигран «ценою земельных уступок парфянам, получил право вернуться в Армению и занять трон отца». См. «История армянского народа» под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннесяна. Ереван, 1951, стр. 35.

¹⁸ Е. А. Пахомов. Монетные клады, вып. V, № 1372.

¹⁹ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. VI, № 1541.

²⁰ Там же, № 1543.

²¹ Там же, № 1536. В 1964—66 гг. Музей истории Армении получил еще несколько монет из этого клада (20 экз.). Суммируя все эти монетные находки, Х. А. Мушегян заново рассмотрел и опубликовал состав указанного клада, который, согласно его мнению, является «самым многогранным, отражающим обширные связи Армении с греко-римским миром конца I в. до н. э.» См. Х. А. Мушегян. Монетные клады Армении, I. Ереван, 1973, стр. 124—135.

²² Х. А. Мушегян. Указ. соч., стр. 150—153.

после Митридата II²³, хотя и известен единичный случай обнаружения монет ранних Аршакидов близ гор. Гори²⁴.

Картина относительно широкого распространения митридатовских драхм становится более ясной, если к сказанному прибавить немаловажный факт: время правления Митридата II «царя-царей»²⁵ — период максимального усиления парфянского государства. Ведь со времен этого аршакида Парфия оказалась обладательницей концевой части известной и самой оживленной к тому времени, караванной трассы — «Великого шелкового пути», пересекавшей с Востока на Запад всю Азию, связывая далекое «Срединное царство» (империю Хань) со средиземноморским миром²⁶.

О длительном и весьма успешном царствовании Митридата II, как подчеркивает Р. Фрай, указывает «разнообразие типов и большое число его, монет, дошедших до нас»²⁷.

После смерти Митридата II, армянский царь Тигран II, воспользовавшись сменой власти в Парфии, полным ослаблением государства Селевкидов и войной понтийского царя Митридата VI с Римом, перешел в наступление, значительно расширив пределы своих владений²⁸. Над Парфией и другими государствами, входившими в сферу влияния аршакидов, нависла кратковременная угроза армянского вторжения.

При Тигране II, армянское царство, будучи одним из могущественных на Ближнем Востоке, используя богатый опыт монетного дела как Селевкидов, так и Аршакидов, выпускало свои монеты²⁹. По-видимому, в этот период и проникают в пограничные, юго-западные районы Азербайджана монеты царя Тиграна II (95—55 гг. до н. э.), преимущественно в виде драхм тетрадрахм. Находки их властны в Карягино³⁰. Мингечауре³¹.

23 Г. А. Ломтатидзе. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955, стр. 90 и сл.; Д. Г. Капанадзе. Монетные находки Мцхетской экспедиции, ВДИ, 1955, № 1, стр. 165; Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. VII, Баку, 1957, № 1738, 1742, 1743; вып. III, № 1925; вып. IX, № 2082. Хотя, как справедливо замечает К. В. Голенко, Грузия по числу находок аршакидского серебра не уступает Азербайджану и Армении, но в хронологическом отношении грузинские находки более моложе, чем монетные материалы из других областей Закавказья. См. К. В. Голенко. Указ. соч., стр. 52.

24 Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. II, № 328.

25 Митридат II был первым парфянским правителем, употребившим титул «царя царей» на монетах. См. Р. Фрай. Указ. соч., стр. 251—252.

26 А. Г. Бокшанин. Парфия и Рим, ч. II, Изд-во МГУ, 1966, стр. 13.

27 Р. Фрай. Указ. соч., стр. 252.

28 Х. А. Мушегян. Указ. соч., стр. 128; А. Г. Бокшанин. Указ. соч., стр. 14—15; Я. А. Манандян. Указ. соч., стр. 26—28; История древнего Рима. Под ред. А. Г. Бокшанина и В. И. Кузизина, М., 1971, стр. 219.

29 Х. А. Мушегян. Указ. соч., стр. 128.

30 Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. II, № 318.

31 Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. VI, № 1548.

Можно полагать, что обширные завоевания Тиграна II, расширение им пределов Армении до Средиземного моря, «обладание всеми переправами через реку Евфрат»³², создали благодатную почву для более тесного общения Закавказья, в том числе и Албании, с эллинистическими центрами Сирии, Месопотамии и др. Однако и после смерти Митридата II преобладающее влияние в Албании продолжало оставаться за Парфией. Последнее документируется монетами Орода I, имевшими хождение в основном в прикуринской зоне Албании, в Мингечауре³³ и недалеко от Кировабада³⁴, драхмами Санатрука — в Хыныслыном кладе³⁵, Фраата III в Мингечауре³⁶, в зоне Кировабада³⁷, около десятка этих мест обнаружено в Хыныслы³⁸, монетами Митридата III, Фраата IV, встречаемыми в прикуринской зоне³⁹, Барде⁴⁰, на Мугани, у канала им. Азизбекова⁴¹.

Широкое распространение парфянских монет на территории исторической Кавказской Албании со времен Митридата II объясняется ее возросшим торговым потенциалом, вовлечением ее в сферу экономического влияния государства Аршакидов, почва для контактов с которым была подготовлена торгово-экономическими связями Закавказья с эллинистическими государствами.

Парфянское государство, объединившее под своей властью многие страны Востока, оказало большое политическое, экономическое и культурное влияние на страны Закавказья, в том числе и Албанию. В парфянский период народы Закавказья, как верно подметил в своем докладе «К 2500-летию Иранского государства» Б. Г. Гафуров, «в условиях активных контактов развивали свои традиции, обогащенные достижениями эллинистической культуры»⁴².

Политическое же единство государства Аршакидов достигалось, как известно, в значительной степени благодаря военной силе и контролю над путями международной торговли.

Обращает на себя серьезное внимание следующий факт: отмеченные выше находки парфянских драхм после Митридата II сопутствуемы

³² См. «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР». М., 1956, стр. 4.

³³ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. VI, № 1544.

³⁴ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. III, № 762.

³⁵ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. IX, № 2080.

³⁶ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. VI, № 1544.

³⁷ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. III, № 762.

³⁸ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. IX, № 2080.

³⁹ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. VI, № 1544; вып. V, № 1377.

⁴⁰ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. II, № 332.

⁴¹ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. II, № 331.

⁴² Б. Г. Гафуров. К 2500-летию Иранского государства. В сб.: «История Иранского государства и культуры». М., 1971, стр. 32.

римскими республиканскими денариями. Подобные совпадения не случайные и с целью выяснения причин такого сосуществования монет в пределах Албании в I в. до н. э., обратимся к истории.

В 60-х годах до н. э., на территории Кавказской Албании происходят первые столкновения с римлянами, властителями Средиземноморья, пытавшимися распространить свое влияние и на области Закавказья. Последние находились в то время в сфере интересов понтийского царя Митридата VI Евпатора, который совместно с Тиграном II, бывшим с ним в союзнических отношениях, сделал попытку взять обеспечение международной торговли в свои руки. С целью же реализации этих планов царь Понта Митридат VI⁴³ решил позаботиться о развитии и использовании северных торговых путей через страны Закавказья и Боспорское царство⁴⁴. Он проявляет большую заинтересованность в эксплуатации и нормальном функционировании важной торгово-транзитной магистрали Индия—Понт, пересекавшей территорию Иберии и Албании⁴⁵. По всей вероятности именно эта заинтересованность и побуждает Митридата VI заключить союз с правителями Иберии и Албании⁴⁶. Все эти действия понтийского царя имели конечным своим результатом значительный рост торгового оборота, достигшего высшей точки именно в период его царствования⁴⁷. Торговая политика Митридата VI Евпатора содействовала оживлению связей между областями Закавказья, с одной стороны, и припонтийскими владениями Митридата, с другой. Данное обстоятельство также нашло отражение в нумизматическом материале. В Хыныслынкском кладе, наряду с селевкидскими, парфянскими и другими монетами, были тетрадрахмы царей Вифинии — Никомеда II и Никомеда III (92—74 гг.), а также афинские тетрадрахмы т. н. «нового стиля»⁴⁸. Последние обращались и на рынках Колхиды, где они известны

⁴³ В связи с усилением понтийского царства еще в конце II в. до н. э. Колхида, так же, как Малая Армения и Боспорское царство, вошла в состав владений Митридата VI.

⁴⁴ «Очерки истории СССР», стр. 451.

⁴⁵ См. А. И. Болтунова. Античные города Грузии и Армении.— В сб.: «Античный город». М., 1963, стр. 167; Г. А. Лордкипанидзе. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970, стр. 92.

⁴⁶ А. И. Болтунова. Указ. соч., стр. 167. По мнению Г. А. Лордкипанидзе Иберия и Албания до конца остались верными союзниками Митридата VI. См. Указ. соч., стр. 92.

⁴⁷ М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 211.

⁴⁸ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. IX, № 2080.

⁴⁹ Г. А. Лордкипанидзе. Указ. соч., стр. 105; О. Л. Лордкипанидзе. Торгово-экономические и культурные взаимоотношения античного мира с Колхидой в эпоху эллинизма.— В сб.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 234.

по находкам в Вани⁴⁹, Сухуми⁵⁰. Найдены такие же тетрадрахмы и в Ольвии, и в Херсонесе — все они II в. до н. э.⁵¹

По мнению К. В. Голенко, эти монеты «могли быть завезены в Колхиду через порты Черного моря»⁵², где они имели широкое хождение. Однако, выпуск афинских тетрадрахм «нового стиля», как отмечает Г. А. Лордкипанидзе, продолжался до 85 года н. э. и они могли находиться в обращении «гораздо дольше, и в эпоху Митридата VI Евпатора»⁵³. С указанным мнением Г. А. Лордкипанидзе, согласуются и наши находки, ибо в Хыныслыньском кладе, вместе с афинскими тетрадрахмами, была в тетрадрахма Митридата VI. Найдены же последних известны в Сухуми и в окрестностях Ванского городища⁵⁴. Г. А. Лордкипанидзе отмечает, что в эпоху владычества Митридата VI на рынках Колхиды обращались исключительно понтийские монеты. «Денежное обращение в Западной Грузии было аналогичным с обращением в малоазийских владениях Митридата. Но в отличие от Понтийского царства, в Колхиде находились в обращении и серебряные драхмы парфянских царей»⁵⁵. Монеты Парфии могли проникать в Колхиду из внутренних областей Закавказья, в том числе через территорию Албании⁵⁶. А все это может быть свидетельством торгово-экономических связей между Албанией, Иберией и Колхидой, а через эти области, вероятно, и с припонтийскими владениями Митридата Евпатора.

Окрыленный этими успехами понтийский царь совместно с царем Армении Тиграном II, которому не в меньшей мере сопутствовали внешнеполитические успехи, стремятся закрепить захваченные ими области и расширить еще более свои пределы, граничившие с римскими провинциями и угрожают им⁵⁷. Под предлогом защиты интересов сына вифинского царя Никомеда III от притязания римлян, Митридат VI захватывает Вифинию и объявляет войну Риму⁵⁸. Таким образом, столкновение между ними становится неизбежным и начинается в 74 г. до н. э. война, известная как третья митридатова война. «Рано или поздно, замечает по

⁵⁰ Д. Лордкипанидзе. Указ. соч., стр. 234; П. О. Карышковский. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. ВДИ, 1964, стр. 131—133.

⁵¹ П. О. Карышковский. Указ. соч., стр. 131, и сл.; Л. П. Харьков. Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг. — В сб.: «Ольвия». М.—Л., 1964, стр. 232.

⁵² К. В. Голенко. Денежное обращение Колхиды, стр. 17; О. Д. Лордкипанидзе считает, что эти монеты свидетельствуют о взаимоотношениях Колхиды с Афинами. См. указ. соч., стр. 234.

⁵³ Г. А. Лордкипанидзе. Указ. соч., стр. 106.

⁵⁴ Там же, стр. 105.

⁵⁵ Там же, стр. 106.

⁵⁶ См. А. Н. Зограф. Распространение находок античных монет на Кавказе. «Труды отдела нумизматики Гос. Эрмитажа», т. I, Л., 1955, стр. 42 и сл.; К. В. Голенко. Указ. соч., стр. 34, 54.

⁵⁷ «История древнего Рима», стр. 219.

⁵⁸ «История древнего Рима», стр. 219.

этому поводу Я. А. Манандян, — Рим должен был свести счеты с Тиграном II за покорение им Сирии, разорение Каппадокии, союзных ему стран⁵⁹. А, если бы даже не было таких соперников как Понт и Армения Рим все же, как надо полагать, пытался бы проникнуть в такой богатый край, как Закавказье. Это должно было случиться, ибо Рим был прежде всего захватчиком, очень богатым, но вечно голодным, ненасытным хищником, которому вечно не хватало земель, рабов, рынков и торговых путей.

В войне с Митридатом VI один из римских полководцев Гней Помпей в 65—64 гг. до н. э. вторгается со своими легионерами в Албанию⁶⁰. По-видимому, после этих событий группировка Помпея заимела своих сторонников среди жителей Албании. Косвенным свидетельством этого могут быть монетные находки в одном из кувшинных погребений, где наряду с денарием Гнея Помпея Могнуса (сына полководца), были монеты известных сторонников помпейской группировки: Скрибония Либона, Марка Публиция, Плавтия Планка⁶¹.

После походов Помпея Кавказская Албания вовлечена и в сферу торгово-экономической и политической жизни Римского мира.

Таким образом, анализ иноземных монет I в. до н. э., обнаруженных на территории исторической Албании, позволяет установить не только направления и характер её связей с внешним миром, но определить также роль и место Кавказской Албании в международной торговле и политике того времени.

С усилением Парфянской державы и утверждением её противника Рима в Малой Азии в Восточном Средиземноморье, Кавказская Албания, также как и другие закавказские государства попала в орбиту большой политики этих двух «мировых империй» того времени.

⁵⁹ Я. А. Манандян. Тигран II и Рим., стр. 91—92.

⁶⁰ Об этом вторжении Помпея в Албанию сообщают: Плутарх в биографии полководца, XXXIV, XXXV. См. ВДИ, 1947, № 4, стр. 280—283; Тит Ливий. История от основания города. См. В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. II, Спб., 1904, стр. 50; Аппиан. О Митридатových войнах, гл. 103, 114. ВДИ, 1946, № 4, стр. 280 и сл.

⁶¹ Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. VI, № 1548.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АО	— Археологические открытия.
АС	— Археологический сборник.
АЭС	— Археолого-этнографический сборник.
ВГМГ	— Вестник Государственного музея Грузии.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ДАЭ	— Дагестанская археологическая экспедиция.
Изв. Аз. ФАН	— Известия Азербайджанского филиала Академии наук.
Изв. АН. Аз. ССР	— Известия Академии наук Азербайджанской ССР.
Изв. ГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАД	— Материалы по археологии Дагестана.
МАК	— Материалы археологии Кавказа.
МАЭ	— Музей Антропологии и этнографии.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МКА	— Материальная культура Азербайджана.
МИСК	— Материалы по изучению Ставропольского края.
ОАК	— Отчет археологической комиссии.
СА	— Советская археология.
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СЭ	— Советская этнография.
ТИИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии.
Тр. ХАЭ	— Труды Хорезмийской археологической экспедиции.
Тр. АС	— Труды Археологического съезда.
ТЮТАКЭ	— Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции.
УЗ ИИЯЛ	— Ученые записки Института истории, языка и литературы.
УЗ КНИИ	— Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.
РФ ИИЯЛ	— Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.
ЧИНИИ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Х. А. Амирханов. Типологические параллели поздним комплексам Чохской стоянки в мезолите восточного Прикаспия	6
М. Г. Магомедов. Гробницы эпохи бронзы в урочище «Гентал»	14
Г. С. Федоров. Еще одна манасская катакомба	22
Р. Н. Мирзоев. К типологии предметов вооружения из раннесредневековых памятников Дагестана	26
М. Г. Гаджиев, М. М. Маммаев. Каменное антропоморфное изваяние из Экибулака	52
В. И. Каневец, В. И. Марковин. Наскальные изображения в долине реки Сулак	58
Е. И. Козенкова. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии	70
М. М. Маммаев. Элементы скифо-сибирского «звериного» стиля в декоративно-прикладном искусстве Дагестана эпохи раннего железа	96
О. М. Давудов. Сумбатлинский могильник	108
А. А. Кудрявцев. Первые исследования досасанидского Дербента	130
М. М. Расулова. О связях Кавказской Албании в I в. до н. э. (по данным нумизматики)	158

ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА
(Сборник статей)

Редактор *Е. И. Чернигова*
Технический редактор *П. А. Эльдарушева*
Корректор *З. Омарови*

Сдано в набор 9. XI. 1977 г. Подписано в печать 23. XII. 1977 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Объем 10,3 п. л. Уч.-изд. л. 11,69.
С 03263. Тираж 500. Заказ 590. Цена 84 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР.
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

Цена 84 коп.